

Центр развития демократии и прав человека
Правозащитный центр «Мемориал»
Фонд ИНДЕМ

Связи коррупции с нарушениями прав и свобод граждан в силовых сферах современной России

Аналитический доклад

Москва
2013

Доклад о связи коррупции с нарушениями прав и свобод граждан в силовых сферах

Связи коррупции с нарушениями прав и свобод граждан в силовых сферах современной России. Аналитический доклад. М.: Центр развития демократии и прав человека, 2013, 60 с.

Редакторы-составители: Владимир Римский (Фонд ИНДЕМ) и Андрей Калих (Центр развития демократии и прав человека)

Рабочая группа исследований (редакционная коллегия): Валентин Гефтер (Институт прав человека), Юрий Джигладзе (Центр развития демократии и прав человека), Андрей Калих (Центр развития демократии и прав человека), Людмила Вахнина (Правозащитный центр «Мемориал»), Владимир Римский (Фонд ИНДЕМ)

Авторы доклада: Людмила Вахнина (Правозащитный центр «Мемориал»), Владимир Римский (Фонд ИНДЕМ).

Координатор исследований и редактор доклада – Андрей Калих (Центр развития демократии и прав человека)

© 2013, Рабочая группа исследований (редколлегия)
© 2013, Центр развития демократии и прав человека
© 2013, авторы

Электронная версия доклада размещена на веб-сайтах Центра развития демократии и прав человека: <http://www.demokratia.ru> и фонда ИНДЕМ: <http://www.indem.ru>.
Контактный электронный адрес редколлегии: akalikh@yandex.ru, vrim@yandex.ru.

Ответственность за содержание, а также все права на данный доклад принадлежат рабочей группе исследований (редколлегии). При использовании материалов и выдержек ссылки на доклад обязательны.

Доклад опубликован Центром развития демократии и прав человека.

СОДЕРЖАНИЕ

| | |
|--|----|
| Введение | 5 |
| Критерии нарушений прав и свобод граждан, принятые в проекте..... | 6 |
| Критерии проявлений коррупции, принятые в проекте | 7 |
| Понимание коррупции | 7 |
| Институциональная коррупция | 9 |
| Коррупционные сети и этос коррупции | 9 |
| Сущность общих факторов коррупции и нарушений прав и свобод граждан | 11 |
| 1. Непонимание и нежелание применять универсальные нормы права | 11 |
| 2. Защита прав гражданами с помощью коррупционных действий..... | 12 |
| 3. Нарушение общепринятых норм морали | 12 |
| 4. Проявление развитого в российском социуме социального эгоизма..... | 12 |
| 5. Проявление развитого рентоориентированного поведения у должностных лиц российских органов власти | 13 |
| 6. Следование культурным традициям, обычаям и укоренившимся стереотипам .. | 13 |
| 7. Коммерциализация нерыночных взаимоотношений и ценностей | 16 |
| Выявление и обоснование общих факторов в проанализированных сферах деятельности | 16 |
| Сфера Вооружённых сил РФ | 16 |
| Введение | 16 |
| 1. Непонимание и нежелание применять универсальные нормы права | 17 |
| 2. Защита прав гражданами с помощью коррупционных действий..... | 20 |
| 3. Нарушение общепринятых норм морали | 23 |
| 4. Проявление развитого в российском социуме социального эгоизма..... | 26 |
| 5. Проявление развитого рентоориентированного поведения у должностных лиц органов власти..... | 28 |
| 6. Следование культурным традициям, обычаям и укоренившимся стереотипам .. | 32 |
| 7. Коммерциализация нерыночных взаимоотношений и ценностей | 35 |
| 8. Иные или специфические для этой сферы связи коррупции с нарушениями прав и свобод граждан | 41 |
| Сфера деятельности полиции | 41 |
| Введение | 41 |
| 1. Непонимание и нежелание применять универсальные нормы права | 42 |
| 2. Защита прав гражданами с помощью коррупционных действий..... | 46 |
| 3. Нарушение общепринятых норм морали | 47 |
| 4. Проявление развитого в российском социуме социального эгоизма..... | 47 |
| 5. Проявление развитого рентоориентированного поведения у должностных лиц органов власти..... | 48 |
| 6. Следование культурным традициям, обычаям и укоренившимся стереотипам .. | 49 |
| 7. Коммерциализация нерыночных взаимоотношений и ценностей | 51 |
| 8. Иные или специфические для этой сферы связи коррупции с нарушениями прав и свобод граждан | 52 |
| Рекомендации | 53 |
| Заключение | 54 |
| Вооружённые силы РФ..... | 54 |
| Полиция | 56 |
| Литература | 57 |
| Краткие сведения об авторах доклада | 60 |
| Эксперты, чьи заключения использовались при подготовке доклада | 60 |

Введение

В 2011-2012 годах был выполнен проект «Коррупция и права человека в современной России». По его результатам был написан и опубликован доклад о результатах анализа связи коррупции с нарушениями прав и свобод граждан (Коррупция и права, 2012).

Уже в процессе завершения этого проекта в ходе обсуждений полученных результатов на заседаниях рабочей группы было решено продолжить исследование темы связи коррупции с нарушениями прав и свобод граждан. Причин для такого решения было несколько.

Во-первых, эта тема, несмотря на кажущуюся очевидность, оказалась слабо изученной. Экспертам не всегда удавалось приводить обоснования своих предположений о наличии такой связи, не всегда удавалось выделять общие факторы, как совершения коррупционных действий, так и нарушений прав и свобод граждан.

Во-вторых, в ходе выполнения проекта оказалось, что необходимо совершенствовать методику сбора данных о случаях связи коррупции с нарушениями прав и свобод граждан. В частности, экспертам, правозащитникам и антикоррупционерам в большинстве случаев оказалось сложно делать обобщения, обосновывать, что представленные ими для анализа случаи являются типическими вариантами связи коррупции с нарушениями прав и свобод граждан. А без выделения такой типичности нередко получалось, что убедительно обосновать можно было только такую связь в отдельных конкретных случаях. Получалось, что с научной точки зрения, коррупция, если и связана с нарушениями прав и свобод граждан, то редко, и сама эта связь является скорее ситуативной, чем закономерной. В то же время, наблюдения правозащитников показывали скорее обратное: в большинстве случаев нарушения прав и свобод граждан сопровождалась теми или иными проявлениями коррупции. Сложность заключалась в том, что вполне можно было допустить, что и те, и другие социальные явления существуют независимо друг от друга, без существенной связи между ними. В результате, фактически, выполненный в течение 2011-2012 годов проект имел поисковый характер, в нём отрабатывались методики исследования, которые желательно было бы в дальнейшем продолжать применять и совершенствовать.

В-третьих, проведение исследования показало, что в нашей стране есть очень много сфер деятельности, в которых высоки уровни и коррупции, и нарушений прав и свобод граждан, и в которых с высокой вероятностью должны были обнаруживаться связи между этими негативными социальными явлениями. Но ограниченные ресурсы проекта не позволили большинству таких сфер деятельности проанализировать.

На этом втором этапе проекта анализа связи коррупции с нарушениями прав и свобод граждан для углублённого изучения ситуации были выбраны только отдельные сферы деятельности, в которых и нарушения прав и свобод человека, и проявления коррупции являются массовыми. Такими сферами анализа стали: деятельность полиции, миграционной службы, а также набор призывников в Вооружённые силы РФ и служба в них.

Кратко эти сферы анализа второго этапа проекта можно обозначить как полицейская и армейская системы в современной России. В этих сферах приоритетными объектами исследования стали взаимодействия граждан с должностными лицами органов власти и между собой, а также сложившаяся в них социальная среда. Предметом исследования, как и на первом этапе проекта, продолжала являться связь коррупции с нарушениями прав и свобод граждан.

Инициативная группа в период подготовки к выполнению второго этапа проекта пришла к согласию об использовании в нём результатов первого этапа. Во-первых, было решено использовать в анализе выработанные в обсуждениях понимания коррупции и прав человека, а, во-вторых, направить этот анализ на выявление и описание действия факторов, общих для коррупции и нарушений прав и свобод граждан как социальных явлений. Важнейшими из этих факторов на первом этапе выполнения проекта были определены:

1. Непонимание и нежелание применять универсальные нормы права.
2. Защита прав гражданами с помощью коррупционных действий.
3. Нарушение общепринятых норм морали.
4. Проявление развитого в российском социуме социального эгоизма.
5. Проявление развитого рентоориентированного поведения у российской бюрократии.
6. Следование культурным традициям, обычаям и укоренившимся стереотипам.
7. Коммерциализация нерыночных взаимоотношений и ценностей.

Авторы доклада благодарят всех исследователей, экспертов, журналистов, публицистов и блогеров, чьи материалы были использованы в работе (см. список литературы на стр. 58). Особая благодарность тем независимым экспертам правозащитных организаций, на основе материалов которых были сделаны важные заключения: Ирине Кизиловой (Центр поддержки демократических молодежных инициатив, г. Пермь), Эмме Фельдштейн (Дзержинский

правозащитный центр, г. Дзержинск, Нижегородская область), Валентине Решеткиной (Хабаровский краевой комитет солдатских матерей) и Нине Пономаревой (Волгоградская областная правозащитная общественная организация родителей военнослужащих «Материнское право»).

Критерии нарушений прав и свобод граждан, принятые в проекте¹

Критерии нарушений прав и свобод граждан не являются точно и объективно определёнными. Во многом эти критерии зависят от обстоятельств, в которых совершаются те или иные действия. Тем не менее, при анализе собранных случаев следует применять некоторые общие признаки как обеспечения прав и свобод граждан, так и их нарушений. **Нарушения прав и свобод граждан в этом контексте можно определять как их не обеспечение или неполное обеспечение.**

В целях проводимого исследования нарушения прав и свобод граждан, кроме того, должны квалифицироваться как нарушения основных, общепринятых в мире принципов прав и свобод граждан.

Приоритет основных прав человека становится общим принципом международного и конституционного права современных государств. **Понимание прав и свобод граждан должно определяться международными, а не национальными нормами. Этот принцип зафиксирован в части 1 статьи 17 Конституции РФ: «В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией».**

Принцип уважения прав и свобод человека и гражданина является важнейшим общим принципом права современных государств и должен обладать абсолютной императивной силой в том смысле, что ни один закон не может этому принципу противоречить. В Российской Федерации это положение закреплено частью 2 статьи 55 Конституции РФ: «В Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина».

В современном понимании права человека основаны на принципе равенства человеческих индивидов от рождения, которое не допускает дискриминации по расовым, национальным, религиозным и социальным различиям. Равенство должно обеспечиваться независимо от пола, возраста, семейного положения, места жительства, владения теми или иными языками общения и других социальных характеристик индивидов. Но равенство может пониматься по-разному: как одинаковость имеющихся уровней благосостояния и жизненных ресурсов (коммунистическое понимание), как равенство шансов и возможностей для всех получить уровень благосостояния и жизненных ресурсов (понимание европейских социалистов) или как равенство перед законом и отсутствие дискриминации по любым основаниям (понимание либералов)².

Насколько соответствует современному пониманию прав и свобод граждан их зависимость от тех или иных социальных характеристик следует определять в контексте каждой конкретной анализируемой ситуации. Например, ограничения на занятия той или иной деятельностью в зависимости от пола индивида могут квалифицироваться как нарушения их прав, так и как отсутствие таких нарушений. Например, ещё 15-20 лет назад женщинам в соответствии с физиологическими особенностями их организмов запрещалось заниматься боксом и тяжёлой атлетикой. В настоящий период такие ограничения считаются нарушениями прав женщин, уже проводятся мировые чемпионаты среди женщин по этим видам спорта.

Права и свободы граждан в современном понимании взаимосвязаны. В соответствии с этим пониманием каждый индивид наделён определённой степенью свободы, которая может меняться в зависимости от его возраста, уровня социализации и других условий жизни. Но всегда свобода каждого индивида ограничена необходимостью соблюдения прав других индивидов. В сознательном возрасте индивидов, которые только и включены в собранные случаи, его свобода всегда является результатом его сознательного и волевого выбора того, как поступать, какие действия совершать. Сознание и воля индивида, с одной стороны, дают ему возможность действовать в определённой независимости от внешних условий и обстоятельств, но, с другой стороны, своими действиями не нарушать права и свободы других индивидов.

¹ (Коррупция и права, 2012, с. 64-66).

² К 65-летию Марека Новицкого: "Власть и единица" – фундаментальная лекция о правах и свободах. Запись фундаментальной лекции одного из ведущих европейских экспертов по правам человека, председателя варшавского Хельсинкского Фонда по правам человека Марека Новицкого (Marek Nowicki. 1947 - 2003). Портал «Права человека в России»: <http://www.hro.org/node/14287>.

В результате права граждан всегда определяют частичное ограничение их свободы и предполагают выполнение определённых обязательств перед другими индивидами и государством. С другой стороны, одной из важнейших целей деятельности современных государств должно являться обеспечение прав и свобод человека и гражданина. В большинстве случаев обеспечение прав и свобод граждан в современном мире становится функцией именно государства. Например, в современной цивилизации недопустимыми являются физические наказания, которые одни граждане осуществляют в отношении других. Такие наказания должны осуществляться судами и правоохранительными органами.

К другим общим принципам современного понимания прав и свобод граждан можно отнести следующие:

- Права и свободы человека принадлежат ему от рождения, а не предоставлены государством.
- Права и свободы должны быть предоставлены в равной мере всем и каждому гражданину.
- Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.
- Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства и его важнейшая функция.
- Права и свободы человека и гражданина в любом государстве должны соответствовать выработанным международно-правовым стандартам, а не определяться противоречащими им нормами национального законодательства и практикой правоприменения.
- Права и свободы человека и гражданина должны определять смысл, содержание и применение норм законов, деятельность органов государственной власти и местного самоуправления.
- Нормы законов о правах и свободах человека должны быть непосредственно действующими, а не косвенно определёнными и тем более, не декларациями.
- Государство не должно издавать законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина, их права и свободы могут ограничиваться только в чрезвычайных условиях. При этом базовые права и свободы граждан вообще никогда не могут ограничиваться.
- Права и свободы человека и гражданина в современном государстве должны быть гарантированы судебной защитой.

Несоблюдение этих или описанных выше принципов прав и свобод граждан должно квалифицироваться как их нарушения.

Следует учитывать при этом, что в отличие от прав граждан, права человека не всегда являются юридическими категориями. Права человека могут быть моральными или социальными категориями, существующими независимо от их признания органами государственной власти и их включения в нормы законов, а также вообще вне связи индивида с конкретным государством. В таких случаях нарушения прав человека определяются нарушениями норм морали и нравственности, социальной справедливости, несоответствиями общепринятым ценностям и идеалам того или иного социума.

Критерии проявлений коррупции, принятые в проекте³

Понимание коррупции

Коррупция – это довольно сложное и неоднозначно понимаемое понятие. Оно описывает социальное явление, которое развивается во времени, имеет исторический характер и существенно зависит от социальных условий и традиций той или иной страны. Поэтому крайне редко какие-то действия граждан или должностных лиц могут однозначно квалифицироваться как коррупционные. Чаще всего, в оценках таких действий могут быть как свидетельства наличия, так и свидетельства отсутствия коррупции в них.

Примером может служить подарок пациента врачу государственного лечебного учреждения после осуществления им хирургической операции. Свидетельствами того, что в этом действии нет коррупции, является то, что пациент просто хотел отблагодарить врача за помощь в поддержании своего здоровья. Свидетельствами того, что в этом действии есть коррупция, могут являться высокая дороговизна подарка или то, что врач вынуждал пациента на такой подарок. Ещё более явными станут признаки коррупции в этом действии, если вместо

³ (Коррупция и права, 2012, с. 67-72). В этом разделе имеются дополнения, развивающие и уточняющие положения предшествующего доклада «Коррупция и права человека в современной России».

подарка пациент передал врачу деньги за осуществление хирургической операции, особенно, если эти деньги были переданы до начала этой операции.

В силу сложности и неоднозначности понимания коррупции определение её признаков не может быть однозначно объективным. Поэтому даже по совокупности признаков однозначно квалифицировать то или иное действие или событие как коррупционное практически никогда не представляется возможным. Тем не менее, в проводимом исследовании вполне возможно в каждом из собранных для анализа случаев обнаружить и описать те или иные признаки коррупции, выраженные в большей или меньшей степени. Конкретная квалификация тех или иных действий должностных лиц как коррупционные относится к компетенции правоохранительных органов и судов. Но в исследовании необходимо указать, какие признаки коррупционных действий и событий можно обнаружить в представленных для анализа случаях. При этом такие признаки могут быть не только юридическими, но и экономическими, социальными, политическими и иными. В частности, возможны оценки тех или иных социальных явлений, как имеющих признаки коррупции, не только на основе норм уголовного законодательства, но и норм морали, нравственности, этики, понимания справедливости, её нарушения и т.п.

Наиболее адекватным российским условиям, по-видимому, является признание коррупционными любых действий, нарушающих нормальное, нормативное регулирование и развитие той или иной отрасли, сферы деятельности, региона и страны в целом посредством использования публичных возможностей для реализации личных или корпоративных интересов в ущерб общественным. При этом интересы не обязательно должны быть материальными, они могут быть и нематериальными, когда действия производятся в соответствии с какими-то идеями или по идеологическим мотивам, например.

Нормальным, нормативным регулированием и развитием той или иной сферы деятельности и страны в целом можно считать такое, которое к настоящему периоду зафиксировано в действующих международных документах и соглашениях, планах и программах развития нашей страны, её отдельных отраслей и регионов, в Конституции РФ и принятых на её основе законах и других нормативно-правовых актах.

Коррупцией поэтому следует считать осуществляемое любыми способами и при любых условиях извлечение выгоды в корыстных целях из своего социального статуса или положения в системе государственной власти, в частном бизнесе, в некоммерческой или общественной сфере. Коррупцией в этом смысле следует признавать не только незаконные, но и неэтичные и аморальные действия, а также действия, признаваемые в нашем обществе несправедливыми. Безусловно, юридически наказуемыми могут являться только действия, нарушающие нормы закона, но коррупция ими не исчерпывается: возможность юридической квалификации коррупционных действий не должна быть единственным её признаком.

К коррупции, кроме того, следует относить любые действия, способствующие разложению государственной власти и системы государственного управления, способствующие разрушению процедур функционирования органов власти в общественных и государственных интересах при формировании и укреплении процедур их функционирования в личных или корпоративных интересах, а также в интересах очень узких социальных групп и т.п.

При юридической квалификации коррупции в России главным является сбор доказательств наличия в тех или иных действиях должностных лиц или граждан, которые имеют признаки, описанные, прежде всего, в статьях 201, 202, 203, 204, 285, 286, 289, 290 и 291. В этих статьях описаны признаки коррупционных действий, которые в нашей стране признаются преступлениями и по результатам судебных разбирательств могут приводить к уголовным наказаниям. Но во многих случаях точной и обоснованной юридической квалификации действий как коррупционных получить не представляется возможным. Тем не менее, для целей исследования, а не выдвижения юридических обвинений, возможно применять и другие критерии оценивания действий, как коррупционные, помимо юридических.

Понимание коррупции как исключительно уголовного преступления является слишком узким и устаревшим в современных условиях. Более адекватным современным условием является понимание коррупции как социального явления.

Для приближения к этому пониманию в странах Европейского Союза введена не только уголовная ответственность за коррупцию, но и гражданско-правовая, т.е. не связанная с уголовными обвинениями, а предполагающая разбор в судах гражданских исков, в частности, о нарушениях прав и свобод, материальных и нематериальных интересов сторон. В частности, гражданские иски от понесших ущерб в результате коррупции, могут подаваться в суды в целях получения полного возмещения ущерба, что в современной России не реализовано. Но такое понимание коррупции должно постепенно вводиться и в России, поскольку наша страна

подписала Конвенцию о гражданско-правовой ответственности за коррупцию от 4 ноября 1999 года.

Во второй статье этой Конвенции приводится следующее понимание коррупции:

«Для целей настоящей Конвенции "коррупция" означает просьбу, предложение, дачу или принятие, прямо или косвенно, взятки или любого другого ненадлежащего преимущества или обещания такового, которые искажают нормальное выполнение любой обязанности, или поведение, требуемое от получателя взятки, ненадлежащего преимущества или обещания такового».

Это понимание коррупции, наряду с её пониманием, как преступления, описание которого включено в Уголовный Кодекс РФ, предлагается использовать для квалификации действий должностных лиц и граждан.

Институциональная коррупция

Для эффективного противодействия коррупции следует учитывать, что возможна и так называемая институциональная коррупция, когда действующие социальные институты⁴ и социальная среда⁵ определяют совершение индивидами коррупционных действий, во многом независимо от их приоритетов и желаний. В результате к совершению коррупционных действий приводит воздействие социальных институтов и определяемых ими социальных норм, а не корыстные или иные интересы отдельных индивидов. В такой ситуации крайне редко становится возможным предъявить обвинения в совершении коррупционных действий конкретным лицам, физическим или юридическим. Так происходит, например, когда они подчиняются нормам несправедливых законов (социальных институтов), точно эти нормы исполняют, но сами эти нормы дают ненадлежащие преимущества тем или иным лицам.

Институциональная коррупция очень опасна и является массовой, потому что не всегда оценивается самими гражданами и должностными лицами как коррупция: такие действия становятся обыденными, выполняемыми по привычке, а сами социальные институты не всегда замечаются. Поэтому при сохранении индивидуальной ответственности за совершение коррупционных действий, необходимо выявлять такие социальные институты, которые способствуют массовому совершению коррупционных действий, а затем эти институты заменять некоррупционными.

Коррупционные сети и этос коррупции

К институциональным признакам коррупции следует относить также признаки деятельности коррупционных сетей на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. **Деятельность коррупционных сетей⁶ проявляется в формировании неформальных и нелегальных взаимосвязей и взаимозависимостей между чиновниками по вертикали управления в одном ведомстве или иной структуре, а также по горизонтали на различных уровнях управления между разными ведомствами и иными структурами. Эти взаимосвязи и взаимозависимости используются для систематического совершения коррупционных сделок, как правило, с целью личного обогащения, распределения бюджетных средств в пользу структур, входящих в коррупционную сеть, повышения её нелегальных доходов или для**

⁴ Социальный институт (social institution) здесь понимается как совокупность норм, предписаний и требований, связанных с определенной организационной структурой, посредством которых общество контролирует и регулирует деятельность индивидов в наиболее важных сферах общественной жизни. Социальные институты, как правило, являются исторически сложившимися устойчивыми формами организации совместной деятельности и взаимодействий индивидов. Институты не всегда осознаются индивидами, но регулируют их действия. А для обеспечения соблюдения норм, предписаний и требований социального института в обществе, как правило, создаются и функционируют соответствующие социальные организации.

⁵ Социальная среда (social environment) здесь понимается как совокупность материальных, экономических, социальных, политических и духовных условий существования, формирования и деятельности индивидов и социальных групп. Социальная среда включает политику, экономику, некоммерческую и общественную сферы, а также общественное сознание и культуру в широком смысле, т.е. не только искусство и литературу, но и нормы взаимодействий индивидов между собой, стереотипы социального поведения и т.п. Поэтому социальная среда для каждого индивида включает и его ближайшее социальное окружение, т.е. семью, трудовую или учебную и другие социальные группы, в которые индивид входит. Социальная среда во многом неосознанно для индивида формирует его психику и его бессознательное, а также неосознаваемые мотивы его социального поведения.

⁶ Несколько подробнее это социальное явление описано в разделе «Коррупционные сети» брошюры «Гражданские инициативы и предотвращение коррупции» / Под ред. А.Ю. Сунгурова. – СПб.: Норма, 2000. – С. 72-82.

получения конкурентных преимуществ финансово-кредитным и коммерческим структурам, входящим в коррупционную сеть, с целью последующего получения таких доходов.

Услуги коррупционных сетей обычно востребуются и предоставляются в центрах принятия решений, относящихся к государственному управлению и бизнесу. Более того, многие лица, принимающие решения на различных уровнях системы управления государством и обществом, сами являются членами таких коррупционных сетей.

Сети должностных лиц, связанных взаимными обязательствами, существовали и существуют во все времена и во всех странах. Особенность текущего периода развития России в том, что через эти коррупционные сети, а не через нормативные контрактные отношения между властью и бизнесом, проходит большая доля валового национального продукта (ВВП), чем в развитых государствах. Анализ собственности и расходов чиновников российского государственного аппарата показывает, что их реальные доходы значительно превышают легальные. Более того, судя по уровню легальных доходов высокопоставленных российских чиновников, их теневые доходы, получаемые от коррупционных сетей, стали основной частью их реальных располагаемых доходов. Даже относительно честные чиновники, не берущие взятку ни за какие услуги, через коррупционные сети получают настолько значительные доли своих доходов, что не смогут существовать вне этих сетей и, соответственно, противостоять их реализации их корпоративных интересов. В результате государственные служащие в своей работе руководствуются своими обязательствами перед коррупционными сетями не меньше, чем интересами государства. В этом основная причина неэффективности государственного аппарата управления, и эта неэффективность прогрессирует.

Сетевой характер имеют большинство коррупционных взаимодействий в нашей стране. Это означает, что они крайне редко выстраиваются в иерархические системы с подчинением низших уровней высшим. В частности, если и происходит передача финансовых средств, полученных коррупционными способами, с низших уровней на высшие и наоборот, то, чаще всего, либо эпизодически, не постоянно, либо постоянно, но весьма локально, с участием крайне ограниченного круга лиц. Причина такой эпизодичности и локальности в том, что любое расширение круга лиц, вовлечённых в конкретную коррупционную сделку, либо осуществление серии коррупционных сделок по одной схеме с участием одних и тех же физических лиц существенно повышает для них риски раскрытия фактов коррупции и наказаний коррупционеров.

Организация российской коррупции преимущественно по сетевому принципу означает, во-первых, высокий уровень децентрализации взаимодействий и принятия решений участниками социальных сетей. Во-вторых, высокий уровень специализации, когда каждый участник сети выполняет свои специализированные функции, которые в органах власти, организациях частного бизнеса и некоммерческих нередко полностью соответствуют должностным полномочиям коррупционеров, зафиксированных в их контрактах, уставах организаций и т.п. В-третьих, практическое отсутствие в коррупционных сетях формальных, определённых нормами законов и других нормативно-правовых документов, замена их неформальными, складывающимися по взаимным договорённостям, чаще всего, временным, возобновляемым при необходимости в личных контактах и т.п.

В-четвёртых, участники коррупционных сетей, как правило, принимают решения и отвечают за свои коррупционные действия самостоятельно. В частности, другие участники коррупционных сетей, используя свои должностные полномочия, могут помогать тем, чьё участие в коррупции оказалось раскрытой правоохранительными органами. Но такая помощь может и не оказываться. А, кроме того, самостоятельность действий коррупционеров существенно затрудняет юридические доказательства связей их коррупционных действий с деятельностью должностных лиц из той же сети, которые их прикрывают. Поэтому взаимоотношения между коррупционерами носят почти исключительно неформальный и персонализированный характер, с краткосрочными, постоянно меняющимися взаимными обязательствами, практически не поддерживаемыми нормами морали и нравственности.

В-пятых, неформальные правила и нормы осуществления коррупционных действий всегда умалчиваются их участниками, они известны только им, все желающие включиться в коррупционные отношения должны сами догадываться, и догадываться правильно о том, какими эти неформальные правила и нормы являются. Иначе в коррупционные отношения по недоверию к их старым участникам новые включены не будут. Правильные догадки о нормах и правилах неформальных коррупционных действий становятся возможными в результате освоения индивидами, желающими включиться в коррупционные отношения, своеобразного этоса коррупции. Соответствующий этос в данном аспекте следует понимать как стиль жизни интересующих индивида социальных групп коррупционеров, как ориентацию их культуры в широком смысле, их норм и правил поведения на ту или иную социальную активность, как совокупность приоритетных для этих социальных групп ценностей, норм морали и стереотипов поведения. В современном российском социуме общих норм морали и стереотипов поведения

уже практически не существует, они являются специфическими для соответствующих социальных групп и другими социальными группами не принимаются, не становятся регуляторами их поведения.

Социальная адаптация современных индивидов, осуществляемая в процессе их социализации, тем не менее, позволяет им усваивать этос приоритетных для них социальных групп и поддерживать его в своей последующей социальной активности. В результате этос коррупции в нашей стране поддерживается не столько рациональными представлениями о российской истории, в которой коррупция, как социальное явление, известна в течение многих столетий (Кирпичников, 1997), и не столько универсальными, общими для всех или большинства граждан представлениями об основных видах коррупционных действий, такими как взятка, откат, «распил», нецелевое расходование бюджетных средств, использование должностных полномочий для повышения уровня собственного благосостояния и т.п. В современной российской ситуации этос коррупции скорее поддерживается постоянным воспроизведением договорных коррупционных отношений, временных и неформальных, конкретных и очень разнообразных, адаптированных к имеющимся условиям социальной среды, действиям органов власти, складывающейся экономической и социальной ситуации.

Осуществляемая в современной России так называемая борьба с коррупцией ориентирована на осуществление бюрократическими иерархическими органами власти и организациями полномочий контроля коррупционных действий, выявление участия в них конкретных коррупционеров и осуществление их наказания. Благодаря СМИ, в первую очередь, телевидению, социальным сетям и блогам Интернета в массовом сознании российских граждан доминирует представление не о сетевом, а об иерархическом характере российской коррупции, хорошо соответствующем принципам и практике борьбы с ней в современной России, но слабо соответствующей реальным закономерностям коррупции как социального явления. Борьба с коррупцией и поддержание в массовом сознании представлений о её иерархическом характере способствуют не снижению уровня коррупции в нашей стране, а напротив, его повышению, поскольку всё чётче определяют для действующих и будущих коррупционеров границы коррупционных сред и смыслы неформальных взаимодействий для осуществления коррупционных действий (Рогозин, 2012). В результате коррупционерам облегчается процесс усвоения принципов коррупционных отношений и угадывания того, какие неформальные правила и нормы являются необходимыми для участия в той или иной конкретной коррупционной сделке. Поэтому этос коррупции воспроизводится в нашей стране в течение столетий, постоянно меняясь, но оставаясь узнаваемым и полезным для адаптации к жизни в современной России практически для всех наших граждан и даже проживающих у нас иностранцев.

Деятельность коррупционных сетей всегда является конфиденциальной, изучается и расследуется с трудом, а иногда является вообще полностью закрытой для изучения и расследования. Поэтому конкретных и общих признаков деятельности коррупционных сетей пока не разработано. Но это не должно препятствовать наблюдателям и представителям некоммерческих и общественных организаций высказывать подозрения в осуществлении деятельности тех или иных коррупционных сетей и в причастности к ним тех или иных должностных лиц и отдельных граждан.

Сущность общих факторов коррупции и нарушений прав и свобод граждан

Описания этих факторов приведены в тексте доклада первого этапа проекта «Коррупция и права человека в современной России»⁷. В справочном порядке они приводятся ниже.

Общие социальные закономерности совершения коррупционных действий и нарушений прав и свобод граждан признаны доказательством существования связи между этими социальными явлениями. Следовательно, выявление и обоснование этих социальных закономерностей в анализируемых сферах деятельности на втором этапе проекта является выявлением и обоснованием существования и силы связи коррупции с нарушениями прав и свобод граждан.

1. Непонимание и нежелание применять универсальные нормы права

Современное российское государственное и муниципальное управление политика не регулируется универсальными, едиными для всех чиновников и органов власти ценностями, нормами и приоритетами. В российской системе государственного и муниципального управления при принятии решений принято согласовывать их с органами власти, чьи интересы могут быть этими решениями затронуты, но не с гражданами. Поэтому решения органов власти по решениям тех или иных проблем или регулирования тех или иных сфер деятельности

крайне редко соответствуют интересам граждан, а следование им крайне редко позволяет гражданам решать свои проблемы.

Гражданам, тем не менее, необходимо решать свои проблемы, а с помощью универсальных норм права они этого сделать не могут. Поэтому вместо универсальных норм права во взаимодействиях с органами власти граждане часто применяют неформальные, партикулярные нормы и правила, нередко являющиеся коррупционными.

Коррупция же во всех своих проявлениях реализует отказ от равного отношения к гражданам со стороны чиновников и реализацию партикулярных, т.е. частных и неформальных норм решений их проблем. Через реализацию таких интересов коррупция оказывается связанной с нарушениями прав и свобод граждан, поскольку эти права и свободы предполагают равенство всех граждан, применение для их реализации универсальных норм и правил. Поэтому отказ от использования универсальных норм и правил во взаимодействиях граждан с органами власти во многих случаях реализует права и свободы одних граждан и чиновников, как правило, участников коррупционных действий, за счёт нарушений прав и свобод других граждан и чиновников.

2. Защита прав гражданами с помощью коррупционных действий

Непонимание значимости и нежелание применять во взаимодействиях с гражданами универсальные нормы права и закона приводит представителей органов власти к решениям проблем граждан с помощью применения партикулярных, частных норм взаимодействий. В практике обеспечения прав и свобод граждан органами власти это очень часто означает, что чиновник, служащий в таком органе власти, и имеющий полномочия в этой сфере будет принимать решение о своих действиях в зависимости от личности гражданина и сложившихся условий.

Формально эта ситуация нередко объясняется представителями органов власти как проявление ими справедливости и необходимости учёта всех обстоятельств дел и проблем граждан при принятии решений чиновниками. Но фактически, во многих случаях граждане скорее смогут защитить свои права, принадлежащие им вследствие российского гражданства или принадлежности к той или иной льготной социальной группе, если дадут взятки чиновникам за решения своих проблем. И такая практика в современной России является весьма развитой. Получается, что коррупция связана с правами человека и в том, что позволяет гражданам в ситуациях нарушений их прав с помощью коррупции эти свои права обеспечить. Естественно, что такое обеспечение прав граждан всегда является партикулярным, и никак не может оцениваться как позитивная социальная практика в правовом государстве, в котором права граждан должны обеспечиваться применением универсальных норм права и закона.

3. Нарушение общепринятых норм морали

Как известно, моральный долг понимается, как обязанность в равной мере учитывать интересы любого другого человека, оказывать ему равную помощь, поддержку, заботу и т.п. В этом нормы морали вполне соответствуют современным концепциям прав и свобод граждан, поскольку их соблюдение также должно осуществляться в равной мере для каждого гражданина.

Моральные нормы, принятые в той или иной социальной общности, определяют выбор средств для решений проблем, обеспечения потребностей и интересов индивидов. Поэтому во многих случаях моральные нормы закрепляются и формализуются в нормах права и законов. Низкий уровень морали и нравственности современного российского социума определяет частое несоответствие норм законов нормам общепринятой морали, современному пониманию прав и свобод человека, а также несправедливость многих норм законов в понимании большинства граждан.

Совершающие коррупционные действия часто решают свои проблемы за счёт ограничений возможностей аналогичных решений для третьих лиц, не вовлечённых в такие действия. Одновременно коррупция создаёт неравенство в помощи, поддержке и заботе для таких третьих лиц, т.е. нарушает нормы общепринятой морали.

4. Проявление развитого в российском социуме социального эгоизма

Эгоизм (от лат. ego – «Я», я есть; франц. Egoisme, англ. egoism; нем. Egoismus) в поведении индивидов проявляется в мотивации его действий самолюбием, корыстью, пренебрежением потребностями и интересами других индивидов, предпочтением собственных интересов интересам других (индивидуальных и коллективных) субъектов.

Эгоизм моральный или практический – это представление о том, что единственным реальным мотивом человеческих действий является удовлетворение личных потребностей, стремление к личному благополучию, независимо от того, как это стремление отразится на других индивидах и социальных группах.

Социальный эгоизм проявляется, когда человек игнорирует интересы своего социума и социальных групп, к которым принадлежит, использует ресурсы социума и своих социальных групп исключительно или почти исключительно в своих собственных, нередко корыстных интересах, стремится удовлетворить свои собственные потребности и желания за счет социума и своих социальных групп, ничего или мало что давая им взамен. Социальный эгоизм нередко проявляется и в том, что другие индивиды рассматриваются и используются для достижения личных и своекорыстных целей, становясь нередко средствами достижения эгоистических целей при отказе этим другим индивидам в возможностях обеспечения их прав и свобод. Социальный эгоизм нередко ощущается его субъектом как состояние отчуждения от социума, своих социальных групп или одиночества в окружающей социальной реальности.

Социальный эгоизм позволяет участникам коррупционных действий решать собственные проблемы и в собственных интересах, нарушая права и свободы третьих лиц, не участвующих в этих действиях, используя их ресурсы или общественные ресурсы для решений своих проблем, на что по общепринятым нормам морали и справедливости у участников коррупционных действий нет прав.

5. Проявление развитого рентоориентированного поведения у должностных лиц российских органов власти

В современном мире рента (от французского *rente*, немецкого *Rente* и исходного латинского *reddere* – возвращать, отдавать, или латинского же *reddita* – возвращенная, отданная) остаётся довольно многозначным понятием. Чаще всего рентой называют регулярный доход, получаемый без дополнительных затрат тем или иным лицом от использования другими лицами имущества, земли или капитала, переданных им в аренду.

В более широком понимании рентой принято называть вид дохода, получаемого в силу каких-либо особых преимуществ или благоприятных условий, дохода от производства или продажи продукта в более или менее выгодных для этого условиях деятельности, обуславливаемого разницей между затратами на эту деятельность и примерно одинаковыми, независимыми от условий, затраты труда.

Рентоориентированным в современном мире можно назвать поведение индивидов, организаций или частных бизнесов, направленное на получение выгод, доходов и прибылей, превышающих обычные их уровни, не за счёт больших затрат труда или повышенной его эффективности, а за счёт использования преимуществ от занятых этими субъектами социальных позиций. Наиболее часто для получения ренты используются в нашей стране социальные позиции государственных или муниципальных служащих, позволяющие перераспределять государственные ресурсы, прежде всего, финансовые, определять получателей государственных и муниципальных заказов, а также манипулировать законодательными или экономическими условиями ведения тех или иных видов деятельности, создавая неоправданные ограничения или административные барьеры. В таких случаях почти всегда можно обнаружить злоупотребления должностными полномочиями представителей органов власти, осуществляемыми в корыстных интересах их самих, других частных лиц, органов власти или частных бизнесов. Следовательно, рентоориентированное поведение в подавляющем большинстве случаев осуществляется с помощью коррупционных действий. Но, помимо коррупции, рентоориентированное поведение очень часто приводит и к нарушениям прав и свобод граждан, возникающих вследствие несправедливого или незаконного перераспределения государственных ресурсов, необоснованного ограничения конкуренции в экономике, политике и общественной жизни, реализации интересов монополистов в экономике в ущерб интересам потребителей их товаров или услуг. Так рентоориентированное поведение должностных лиц государственной или муниципальной службы оказывается связанным как с коррупцией, так и с нарушениями прав и свобод граждан.

6. Следование культурным традициям, обычаям и укоренившимся стереотипам⁸

Как известно, понятие «культура» происходит от латинского слова «*cultura*», что означает «культивировать или возделывать почву». При этом ещё в древности понятие культуры стали относить и к человеку.

По современным представлениям культура индивида формируется с раннего детства в процессе его социализации, т.е. усвоения им системы восприятия окружающего мира, норм и правил поведения в обществе. Результатом успешной социализации становится фактическое навязывание социумом своим членам обязательных образцов мышления о тех или иных явлениях и процессах, а также понятий и смыслов, которые следует использовать для их

⁸ В этом разделе имеются дополнения, развивающие и уточняющие положения предшествующего доклада «Коррупция и права человека в современной России».

понимания. Поэтому культура воплощается в принятых в обществе ценностях и идеалах, в устойчивых образцах и стереотипах деятельности индивидов, она определяет эталоны их поведения, к которым следует стремиться, общепринятые нормы и правила поведения в обществе. Культурные ценности являются чаще всего правилами выбора и оценки целей действий индивидов, а культурные нормы – правилами выбора индивидами средств, способов и методов осуществления этих действий.

Культура нередко включает в себя разнообразные ограничения и запреты, а также приверженность устаревшим социальным нормам и правилам. И в этом отношении культура нередко становится консервативным фактором общественного развития, препятствующим формированию в обществе новых социальных норм и правил, отказу от устаревших образцов и стереотипов поведения.

Современное российское общество настолько сильно социально дифференцировано, что в нашей стране уже практически не существуют общие для всего нашего социума культурные ценности, нормы и правила. Российский социум разделился на широкие или узкие по своей численности социальные группы с различными субкультурами. И только в этих субкультурах обнаруживаются общие для соответствующих социальных групп культурные ценности, нормы и правила. Социальные группы с разными субкультурами очень существенно отличаются друг от друга по своим интересам, приоритетам и ценностям. Нередко такие социальные группы даже не имеют общих понятий языка, общих ритуалов и символов, обычаев, традиций и правил социального поведения, позволяющих их представителям понимать друг друга и вырабатывать в своей социальной деятельности общие культурные ценности, идеалы, нормы и правила.

Как было описано выше⁹, культура в нашей стране включает своеобразный этос коррупции, как совокупности неформальных норм и правил осуществления коррупционных действий, весьма разнообразных для различных социальных групп, и становящихся для них стилями жизни, определяющими стереотипы их поведения и т.п. Этос коррупции поддерживает и постоянно нарушает прав и свобод граждан, поскольку и коррупция и эти нарушения постоянно воспроизводятся в договорных коррупционных отношениях, временных и неформальных, конкретных и очень разнообразных, адаптированных к имеющимся условиям социальной среды, действиям органов власти, складывающейся экономической и социальной ситуации. Современная концепция и практика обеспечения прав и свобод граждан появилась всего несколько десятилетий назад, их можно считать более или менее сформированными, с момента принятия ООН 10 декабря 1948 года Всеобщей декларации прав человека (Всеобщая декларация прав человека, 1948), рекомендованной для всех стран-членов этой организации. По-видимому, пока рано утверждать о формировании в нашей стране своеобразного этоса нарушителей прав и свобод граждан, но по описанным выше основаниям можно утверждать, что этос коррупции существенно способствует постоянному воспроизведению как коррупционных практик, так и нарушений прав и свобод граждан в современной России.

Коррупцию во взаимоотношениях граждан с органами власти, а также систематические нарушения их прав и свобод также поддерживает в современном российском обществе бюрократическая субкультура. Её ценностям, нормам и правилам привержены не все, но многие чиновники органов государственной и муниципальной власти, гражданской, внутренней и военной службы, многие должностные лица частного бизнеса и некоммерческого сектора.

Нормы бюрократической субкультуры с древности никогда не наделяли жителей, подданных и впоследствии граждан государств равными с чиновниками правами. В этой субкультуре по традиции оценивали и сейчас оценивают жителей, подданных, а потом и граждан государств, как низкостатусных индивидов, обязанных обеспечивать приемлемый, а иногда и довольно высокий уровень жизни тем, кто находился на государственной службе. С древнейших государств для этой цели утверждалась культурная норма так называемого «кормления» государственных служащих за счёт жителей регионов, которыми эти служащие управляли, и жизнь которых они регулировали. Взятничество, как добровольная неформальная оплата услуг чиновников, которое стало доминировать над «кормлением» в Европе только в XIX-XX веках, можно считать существенно более цивилизованной формой обеспечения государством доходов своих чиновников.

Только в XIX веке в большинстве развитых европейских государств и в США пришли к выводу, что коррупция наносит вред государству, в первую очередь, потому что унижает достоинство самих государственных служащих. Государственные бюджеты этих стран уже позволяли иметь высокие оклады чиновников, поэтому стало возможно усилить наказания за коррупцию на государственной службе и систематически их применять.

В России «кормление» было формально отменено в середине XVI века, но государственные доходы страны России того периода ещё не позволяли хорошо оплачивать

⁹ См. раздел настоящего доклада «Коррупционные сети и этос коррупции».

чиновников. Поэтому формальная отмена «кормлений» не ликвидировала это социальное явление, оно фактически исчезло только в XIX веке. Но на смену этому социальному явлению развились взяточничество, инсценировки нападения разбойников, чтобы завладеть государственными деньгами, и другие формы коррупции. С коррупцией, в частности, со взяточничеством боролись и в императорской России и в Советском Союзе, но безрезультатно. В результате коррупция в последние века нашей истории только постоянно укреплялась как составляющая культуры государственного управления России.

Важнейшей причиной нежелания реально снизить уровень коррупции в нашей стране в XIX-XXI веках является патримониальная система организации бюрократического управления государством, как её в начале XX века назвал Макс Вебер. Он оценил как патримониальные типы управления в нашей стране, и царский конца XIX – начала XX века, и советский способ управления, возникший после 1917 года. В патримониальном управлении по Макс Веберу взаимные обязательства господина и его подданных определяются и регулируются обычаями и традициями, а не нормами законов. Следовательно, чиновник предан своему господину на основе личного отношения к нему, а господин считает подданных существующими для своих нужд. И чтобы подданные имели мотивацию эти нужды и интересы господина обеспечивать, господин предоставляет им некоторые полномочия, рассматриваемые подданными как личные привилегии, полученные от господина.

Традиции и обычаи не определяют поведение чиновника во всех возможных ситуациях. И, если его действия не являются обязательными по традиции, он самостоятельно определяет, совершать их или нет, а такие решения нередко принимаются в расчете на вознаграждение. Регулярное денежное жалование должностных лиц в патримониальной системе управления существенно дополняется предоставлением им разнообразных материальных и нематериальных привилегий, а также их коррупционными доходами. Поэтому должностные лица в патримониальном управлении служат как лично своему господину, так и своим интересам, но они не служат общественным интересам, не реализуют безличные цели, общественные и государственные интересы.

Патримониальная традиция поддерживает коррупцию в российском государственном и муниципальном управлении, поскольку таковы интересы чиновников в реализации своих привилегий в личных целях. Эти интересы для чиновников нередко становятся настолько значимыми, что некоторые должности становятся неформально присвоенными теми или иными их группами. И тогда для получения такой должности нужно принадлежать к соответствующей группе. В некоторых случаях правители уже не всегда оказываются в состоянии назначать на такие должности лояльных себе чиновников, если они не входят в группы, которые эти должности присвоили. Для преодоления такого неформального присвоения должностей правители нередко прибегают к назначениям на них иностранцев или представителей социальных низов, не имеющих по обычаю прав претендовать на привилегии. Но в результате в государственном управлении развивается фаворитизм, который в современном государственном управлении следует оценивать как проявление коррупции.

Следовательно, сама борьба правителей с коррупцией при сохранении традиций патримониального управления приводит не к снижению её уровня, а к развитию более разнообразных её форм и проявлений. В современной России сохраняются многие традиции и обычаи патримониального управления, в частности: служение начальнику, а не безличному государственному интересу; рассмотрение чиновником своих должностных полномочий, как личных привилегий; реализация этих привилегий в личных интересах с помощью должностных полномочий нередко за коррупционное вознаграждение; неформальное присвоение должностей группами чиновников и лояльных им лиц, а нередко и семейными кланами и другие. Эти традиции и обычаи, как и в императорской России, оказываются сильнее законов и наказаний за коррупцию.

Традиции и обычаи патримониального управления поддерживают отношение чиновников государственного и муниципального управления к гражданам нашей страны, как к средствам реализации их должностных привилегий и получения неформальных доходов. Поэтому практически никогда российские чиновники не считают граждан равными им в правах и свободах. Чиновники не считают необходимым обеспечивать права и свободы граждан своей деятельностью, потому что у них иные приоритеты. Так традиции и обычаи патримониального управления связывают коррупцию с нарушениями прав и свобод граждан чиновниками органов власти: по общепринятой социальной норме права и свободы граждан почти никогда не будут обеспечены, но с помощью коррупционных действий за вознаграждение от граждан чиновники в частном порядке их права и свободы могут обеспечить. Следовательно, современная российская бюрократия если и обеспечивает прав и свободы граждан, то в частном, личном порядке, а не в универсальном и безличном, как этого требуют современные концепции прав человека и нормы Конституции РФ. В результате патримониализм российской системы государственного и муниципального управления существенно препятствует формированию в нашей стране правового политического режима,

при котором органы власти и граждане в своих взаимодействиях и при решениях социальных проблем подчиняются универсальным нормам права и закона.

7. Коммерциализация нерыночных взаимоотношений и ценностей

Коммерциализация той или иной сферы деятельности может пониматься как подчинение деятельности в этой сфере целям извлечения прибыли, т.е. использование мотива получения прибыли и наиболее высокой возможной прибыли в качестве приоритетного в этой сфере.

В современных условиях коммерциализация характерна практически для всех сфер деятельности граждан, поскольку в них проникают активно развивающиеся рыночные отношения, а государство и гражданское общество в нашей стране практически не противодействуют этому процессу.

Коммерциализация существенно влияет на сознание и социальные практики граждан, не являясь исключением и должностные лица органов власти, представители сфер социального обеспечения и социальной защиты, культуры, образования, здравоохранения, науки, обороны, государственной безопасности и других. Эти сферы деятельности исторически возникли вне рыночных отношений, они являются сферами бытования нерыночных ценностей и мотивов поведения граждан и должностных лиц. Коммерциализация этих сфер деятельности способна существенно изменить мотивацию граждан и должностных лиц, сделав приоритетным не исполнение долга, должностных обязанностей, норм этики и морали, традиционно значимых в социальных взаимодействиях, а получение максимально возможных прибылей и обеспечение личного или семейного благосостояния.

Коммерциализация нерыночных сфер деятельности имеет признаки коррупции во всех случаях, когда должностные лица подменяют выполнение своих служебных обязанностей извлечением прибылей, а свои должностные полномочия используют для личного или семейного обогащения. Одновременно в таких случаях коммерциализация нередко приводит и к нарушениям прав и свобод граждан, поскольку эти права и свободы перестают обеспечиваться должностными лицами, обязанными это делать, либо обеспечиваются за то или иное материальное или нематериальное вознаграждение, например, в форме взяток или предоставления тех или иных неформальных услуг. Следовательно, коммерциализация нерыночных сфер деятельности может быть общим фактором, как коррупции, так и нарушений прав и свобод граждан.

Выявление и обоснование общих факторов в проанализированных сферах деятельности

В каждой из проанализированных сфер деятельности удалось обнаружить и обосновать существование связей коррупции с нарушениями прав и свобод граждан, как социальных явлений.

Сфера Вооружённых сил РФ

Введение

Нарушения прав человека в армии со времён «перестройки» перестали быть тайной – СМИ чуть ли не каждый день сообщают о покалеченных, умерших от простуд, убитых в невоюющей армии. Однако о причинах такого положения и общество и даже многие эксперты имеют представления, далёкие от реальности. Немалую роль в этом играют мифы, стереотипы и штампы, вырабатываемые официальной пропагандой. Их живучесть связана с традиционным для нашей страны доверием и уважением к армии, имеющими глубокие исторические корни. Поэтому рассмотрению связи нарушений прав человека в армии с коррупцией должны предшествовать некоторые пояснения общего характера.

Среди распространённых стереотипов в первую очередь можно назвать представление о том, что в военное время любые разговоры о правах человека становятся бессмысленными. А поскольку и в мирное время господствует представление о постоянной внешней угрозе, непризнание приоритета прав человека в сознании как военных, так и многих других граждан России, распространяется на всю военную организацию. Важно, что это представление закреплено законодательно. Факт такого ограничения зафиксирован в законе «О статусе военнослужащих», статья 1 ч. 2 (см. раздел 1). На этом основании подзаконными актами вводятся ограничения прав избыточные и ничем реально не обоснованные.

Ещё один штамп связан с подменой понятий. Чуть ли не все эксцессы и антиправовые практики представители командования и военной юстиции, а вслед за ними и СМИ и граждане, обозначают словом «дедовщина». С этим были связаны надежды многих – что при сроке службы в 1 год для «дедовщины» не останется почвы. К сожалению, эти надежды не оправдались. Закономерность этого становится особенно очевидной при знакомстве с анализом

феномена «дедовщины», проделанным в уникальной работе К.Л. Банникова «Доминантные отношения военнослужащих срочной службы Российской Армии» (М. 2002). Этот анализ, проведенный во времена двухгодичного срока службы, не только не устарел, но и приобрёл особую актуальность, поскольку доказывает: говорить надо не о «дедовщине», а об армейском насилии и подавлении личности.

При годичном сроке службы сохранилась неформальная иерархия, основанная на насилии. Где-то «дедами» стали солдаты, отслужившие полгода, где-то их функции взяли на себя контрактники, где-то пышным цветом расцвело и ранее имевшее место «землячество». Ещё чётче проявилась роль офицеров как инициаторов вымогательства.

Не менее, чем нарушения прав человека, нуждается в непредвзятом анализе и осмыслении явление армейской коррупции. Здесь тоже преобладали её официальные оценки как отдельных «нетипичных» случаев, успешно пресекаемых органами правопорядка, и лишь буквально несколько месяцев назад приоткрылись реальные масштабы коррупционных преступлений в армии.

Задачей второй части настоящего исследования являлось подтверждение сделанных в его первой части выводов о зависимости нарушений прав человека и коррупции от некоторых свойственных российскому социуму общих факторов, и, следовательно, об их системном характере.

1. Непонимание и нежелание применять универсальные нормы права

Это характерно для российского общества в целом, но особенно рельефно проявляется в армии. Здесь это отношение к праву проявляется уже на уровне законодательства. Существует понятие «неправовой закон» (Лившиц, 1994. Глава 4, параграф 3) - то есть, закон, нарушающий некие фундаментальные, международно признанные нормы права. Поскольку эти нормы в основном адекватно отражены в Конституции РФ, для исследования российских реалий уместно говорить о несоответствии законодательства Конституции.

Здесь следует упомянуть Федеральный конституционный закон «О военных судах в РФ», который, противореча ч.1 и ч. 2 статьи 19 Конституции РФ, устанавливает неравенство граждан перед законом и судом, сохраняя для военнослужащих привилегию быть судимыми в особом порядке.

Важнейшее положение ч. 2 статьи 1 ФЗ «О статусе военнослужащих»: «Военнослужащие обладают правами и свободами человека и гражданина с некоторыми ограничениями <...>. На военнослужащих возлагаются обязанности по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, которые связаны с необходимостью беспрекословного выполнения поставленных задач в любых условиях, в том числе с риском для жизни». Как будет показано ниже, на этой основе подзаконными актами вводятся явно избыточные ограничения. Однако с точки зрения ограничения прав не менее важны положения общегражданских кодексов, устанавливающих для военных особые правила расследования преступлений и осуществления правосудия, а также подзаконные акты, в первую очередь общевойсковые уставы. Внимательное прочтение главы 33 (Преступления против военной службы) Уголовного кодекса РФ, а также положений Уголовно-процессуального кодекса, закрепляющих для военнослужащих особый порядок расследования и рассмотрения уголовных дел, (практически исключая независимый от военных контроль), позволяет выявить нарушение по крайней мере четырёх статей Основного закона РФ, в первую очередь той же статьи 19. (Вахнина, Узаконенное рабство. 2012).

Согласно части 2 статьи 42 УК РФ, «лицо, совершившее умышленное преступление во исполнение заведомо незаконных приказа или распоряжения, несет уголовную ответственность на общих основаниях. Неисполнение заведомо незаконных приказа или распоряжения исключает уголовную ответственность», но в армии фактически забывают о существовании этого положения.

В том же Уголовном кодексе, в главе 33 «Преступления против военной службы» видим иную формулировку (ч. 1 ст. 332): «Неисполнение подчиненным приказа начальника, отданного в установленном порядке, причинившее существенный вред интересам службы, наказывается ограничением по военной службе на срок до двух лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо содержанием в дисциплинарной воинской части на срок до двух лет». Уже в этой статье чёткого запрета на исполнение незаконного приказа не содержится, но всё же здесь уголовно наказуемым признаётся не любое неисполнение приказа.

А между тем пункт 43 Устава внутренней службы Вооруженных Сил РФ гласит: «Приказ командира (начальника) должен быть выполнен беспрекословно, точно и в срок. Военнослужащий, получив приказ, отвечает: "Есть" - и затем выполняет его. ... Выполнив приказ, военнослужащий, несогласный с приказом, может его обжаловать». (Отметим попутно, что статьёй 55 Уголовного кодекса РФ устанавливается содержание в «дисбате» только

для военнослужащих по призыву, и рядовых контрактной службы, не выслуживших срока службы по призыву. Снова нарушение статьи 19 Конституции).

И хотя согласно пункту 44. «Командир (начальник) несет ответственность за отданный приказ», на практике это осуществляется крайне редко. (Ответственность эта зафиксирована и в Федеральном законе «О воинской обязанности и военной службе», ч. 3 ст. 37).

Крайне несправедливо, когда законом устанавливаются иные, чем были, нормы, ущемляющие права граждан одной категории. В сфере регулирования прав военнослужащих только за последние несколько лет были приняты законодательные и нормативные правовые акты, ущемляющие права части из них. В том числе и такие, реализовать которые на практике невозможно.

С 1 января 2012 года бывшие военнослужащие, принимавшие участие в боевых действиях в Республике Таджикистан в периоды с сентября по ноябрь 1992 года и с февраля 1993 года по декабрь 1997 года, имеют право на меры социальной поддержки, в том числе на ежемесячные денежные выплаты. Для реализации этих мер необходимо иметь удостоверение ветерана боевых действий. Для получения удостоверения бывший военнослужащий должен предоставить приказ о количестве суток его непосредственного участия в боевых действиях – документ, не существующий в природе, так как в указанные годы такие приказы не издавались. Это ли не высшая форма цинизма?

Любой закон при его разработке предполагает его экономическую оценку. Следовательно, для его реализации предусмотрены определенные средства, а поскольку они, по определению, не могут быть использованы по прямому назначению, то будут перераспределены в ущерб тем, кто фактически имеет на них право.

Неприглядная ситуация имела место с вознаграждением военнослужащих, принимавших участие в боевых действиях в вооруженном конфликте в Южной Осетии в 2008 году. На время конфликта действующим законодательством были предусмотрены выплаты в размере \$ 54, затем его применение было приостановлено, а потом задним числом вообще отменено. В результате среди участников указанных боевых действий были те, кто успел получить все положенные выплаты, кто получил часть и кто не получил ничего.

Подобная ситуация сложилась и с выплатами военнослужащим по призыву за работы по утилизации отслуживших срок снарядов, когда за короткий срок законодательно эти выплаты были сведены с 42 тыс. в месяц до нуля.

Согласно Приказу Минобороны РФ от 30 июня 2006 г. N 200 "Об утверждении Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации", военнослужащие, занятые на указанных работах, получали до 42 тыс. рублей в месяц. С 1 января 2012 года согласно Ф3N 306-ФЗ "О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат" эти выплаты составили 15 - 20 тыс., а уже 21 января того же года Президентом РФ издан Указ № 100 «О проведении в Вооруженных Силах Российской Федерации эксперимента по унификации денежного довольствия военнослужащих, проходящих военную службу по призыву», согласно которому все военнослужащие по призыву получают денежное довольствие в размере 2 тыс. рублей.

Таким образом, военнослужащие, производившие утилизацию снарядов в нечеловеческих условиях, рискуя ежечасно жизнью, были разделены на тех, кто получил денежное вознаграждение из расчета 42 тыс. в месяц, кто получил 15-20 тыс., и кто не получил ничего! (Пономарёва)

Кроме того, формальности, необходимые для получения выплат, практически невозможно выполнить. Невозможно и проверить правильность выплат.

Военнослужащие по призыву не могут ознакомиться с приказами, дающими им право на оплату их труда. Им только обещают выплатить деньги за их труд. Выплачивают не всем. В одних частях тем, кто возил на машине снаряды, и тем, кто их грузил, опасные работы не оплачивали. Платили только тем, кто участвовал в закладке и подрыве снарядов. А в других воинских частях оплачивали и тем, кто возил. Военнослужащий по призыву не может обжаловать решение, потому что узнаёт об этом при увольнении, и порой находясь далеко от командования части.

Документы, регулирующие оплату, труднодоступны. Никто из направленных на работы не знаком с соответствующими приказами Министра обороны. Знакомы с ними только командиры воинских частей. Не знакомят военнослужащих и с приказом командира части о направлении их на данные работы. У каждого военнослужащего должна быть выписка из приказа в части, касающейся именно его. С ней он может обратиться в военные правоохранительные органы, если ему неправильно начислена оплата за его труд. При этом воинская часть, занимающаяся данными работами, находится, к примеру, на полигоне Цугол, командование военного округа - в Хабаровске, за 2000 км, а расчетно-кассовый центр - в Москве. Там и начисляется и переводится на карточки военнослужащему оплата за его труд. Если офицеры хоть как-то могут дозвониться или обратиться письменно в этот центр, то солдат

вообще не знает, куда и как ему обращаться. Военной прокуратуре также очень сложно отследить прохождение этих документов. Военная прокуратура - в Чите, за 100 км от Цугола, а документация опять же в Москве.

Запутанность схемы усиливается тем, что военнослужащих отправляют на разминирование из воинской части, находящейся в Хабаровске, не исключая их из списков части, а в командировку, на срок пять-шесть месяцев. К концу службы их могут вернуть обратно в часть в Хабаровске, что окончательно осложнит задачу разобраться в этих вопросах. Это – массовая практика.

Из письма военнослужащего С. (орфография и пунктуация оригинала сохранены): *«Это вот армия?????? Служил в Донгузе 4 месяца, был такелажником. Обещали за каждый месяц заплатить 30000руб., росписи ставили каждый день. В итоге нисколько не заплатили мне, а кто-то получил. Карточку открывали, чтобы потом они деньги перечислили. Никто теперь и не даст эти деньги, никому теперь это не надо. Хотя двое только при мне пострадали - оглохли. Еще офицеры заставляли собирать после взрыва медь, также после взрыва закапывали мины и снаряды, которые не до конца взорвались».* (Решёткина).

Разумеется, проблема несоблюдения универсальных норм права не сводится к изданию неконституционных нормативно-правовых актов. Существенную роль играет правовая неграмотность, свойственная не только военным, но и большинству российских граждан.

К тому же, для командного состава российской военной организации еще в большей степени, чем для чиновников остального российского государственного и муниципального управления, характерно непонимание и нежелание применять универсальные нормы права, руководствоваться едиными для всех чиновников и органов власти ценностями и нормами. Данный признак характерен для военной организации на всех уровнях (от Генштаба до самого младшего командирского состава) и на всех стадиях (от призыва до прохождения военной службы). (Кизилова).

В армейской среде с нормами права военнослужащие вообще не знакомы. Заместители командиров по правовой работе работают только на командиров, и не занимаются правовым просвещением своих подчинённых. Выезжая в воинские части вместе с юристами, хабаровские правозащитники проводили семинары с офицерским составом. Военнослужащим по призыву рассказывали о сроке их службы: что считается началом военной службы, а что – её концом. Началом военной службы по призыву считается день вручения военнослужащему военного билета и присвоения звания «рядовой». От этого дня идет отсчет его военной службы. И время нахождения его в пути входит в срок военной службы, как и время в пути от воинской части к месту призыва. Если человек живет в центре России, а служит на Дальнем Востоке, время в пути может достигать 20 суток. Военные же стараются эти сутки забрать у военнослужащего по призыву, не разъясняя ему его право. Сам он напрямую не может обратиться ни в военную прокуратуру, ни к командиру части, чтобы отстоять свое право. Многие военнослужащие обращаются в комитеты солдатских матерей через своих родителей, или через интернет, мобильную связь, СМС-сообщениями. К нам в 2012 году таких обращений поступило немало. (Решёткина)

Редкий случай, когда отношение командиров к закону было выражено открыто, описано Комитетом солдатских матерей Калининградской области.

В санчасти одной из воинских частей сконцентрировалась перед отправкой домой группа военнослужащих, уволенных по 17-й («психиатрической») статье Расписания болезней. Они позвонили в КСМ с жалобой: *«Утром приходит майор, говорит: «Эй, психи, быстро берите лопаты, идите чистить снег!».* И мы идём в пижамах, в тапочках чистить снег весь день». При этом их увольнение уже было утверждено окружной комиссией. На звонок командующему с вопросами - когда их отправят домой и почему они работают, ведь это незаконно, ответ был: *«Как незаконно? Они военнослужащие, пока их не исключат из списков части, так что пускай идут и работают».* Ещё откровеннее был Зампрокурора Балтфлота. На упоминание законодательства был ответ: *«У нас в армии гражданское законодательство не работает, мы работаем по законам о статусе военнослужащих и о воинской обязанности и военной службе».* («Лишний солдат», 2012)

Для армейских командиров «основной закон» - это Уставы. Они в армии авторитетнее любого закона.

Несколько лет назад командир 20-й дивизии, дислоцированной в Волгограде, при напоминании о том, что военнослужащий по призыву не утрачивает прав как гражданин России, гарантированных ему Конституцией РФ, стукнул по столу Уставом ВС, сообщив, что это его Конституция. (Пономарева)

Это видно, в частности, на примере понимания и применения на практике перечисленных выше положений о незаконном приказе.

Устав внутренней службы ограничивает права военнослужащих по призыву явно избыточно, регламентируя даже содержимое прикроватной тумбочки. Однако даже и Устав

воспринимается военными как закон для нижестоящих, а для выстраивания выгодной им системы управления они используют апологию «неуставщины».

Ещё один пример необычной откровенности. Полковник Генштаба в отставке Владимир Попов утверждает, что «дедовщину» в армии искоренить невозможно независимо от сроков службы. «Да и не нужно от нее избавляться, - сообщает он в интервью «Комсомольской правде», - потому как на ней держится основа воспитания солдат. Офицеры сами заинтересованы в «дедовщине». Командиру роты, например, проще управлять десятком «дедов», закрывая глаза на их нарушения. Зато они управляются со всей ротой именно так, как надо офицеру». Далее он подводит базу: «Опять же негоже офицеру бить солдата, а ведь часто есть за что! Просто слова и убеждения на призывников практически не действуют. И тут нужны «дедушки», которые доходчиво убедят «салабонов» в правильности поступков». (Сокирко, 2010).

Тема использования солдатского труда в интересах частных лиц будет подробнее рассмотрена в разделе 5. Здесь же мы упомянем о его якобы законном использовании «в интересах государства». Недавно были расформированы строительные воинские части, но принудительный труд расцвёл при утилизации устаревших боеприпасов на полигонах.

Тут уместно вспомнить ч. 1 статьи УК РФ 127 (2) «Использование рабского труда: Использование труда человека, в отношении которого осуществляются полномочия, присущие праву собственности, в случае, если лицо по независящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ (услуг)».

Согласно ст. 209 Гражданского Кодекса РФ, собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом. Но государство как раз и распоряжается солдатами. Отсюда, по мнению С.Г. Колесникова «часть 1 статьи 127(2) по ее смыслу применима к должностным лицам, в подчинении которых находятся военнослужащие по призыву <...>. В данном случае собственником является государство, которое распоряжается зависимыми от него гражданами, лишенными федеральными законами основных прав, уставленными Конституцией РФ. По независящим от них причинам они не могут отказаться от выполнения работ». (Колесников, 2004)

Государственное рабство – почва для корыстных преступлений в виде присвоения бюджетных средств. И оно же – благодатная питательная среда для превышения полномочий и злоупотреблений ими в личных интересах. (См. раздел 5).

В сфере регулирования взаимоотношений в Вооруженных Силах РФ существует система нарушений универсальных норм права, которые власть не просто попирает, но не понимает и не желает этого понимать и осознавать. Учитывая, что это делается на самом высоком уровне, стоит ли удивляться тому, что любой, кто в армейской иерархии стоит выше военнослужащего по призыву, позволяет себе обращаться с его правами по своему усмотрению. (Пономарёва)

Призывники и военнослужащие вынуждены зачастую прибегать для защиты своих прав не к универсальным нормам права (так как из-за непризнания их командирами с помощью универсальных норм этого сделать невозможно), а к неформальным, частным (партикулярным) нормам, которые часто относятся к коррупционным. (Кизилова)

Таким образом, непонимание и нежелание применять универсальные нормы права уже на уровне нормотворчества приводят к неоправданному в мирное время ограничению прав военнослужащих, в первую очередь – по призыву, и к грубым нарушениям их неотъемлемых прав. Этот же фактор позволяет оставить армию вне независимого контроля, что является первейшим условием формирования коррупционной среды и широкого распространения коррупции.

2. Защита прав гражданами с помощью коррупционных действий

О защите прав граждан с помощью коррупционных действий можно говорить, когда человек платит чиновнику - вымогателю за то, что этому гражданину полагается по закону. Такое сплошь и рядом происходит при призыве, в частности, как способ освобождения от него по состоянию здоровья.

Нарушение прав граждан при призыве на военную службу стало уже притчей во языцех. Практически каждый призыв в СМИ обнародуются факты получения взяток должностными лицами военкоматов за предоставление отсрочек или освобождения от призыва на военную службу. Известна и такса - 70-90 тыс. рублей. Сумма определяется цепочкой из должностных лиц, которые получают свою долю — сотрудники военкоматов, врачи. Тем не менее, получаемые суммы в итоге настолько значительные, что боязнь разоблачения отходит на второй план.

Зачастую взятку требуют с граждан, которые по состоянию здоровья имеют право на отсрочку или освобождение от призыва. Многие, не надеясь на скорое решение проблемы

правовыми способами, платят врачам больниц, врачам, проводящим медицинское освидетельствование в военкоматах, военным комиссарам и т.д. за то, чтобы получить, на самом деле законную, отсрочку или освобождение от призыва.

Призывник Д., проживающий в Волгограде страдает заболеванием «Гипертоническая болезнь 2-я стадия», наличие которого дает ему право на освобождение от призыва на военную службу. Для предоставления отсрочки от призыва старший врач медицинской комиссии потребовал с него 5000 рублей. Призывник обратился в отдел по борьбе с экономическими преступлениями. Врач был задержан при получении взятки.

Призывник Ж., проживающий в Волгограде, страдает врожденной патологией позвоночника, которая дает право на освобождение от призыва на военную службу. Однако, его несколько раз признавали временно не годным к военной службе и предоставляли отсрочку от призыва до следующей призывной компании. Каждые полгода он вынужден был проходить обследование, тратить на это рабочее время. Никаких изменений в состоянии его здоровья произойти не могло. Поняв, что у него таким образом вымогают взятку, он заплатил сотруднику военкомата, который решил вопрос с освобождением Ж. от призыва по состоянию здоровья.

В обоих случаях имеет место использование сотрудниками военных комиссариатов своих служебных полномочий из корыстных побуждений, повлекшие нарушения прав граждан на освобождение от призыва на военную службу по состоянию здоровья, что дает возможность определить эти действия как коррупционные. (Пономарева)

Более сложный случай – когда основания для различного толкования законодательства заложены в нём самом.

Например, ряд действующих законов и ведомственных инструкций, касающихся призывников и военнослужащих, противоречат конституционным нормам, а также отдельным статьям федеральных законов. Эти противоречия позволяют применять к одним гражданам призывного возраста нормы одного закона, к другим – другого, в зависимости от того, выгодно ли это чиновнику (к примеру, предложил ли призывник за соблюдение своих прав взятку), или в каких личных отношениях находится чиновник военкомата с родителями призывника (соседи, друзья, родственники и т.д.).

Применение коррупционных норм в армии не может не влечь за собой нарушение прав военнослужащих, так как при этом невозможно соблюсти равное отношение военных чиновников ко всем гражданам в солдатской форме.

Призывник С. после окончания 9 классов общеобразовательной школы поступил учиться в колледж. На предпоследнем курсе ему исполнилось 20 лет, и военкомат вручил ему повестку на призывные мероприятия, то есть на прохождение медицинского обследования. Медики военкомата признали его годным к военной службе, и призывная комиссия приняла решение о призыве в вооруженные силы в соответствии с п. 2 ст. 24 ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», в которой говорится, что граждане в описанной нами ситуации имеют отсрочку по учебе, но только до достижения ими 20 лет. В соответствии с этим законом гражданин С. должен был уйти на военную службу, не получив не только среднего специального образования, но и среднего (полного) общего образования. Хотя в ФЗ №3266-1 «Об образовании» сказано, что «государство гарантирует гражданам общедоступность и бесплатность дошкольного, начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования...». Чтобы иметь возможность доучиться в колледже, гражданин С. вынужден был дать взятку должностному лицу. Военкомат, чтобы выполнить план призыва, направил вместо него на военную службу другого гражданина К., не давшего взятку. (С. категорически отказался содействовать в раскрытии этого преступления).

На этом примере мы видим, как коррупция в форме злоупотребления чиновниками властными полномочиями действует разлагающе на гражданина, в данном случае - на призывника С. Вынужденный приспособляться к этой системе, он, по сути, сам совершил два противоправных деяния: а) защитил себя с помощью неправовой (коррупционной) сделки; б) утвердил власть коррупционера над другим гражданином и тем самым сузил и без того узкое в нашей стране правовое поле. (Кизилова)

А в конце 2012 года стало известно о новшестве в этой практике. Некая фирма предлагает помощь в получении военного билета **по достижении 27 лет** за 10 тыс. рублей.

И раньше встречались случаи волокиты при его выдаче с намёками на возможности ускорения, но обычно ни у кого не вызывало сомнения, что билет должен быть выдан по закону. Многие правозащитники уверены, что за этой фирмой стоят сами военкоматы. Кроме всего прочего, данный пример иллюстрирует «непонимание и нежелание применять» не только универсальные нормы права, но и чётко прописанные положения закона самими гражданами.

Менее известно, что и военнослужащим иногда приходится платить младшим командирам за «увольнительную», за отправку в госпиталь, и даже за увольнение в срок.

Призыв граждан, страдающих заболеваниями, наличие которых дает право на освобождение от военной службы, порождает коррупцию и в военных медицинских учреждениях. Родителям больного военнослужащего предлагают заплатить определенную сумму, чтобы в заключении стояло заболевание или его стадия, которая не предусматривает дальнейшей службы, шантажируя их возможностью признания сына годным к военной службе и отправки его обратно в часть. Особенно это касается военнослужащих, страдающих психическими заболеваниями. В войсковой части соблюсти тайну обращения за оказанием психиатрической помощи, гарантированную ФЗ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании», невозможно. Нетрудно представить положение военнослужащего, прошедшего лечение в «психушке», среди сослуживцев. Родители готовы отдать все, что бы сын избежал этой участи.

Военнослужащий Т. оставил место службы в связи с невозможностью адаптироваться к военной службе. Был возвращен в часть. В июне 2012 г. совершил попытку суицида — вскрыл себе вены, в связи с чем госпитализирован в психиатрическое отделение госпиталя. Сначала лечащий врач говорил Т., что он будет признан не годным к дальнейшей службе, и тот был уверен, что в часть больше не вернется. Однако затем доктор стал чаще говорить, что Т. здоров и может служить. Он длительное время не принимал решения в отношении Т., и более трех месяцев тот находился под угрозой возвращения к месту службы. Родителям Т. было предложено заплатить за то, что бы и так имеющийся у него диагноз, дающий право на увольнение с военной службы в запас, был официально установлен. Что родители и сделали. В итоге Т. быстро был признан не годным к дальнейшей службе и уволен в запас.

В данном случае имеет место вымогательство с использованием должностным лицом своих полномочий в целях извлечения выгоды для себя. Были нарушены права Т. на врачебную тайну, на здоровье и увольнение с военной службы по состоянию здоровья, право на свободу от унижения человеческого достоинства. Они были защищены коррупционным путем.

В войсковых частях широко распространено мздоимство с военнослужащих по призыву за увольнительную. Согласно статье 240 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации военнослужащий, проходящий военную службу по призыву, если на него не наложено дисциплинарное взыскание "лишение очередного увольнения", имеет право на одно увольнение в неделю из расположения части. В субботу и предпраздничные дни разрешается увольнение до 24 часов, а в воскресенье и праздничные дни - до вечерней поверки. На практике, что бы получить законный день отдыха вне расположения части, приходится платить непосредственному командиру, который даст увольнительную за 500-1500 рублей.

Нарушаются права военнослужащих на отдых, имеет место дискриминация в отношении тех, кто имеет равное право на отдых, но не заплатил за его реализацию. Со стороны командира, берущего взятку, имеет место злоупотребление должностными полномочиями с целью получения личной выгоды.

В декабре 2012 года сопредседатель организации «Материнское право» навещала сына в части. Он был простужен. Командир роты, даже зная, кто она такая, предложил за 6 тыс. рублей отпустить его на неделю.

Цинично наживались начальники финансовых частей на выплате так называемых «боевых» денег. Военнослужащие, принимавшие участие в боевых действиях, имеют право на дополнительные денежные выплаты за каждый день непосредственного участия в боевых действиях на территории Северо-Кавказского военного округа. Нередко это были весьма значительные суммы. Не всегда наличные средства в нужном количестве были в распоряжении финансовых служб, а, возможно, военнослужащим просто говорили, что денег недостаточно, чтобы выплатить положенные суммы всем. Для того, что бы получить эти деньги, зачастую нужно было отдать до половины начальнику финансовой части. Это и делали военнослужащие, предпочитая получить хотя бы часть положенного. Практика показывает, что огромное количество солдат, рискующих жизнью в условиях вооруженных конфликтов, положенных компенсаций так и не получили. Обещания командования перечислить "боевые" на сберегательные книжки, почтовыми переводами так и остались обещаниями. Большинство бывших военнослужащих пропущены исковые сроки взыскания денежных средств.

Отдавая часть «боевых» финансистам, военнослужащие частично реализовывали свое право на имущество, каковым являются деньги, коррупционным путем. Действия начальников финансовых частей имеют признаки коррупционных, так как они занимались вымогательством с использованием своих должностных полномочий в целях извлечения выгоды для себя. (Пономарёва).

Однако в большинстве случаев происходит вымогательство просто за то, чтобы не били. При этом доходит дело до того, что некоторые офицеры в явочном порядке осуществляют многократно обескураживающую идею откупа от военной службы, но только не в государственный, а в свой карман.

В январе 2011 года в КСМ Хабаровского края обратился военнослужащий воинской части 1**** п. Камень-Рыболов Приморского края и рассказал, что в августе он сообщил матери об избиениях. Та обратилась к ротному - старшему лейтенанту Е-ву, который предложил матери перечислять ему по 10 тысяч рублей в месяц за то, чтобы забрать сына из армии. За время службы её сына было таким же образом отпущено 12 человек. На Е-ва в конце концов возбудили уголовное дело, видимо, кто-то из родителей пожаловался. (Решёткина)

В практике организации «Материнское право» также были случаи, когда военнослужащие платили командирам ежемесячно за возможность находиться вне расположения воинской части. То есть жили дома. Нередко такой выход предлагали родителям больного военнослужащего, вместо того, что бы направить его в госпиталь на лечение или освидетельствование на предмет годности к военной службе. (Пономарёва).

В первом случае взятодатель отстоял своё право на защиту от жестокого обращения, а, возможно, и право на жизнь. Во втором – право на охрану здоровья. Но даже и в этих случаях для обеспечения прав пришлось прибегнуть к партикулярным отношениям.

Законодательство, не обеспечивающее действенных механизмов защиты прав военнослужащих, традиции, сложившиеся в военной организации, вынуждают военнослужащих прибегать к взяткам для обеспечения своих прав. Тем самым они способствуют нарушению прав других военнослужащих. В вопросах призыва ситуация иная. Здесь законодательство предусматривает механизмы защиты прав, включая обращение в гражданские суды. Здесь широчайшее распространение «защиты» своих прав с помощью взятки связано в первую очередь с непониманием и нежеланием самих призывников применять законы.

3. Нарушение общепринятых норм морали

В данном разделе и далее будут широко использоваться материалы уникальной работы К.Л. Банникова (Банников, 2002), который изучал армейские нравы, начиная с «метода включенного наблюдения», как он называет свою службу по призыву. Однако следует отметить, что главной задачей автор считал изучение с позиции этнографа неформальной армейской иерархии, в основном – её «нижнего этажа», то есть, взаимоотношений военнослужащих по призыву, так называемой «дедовщины».

Во введении мы отметили, что обычное для представлений нашего общества сведение армейского насилия к «дедовщине» затемняет суть проблемы, оставляя без внимания её корни. Подойти к пониманию этих корней позволяет рассмотренное в разделе 1 несоблюдение норм права в самом законодательстве.

В данном разделе мы будем рассматривать отклонения «армейской морали» от общепринятых норм, следуя фактологии Банникова, однако дополняя её примерами распространения этой морали и на офицеров. Правомерность такого подхода обосновывается приведенным выше высказыванием отставного генштабиста Владимира Попова, а также различной степенью проявления «неуставщины» в разных воинских частях. Дедовщина отнюдь не тождественна армейскому насилию. *«Подавляющее большинство "дедов" и "духов" в воинских частях по всей стране будут различаться между собой габаритами подворотничков, углом изгиба кокард и т.п., но при этом молодых в одних частях никто и пальцем не трогает, в других их бьют только "за дело", в третьих их бьют "для профилактики", в четвертых - избивают постоянно, в пятых - насилуют и забивают насмерть»* (Банников, 2002).

То есть, степень причинения вреда другому зависит от моральных качеств членов армейского коллектива и не в последнюю очередь – командного состава.

Как известно, моральный долг понимается как обязанность в равной мере учитывать интересы любого другого человека, оказывать ему равную помощь, поддержку, заботу и т.п. (Прокофьев, 2002).

Несколько иная формулировка – «золотое правило» этики: «обращайтесь с ближним так, так вы хотели бы, чтоб обращались с вами». В армии, это правило *«поставлено с ног на голову. Действует принцип: "Я обращаюсь с ближним так, как здесь обращались со мной"»* (Банников, 2002).

Это – психологическая основа «дедовщины», скрепляющая неуставную иерархию. «Духи» терпят издевательства, предвкушая, как будут издеваться над другими. Что может быть аморальнее?

Неуставная иерархия предполагает полное бесправие «духа». Ему «не положено» отдыхать, радоваться, считать дни до перехода на более высокую ступень иерархии.

Среди действенных факторов, сдерживающих насилие в армии, следует выделить образованность у городской молодежи и воспитанность в традиционной системе ценностей у сельской. *«И образованность, и воспитанность предполагают у человека сформировавшиеся»*

жизненные ориентиры и ценности, лежащие за пределами влияния экстремальных групп». В армии «весь объем знаний, усвоенных на протяжении жизни, все системы ценностей оказываются ненужными. Ты сталкиваешься с новыми ценностями-антитезами. Например, ты знаешь, что воровать нехорошо, а тебе говорят "в армии не крадут, а находят", но "не теряют, а прое...ют". Ты привык лично отвечать за свои поступки, а тебя наказывают за чужие, вместе со всем отделением, взводом, ротой» (Банников, 2002).

Особенно в армейском «моральном кодексе» важна апология насилия. С ней связана трансформация языка. «Значение эмоционального камуфляжа будут иметь в армейском жаргоне выражения "строить", "учить родину любить", "объяснять политику партии" - прикрывающие истинное значение: издеваться, избивать, унижать. Декодировать эти значения непросто — работают мощные психологические защиты и апологии, среди которых приводятся два наиболее "железных" аргумента: "нас в свое время..., и мы понимали — так надо", "дедовщина — это порядок". Однако открытый прямой разговор, в котором вещи называются своими именами, способен нейтрализовать насилие. Закрытые системы максимально препятствуют открытым разговорам о своих проблемах. Эти разговоры определяются как "стукачество" и караются с наибольшей жестокостью. Отключение сознания участников социального взаимодействия - признак автоматического самовоспроизводства закрытых социальных систем».

Из письма новобранца: <...> Смотрю на тех, кто уже отслужил 2 года. За 2 года я стану тут, наверное, тоже каким-нибудь психом, дебилом, или у меня будет с головой не в порядке, как у некоторых (зато они гордятся этим). Они могут избить ни за что. Поднять руку на человека для них не проблема. В роте из 40 человек у 30 человек с головой не в порядке, они сами говорят и хвастаются, кого и чем они били (табуретом, стулом, штык-ножом, дверью, об стену, об пол и т. д.) (Банников, 2002).

Представление о допустимости насилия свойственно и взглядам офицеров (если не сказать — исходит от них). «Прославились» капитан Виктор Баль и Вадим Калинин, служившие на космодроме Плесецк в Архангельской области. 15 августа 2007 года, находясь в состоянии алкогольного опьянения, они зверски избили двух военнослужащих по призыву и бросили их в клетку для служебных собак, оставив в беспомощном состоянии. Один из избитых — Сергей Синконен скончался. Баль и Калинин были осуждены к 11 и 14 годам лишения свободы. Однако это не помешало карьере начальника космодрома генерал-лейтенанта Башлакова, назначенного на вышестоящую должность начальника Главного управления воспитательной работы МО РФ. (Росбалт, 2007). В последствии Башлаков был осужден, но по поводу, совсем не связанному с этим делом — за хищение.

Командиры воинских частей нередко не только потворствуют проявлениям дедовщины (неуставных мер воздействия на молодых солдат), таким как многочасовая муштра, ограничение сна, времени для принятия пищи до очень короткого, за которое поесть почти невозможно, принуждение приносить ежедневно определенные денежные суммы или деликатесные продукты, многочасовые физические нагрузки, побои за невыполнение перечисленного, но и навязывают такое поведение старослужащим, считая, что иначе из гражданских лиц солдата не воспитать.

То есть, командиры осознанно нарушают моральные нормы, причиняя зло окружающим, нарушая права молодых военнослужащих на здоровье, а нередко и жизнь, достоинство личности. (Пономарёва).

Культ насилия как проявление мужественности сопровождается «детабуизацией телесности», интимность которой характеризует определенное состояние культуры. «В казарме низменная, табуизированная телесность непременно выставляется наружу. Интимность уничтожается». (Левинсон, 1999)

Тему развивает Банников: «Язык крайне обедняется. В разговорах, структура которых воспроизводится в логике доминантных отношений, доминируют фекально-анальные аллегории. <...>. "Настоящий" язык - это язык тайный и закодированный, им "настоящие" брутальные мужчины "не матерятся, а разговаривают" (Банников, 2002).

Доведённое до крайней степени, это умонастроение выливается в уголовные преступления. В своё время прогремела история, когда замполит батальона на о-ве Итуруп, майор Г. вдвоем с председателем райсовета изнасиловали более двух десятков солдат. (Баранец, Коц, 2005)

«Дембельские альбомы» - место выражения «морального кодекса». Вот пример:

"У пограничника должна быть только одна девушка, но в каждом населенном пункте".

"Кто много пьет — тот много спит / Кто много спит — тот не вредит / Кто не вредит — тот чист душой / Отсюда вывод — пей, родной".

"Старшина у нас хороший / Старшина у нас один / Мы все вместе соберемся / И п...ды ему дадим".

*"Кто обидит девушку пограничника, тот навсегда останется загадкой для хирурга".
«Представлен спектр brutальных идеалов: один — про женщин, второй — про пьянку, третий — про драку, четвертый — про драку из-за женщин. (Банников, 2002).*

Этот «кодекс» не соответствует не только житейским представлениям, впитанным «на гражданке», но и официальной «патриотической» морали.

Люди не могут мириться с мыслью, которую сами формулируют как "два года жизни — псу под хвост", и вырабатывают отношение к армии, как к инициации, вследствие которой они якобы обретают истинное "трудное" знание о жизни, оппозиционное ложному "легкому". При этом ни понятие патриотического долга, ни пресловутая "почетная обязанность" не составляют предмет апологии образа жизни вследствие цинизма, рожденного в несоответствии декларативных уставных принципов реальному армейскому беспределу». Скорее, этой апологии соответствует абсурд, пронизывающий все сферы существования и внутренней организации армии. «Общественное сознание следует принципу: «да, это глупо и бессмысленно, но так положено, и мы тебя научим это делать, или заставим». (Банников, 2002).

Соответствует этим «моральным нормам» и представление о допустимых оценках ситуации в армии. Реакция военного прокурора на критическую статью: *«Ну зачем об этом писать? Я работаю тридцать лет, так за это время это всего второй такой случай. Вот вы сейчас напишите, у всех создастся впечатление, что такие вещи в армии сплошь и рядом, а это ведь не так. Получается, нам надо престиж Вооруженных сил поднимать, а мы, наоборот, его позорим». (Калинина, 1999).* Своеобразие этих представлений о способах поддержания престижа армии на высоком уровне происходит не из назначения прокуратуры - выявлять и искоренять факты, порочащие армию, но из корпоративной этики военных, диктующей желание такие факты скрывать.

Для темы коррупции особый интерес представляет отношение к корыстным преступлениям, например, к воровству.

По наблюдениям Банникова, оно *«осуждается, однако отношение к воровству и у солдат, и у офицеров двойственное. Восприятие воровства складывается из материальной и знаковой ценности украденного предмета, статусов крадущего и обокраденного, степени их личного знакомства. От этого зависит, будет ли воровство воспринято как грех или как доблесть».* (Банников, 2002).

Воровство, происходящее в казармах, то и дело упоминается в жалобах в правозащитные организации. Особенно впечатляет описание положения, в котором оказываются солдаты-водители машин, работающие в нечеловеческих условиях на полигонах при утилизации устаревших боеприпасов.

«Они снаряды возят на машинах без тормозов, колёса лысые, стёкол нет... Мучаются с машинами целыми днями. Вечером сделаешь — за ночь своруют... Колёса, лампочки воруют с машин. (Очевидно, друг у друга — Л.В.). «По дикой армейской традиции солдат сам ремонтирует свою машину и сам добывает для неё запчасти. Если нет запчастей, у командиров один ответ - рожай. Машина должна выйти на линию»,- пишет на форуме prizupnik.info некто, видимо, знакомый с «традициями» не понаслышке. (Вахнина. Полигон лагерного режима. 2012).

Воровство стоит в одном ряду с вымогательством (см. раздел 5).

С появлением сотовой связи широкое распространение получило вымогательство материальных ценностей у военнослужащих самыми разными способами. Отбирают дорогостоящие аппараты. Отсутствие телефона у военнослужащего, не имеющего другой связи с родными, дает возможность вымогать у него плату за звонок в размерах, в сотни раз превышающих реальные расходы на связь. Нередко требуют у родителей положить на счета вымогателей определенные суммы за то, что они не будут применять насилие к сыну. (Пономарева)

При этом за спиной «дедов» - вымогателей часто стоят офицеры.

Старослужащий Д. одной из воинских частей занимается поборами (вымогательством денег) у новобранцев. Командир роты капитан К. знает об этом, но делает вид, что ничего не происходит, потому что старослужащий Д. делится с ним частью полученных средств от новобранцев. (Кизилова).

Старшие по званию зачастую обирают военнослужащих, получивших посылки от родных или денежные переводы. Отправляясь вместе на почту, где военнослужащий расписывается за перевод, они затем забирают деньги. Подтвердить факт хищения практически невозможно, так как расписался за получение сам адресат. Нередко родители с возмущением рассказывают, что офицеры не стесняются вынимать из передач продукты, сигареты, прямо на их глазах. (Пономарева).

Очевидно, что допустимость посягательства на чужую собственность есть одно из условий возникновения коррупционной ситуации.

Забвение моральных норм отмечается и в среде командного состава высокого уровня. Распространены злоупотребления в сфере предоставления офицерам положенных им по закону квартир.

Офицера, много лет прослужившего в воинской части, вдруг выводят за штат. А потом обманным путем вынуждают подписать рапорт на увольнение, что лишает его права получить квартиру, которая, благодаря этим уловкам, достается другому. (Кизилова).

Несколько лет назад широкую огласку в Волгограде получил случай, произошедший с одним из старших офицеров железнодорожных войск, какое-то время находившимся в зоне вооруженного конфликта на Северном Кавказе. Военнослужащие за каждый день непосредственного участия в боевых действиях имели право на дополнительные выплаты. Этот офицер, по свидетельству его сослуживцев, весь срок просидел в блиндаже, но при этом внес себя в приказы на выплаты за все, без исключения, дни, и в феврале - за 31 день. Такое бессовестное поведение влечет за собой возникновение в обществе представления о том, что все офицеры такие, (кому война – кому мать родна), нарушая их права на честь и достоинство личности. (Пономарёва).

Приведенные факты и мнения свидетельствуют о недопустимо низком моральном уровне в армейской среде, воспринимаемом как норма. (Мы допускаем, что обобщение на всю армейскую среду должно делаться с оговорками). Господствующие в ней «моральные» нормы приводят как к грубейшим нарушениям прав нижестоящих в формальной или неформальной иерархии, так и к корыстным преступлениям, которые лежат в основе коррупционных действий.

4. Проявление развитого в российском социуме социального эгоизма

Это явление – частный случай нарушения моральных норм, а именно – те нарушения, когда для получения своих выгод или преимуществ наносят ущерб другим. «Дедовщина» как раз относится к таким явлениям. В разделе 3 была рассмотрена особенность этого явления, заключающаяся в том, что оно держится на принципе «эстафеты», то есть, жертва насилия ждёт своей очереди творить насилие. При этом моральные нормы нарушены «неписаным законом».

Выше также было отмечено, что дедовщина есть практически везде, но степень реального физического насилия в разных местах колеблется от полного его отсутствия до убийств. Также (что важно для темы настоящего исследования), она зависит от того, какие цели достигаются применением насилия. В разделе 5 мы подробно остановимся на применении насилия для достижения материальной выгоды (рабство, принудительный труд, вымогательство), что, без сомнения, относится к проявлениям социального эгоизма.

Здесь же мы рассмотрим крайнюю степень доминирования, которая, казалось бы, не обеспечивает материальной выгоды, однако является и крайней степенью социального эгоизма.

«Чмо» - так в армии называют париев, людей, опущенных на самую нижнюю ступень социума. Для «чмыря» закрыт путь в «деды», то есть, у пария нет надежды в будущем отыграться на других.

По наблюдениям Банникова, феномен изгоя возникает не случайно, но «там, где группа испытывает в нем потребность».

Чмырю могут нагадить в сапоги или в шапку. Банников задаётся вопросом: зачем? Ведь в рамках неуставных отношений человека можно безнаказанно избить и даже убить, т. е. устранить физически, тогда зачем проявлять такую изощренность в его "опускании"? Он приходит к выводу, что цель состоит не в устранении, а в предельном семиотическом подавлении соперника, в превращении его в социального антипода. Соответственно, вещи, принадлежащие антиподу, метятся антивеществом.

Трагический случай, произошел на Мысе Желтый (Камчатка), где располагался пост радиотехнического наблюдения. Коллектив – 7 дедов, 4 молодых под командой мичмана.

Как рассказал В. Яковлев, обозреватель "Новой Камчатской Правды", *«Солдат Войтенко был замкнутым по характеру, стихи писал, такая романтическая, утонченная в чем-то натура. И вот он и оказался козлом отпущения. Его начали бить. Просто бить. За все про все, любые придирки, на которые в принципе, в нормальной ситуации не обращаешь внимания. Дальше - больше. Это разрасталось как снежный ком, и все большее количество человек в этом участвовали»*. Закончилось гибелью солдата. (Банников, 2002).

Этот случай наводит на мысль, что «антиподом» может быть именно «утонченная натура», которая воспринимается как вызов грубому культу насилия. Нередко от правозащитников приходилось слышать, как в армии погибали именно те, кто имели о ней «романтические» представления, готовились к ней, «накачивая» физическую форму и были

уверены, что смогут не сломаться, сохранить свою личность. Впрочем, жертвой может быть и просто слабый, «недотёпа, неумёха». Почти в любом гражданском молодёжном коллективе есть такие, они становятся изгоями, предметом насмешек. В армии всё может кончиться хуже.

«Пик веселья и общей консолидации наблюдается во время насилия над париями. Над ними издеваются и деды, и духи, и даже офицеры. Расправы над чмо представляются архетипическим по своей природе актом "сплочения кровью".

Развлечения насилем, точнее, эмоции, которые получает толпа от насилия, совершаемого над одним человеком, говорят об удовлетворении потребности в едином социальном теле путем жертвоприношения - коллективного умерщвления социального антипода. Все члены группы обязаны, если не участвовать в насилии, то смеяться или разделять общее приподнятое настроение. Сочувствующий жертве разделит судьбу жертвы.

Осознание наступает в результате десимволизации, порождающей эмоцию, сопоставимую с катарсисом. В экстремальных группах это бывает редко, потому что системы организованного насилия вырабатывают мощное знаково-символическое поле в целях адаптации сознания участвующих в нем людей. ... Сам насильник, благодаря знаковому контексту, не воспринимает творимое им насилие как таковое, для него это в худшем случае "прикол"». (Банников, 2002).

То есть, здесь мы имеем дело с коллективным эгоизмом, эгоизмом толпы, которая приносит человеческое существо в жертву чувству собственного превосходства над парием, чувству общности с такими же «высшими» существами. Эти эксцессы взращиваются системой, ставящей насилие в основу «морального кодекса».

Именно это позволяет создать в армии обстановку, когда любой протест становится опасным для жизни.

Командиры разных уровней склонны к обогащению за счет подчиненных. Самые младшие командиры – сержанты – действуют при этом лобово, не стесняясь никаких моральных препон, они прямо требуют с рядовых солдат определенные суммы с зарплаты, чуть-чуть завуалировав цели: «сбор средств на ремонт казармы (никогда не осуществляемый)», на покупку туалетных принадлежностей (хотя у каждого солдата они есть), телевизора, спортивного инвентаря и т.д.

Иногда совершенно неприкрыто они объявляют, что часть денег или все пойдут командиру роты, чтобы он лучше относился к их подразделению (отделению, взводу). Тот солдат, который воспрепятствует таким поборам, будет считаться чужаком, нарушившим принятую в этом сообществе мораль, естественную для этого сообщества. И если сержант будет унижать и шпынять его по всякому поводу и без повода и даже избивать, никто не вступится за солдата, отказавшегося участвовать в аморальном действии в виде поборов. Этот солдат почувствует себя в среде больше похожей на волчью стаю, чем на людское сообщество, будет морально и физически унижаем, а по сути, уничтожаем. И дай Бог ему дотянуть до дембеля.

А жаловаться ротному командиру или командиру части бесполезно, точнее – опасно для жизни, потому что после разборки, которую тот учинит по жалобе, жизнь пожаловавшегося солдата в этом сообществе станет просто невыносимой. Солдаты, попытавшиеся бороться с моралью «волчьей стаи» и не нашедшие защиты у командиров более высокого ранга, нередко прибегают к суициду или побегу из воинской части. (Кизилова).

Подчеркнём, что социальный эгоизм включает в себя использование другого человека в своих целях, не обязательно, но очень часто – в корыстных интересах. Так, командиры используют «дедов» для облегчения своей задачи управления солдатами. Как видим, здесь легко переходит грань – от обязанностей по поддержанию дисциплины к откровенному вымогательству.

Социальный эгоизм в армии принимает крайние формы. Он основан на чувстве превосходства над нижестоящими, которое сродни состоянию умов, обуславливающему рентоориентированное поведение чиновников (см. ниже). В армии культивируется чувство превосходства вышестоящих не только в официальной, но и в неформальной иерархии, и просто сильных над слабыми. Это способствует «низовому» слою корыстных преступлений, то есть, получению материальных выгод «дедами» и младшими командирами за счёт «духов» и вообще слабейших. Это создаёт почву для коррупции, которая пронизывает систему снизу доверху.

5. Проявление развитого рентоориентированного поведения у должностных лиц органов власти

Рентоориентированным в современном мире можно назвать поведение индивидов, организаций или частных бизнесов, направленное на получение выгод, доходов и прибылей, превышающих обычные их уровни, не за счёт больших затрат труда или повышенной его эффективности, а за счёт использования преимуществ от занимаемых этими субъектами социальных позиций. <...> В таких случаях почти всегда можно обнаружить злоупотребления должностными полномочиями <...>, осуществляемыми в корыстных интересах <...>. Следовательно, рентоориентированное поведение в подавляющем большинстве случаев осуществляется с помощью коррупционных действий. Но, помимо коррупции, рентоориентированное поведение очень часто приводит и к нарушениям прав и свобод граждан <...>. (Коррупция и права, 2012).

Рентоориентированное поведение широко распространено в среде российского офицерства. Использование преимуществ от занимаемых социальных позиций повсеместно и разнообразно. Отметим специфику военной организации: социальная позиция начальствующего включает возможность отдавать непререкаемые приказы

Наиболее очевидной и широко распространённой формой использования преимуществ является использование солдатского труда в личных целях. Это было в СССР, в Российской Федерации в конце 90-х достигло огромных масштабов и перешло в новое качество: практику сдачи солдат «в аренду», в том числе – коммерческим структурам. Несомненно (и это подтверждено в интервью высокопоставленного сотрудника Военной прокуратуры) – что на распространение этого правонарушения повлияло «узаконенное» использование солдатского труда в строительных и железнодорожных войсках. (Полетаев, Фалалеев, 2006)

Начиная с 2006 года органы военной юстиции стали активнее бороться с этой практикой, и в этом нельзя не видеть влияния общественности. Однако полностью изжить эту практику не удаётся до сих пор, а государственное использование «тудармии» приняло особо варварскую форму опасных для жизни работ по уничтожению устаревших боеприпасов. При этом ущемление прав военнослужащих на охрану жизни и здоровья, на нормальные бытовые условия достигает недопустимых в уважающем себя государстве масштабов.

С этим также связано использование преимуществ для присвоения бюджетных денег.

Из интервью Главного военного прокурора Сергея Фридинского «Российской газете» 3 сентября 2012 года: «Во "взрывных" правонарушениях часто присутствует и экономическая составляющая. На уничтожение и утилизацию старого арсенала выделяют огромные деньги, и находятся люди, желающие обогатиться за чужой счет. Например, когда мы проверяли, как в этом году идет выполнение программ ликвидации боеприпасов, то обнаружили немало подобных фактов. По нашим данным, неэффективное использование бюджетных ассигнований в этой сфере обернулось потерей 250 миллионов бюджетных рублей. По результатам прокурорских проверок было возбуждено 4 уголовных дела». (Гаврилов, 2012)

А ведь «обогащение за чужой счёт» это, в том числе, и за счёт смертей юношей, только что вступивших в жизнь. На одном только полигоне Ашулук в Астраханской области в 2011-2012 годах погибли 15 человек. И вот ответ командира на просьбу матери не отправлять сына на Ашулук.

«В соответствии со ст. 7 Устава внутренней службы ВС РФ «военнослужащие обладают правами и свободами человека и гражданина с некоторыми ограничениями, установленными <...> законами. На военнослужащих возлагаются обязанности по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, которые связаны с необходимостью беспрекословного выполнения поставленных задач в любых условиях, в том числе – с риском для жизни». (Старовойтова, 2012) Вот так. Записали в законе «О статусе», повторили в Уставе, теперь можно распоряжаться как угодно, и никто не смеет возражать. И, конечно же, эта статья многожды служила и ещё не раз послужит оправданием любого разгильдяйства.¹⁰

Государство заставляет нас жить как на войне, приносить ей – холодной, тихо тлеющей, или вообще гипотетической – любые жертвы. Но разве право на жизнь (часть 1 статьи 20 Конституции РФ) отменяется? К чему приводит распространяемое на мирное время право государства распоряжаться жизнями граждан? Должно ли оно быть чем-то ограничено? Ведь это право осуществляется руками уполномоченных на то людей, и для них возникает страшный соблазн, устоять перед которым способны лишь немногие. Государственное рабовладение превращается в частное.

¹⁰ Согласно заявлениям нового министра обороны, уничтожение боеприпасов подрывом на полигонах прекращено.

В Пермском крае подполковник Анатолий Фурлет, меняя одну военную часть на другую, совершал одни и те же правонарушения, оставаясь при этом, по сути, безнаказанным, хотя информация в военную прокуратуру поступала.

В феврале – апреле 2003 года солдаты воинской части № 65** МВД направлялись на завод «Пермалко» на погрузку-разгрузку ликеро-водочной продукции. Работники предприятия сделали фотоснимок и отправили его в военную прокуратуру. Проверка подтвердила эти факты. Бывший в то время заместителем военного прокурора подполковник юстиции А. Колесников признал, что 21 февраля 2003 года командир воинской части 65** полковник Ч. П. Мерквеладзе «незаконно заключил договор подряда № 67-03 с ОАО «Пермалко» о выполнении военными служащими части погрузочно-разгрузочных работ на территории данного предприятия». Однако больше всего пострадали не военные чины, а «просигналившие» в военную прокуратуру сотрудники «Пермалко», один из которых был даже уволен. Фурлет, бывший тогда заместителем командира воинской части, в интервью корреспонденту газеты «Капитал Weekly» оправдывал незаконные действия интересами части.

В 2008 году, выросший к тому времени до полковника, он снова попал в поле зрения военной юстиции. С середины января 2008 года по начало апреля 2008 года ефрейтор Ков Д.В. по указанию командира третьего батальона войсковой части 34** подполковника Говорливых В.Е. и заместителя командира вышеуказанной части полковника Фурлета А.В. в порядке оказания помощи при уборке территории и для обеспечения хозяйственной деятельности ГИБДД г. Соликамска, был привлечен к работам, не связанным с выполнением им обязанностей военной службы. Он работал около тринадцати часов в сутки без перерывов на завтрак, обед и ужин. Питание его ни командованием войсковой части 3**, ни сотрудниками ГИБДД г. Соликамска организовано не было и обеспечивалось неуставленными прокурорской проверкой сторонними гражданскими лицами. Полковник Фурлет Л.В. и подполковник Говорливых В.С. свою вину признали. В адрес командира войсковой части внесено представление об устранении выявленных нарушений законодательства, поставлен вопрос о привлечении их к дисциплинарной ответственности.

А в сентябре 2008 года в Пермском крае был создан отдельный спецбатальон при военной части №66**, состоящий из солдат-срочников. Они должны были патрулировать вместе с милиционерами улицы особо «напряженных» районов Перми. Но вскоре руководитель Совета родителей военнослужащих Прикамья Александра Вракина обнаружила их на полях частного сельхозпредприятия «Труженик», где они рубили капусту. О факте использования солдат на работах, не связанных с несением военной службы, она сообщила в военную прокуратуру Пермского гарнизона.

И вновь полковник Фурлет, ставший командиром воинской части 66**, в интервью корреспонденту радио «Эхо Перми» 11 ноября сообщил, что солдаты трудились на полях сельхозпредприятия «из необходимости». И вновь он заявил, что работы велись на законных основаниях, так как между частью и сельхозпредприятием заключен договор на их выполнение, хотя такие договоры уже давно признаны незаконными.

Использование труда военнослужащих в личных целях – не единственный способ извлечения выгоды из бесправного положения солдат. Известны и такие факты, как принуждение солдат к попрошайничеству, воровству, проституции. (Баранец, Коц, 2005).

Многие случаи оставления части и даже гибели солдат связаны с вымогательством с применением жёсткого насилия. Речь иногда идёт о требованиях присылки родителями нескольких тысяч рублей, что для многих семей – непосильная нагрузка. Невозможно себе представить, что подобное может совершаться без ведома офицеров. Изредка удаётся доказать, что вымогателями являются именно офицеры, использующие подчинённых в качестве исполнителей.

И вот один из недавних фактов, доказанных в суде:

*Абаканский гарнизонный военный суд вынес приговор командиру взвода войсковой части №4**** (Минусинск) старшему лейтенанту Денису Бугрову. Он признан виновным в превышении должностных полномочий. Офицер, командир взвода, забирал у подчиненных солдат всё их ежемесячное довольствие. С января по август 2010 года 33 военнослужащих вынужденно отдавали Бугрову все свои деньги – по 400 рублей “на различные хозяйственные нужды”. Кроме того, Бугров избил троих солдат срочной службы. Они обратились в военную прокуратуру, и в отношении Бугрова возбуждено уголовное дело. В суде Бугров признал свою вину и раскаялся. С учетом смягчающих обстоятельств (наличия у него двоих малолетних детей) Бугрову назначено наказание в виде штрафа в доход государства... 20 тысяч рублей. (Кириченко, 2011)*

Особенно рельефно приспособленность армейской «почвы» к корыстным злоупотреблениям проявилась при попытке перевода ряда частей постоянной готовности на контрактную систему в 2004 – 2007 годах. Казалось бы, офицеры, озабоченные повышением

боеготовности, должны были думать, как для этого использовать новые возможности контрактной системы. Так нет же, сплошь и рядом их устремления были направлены на то, чтобы использовать в своих интересах увеличение денежных потоков на оплату тех же «срочников», принудительно записанных в контрактники, и по-прежнему бесправных. Произошёл мощный всплеск насилия с целью вымогательства, «контрактники поневоле» пустились в бег. В конце концов, военная прокуратура была вынуждена признать массовый характер их бегства, что указывает на массовый характер злоупотреблений по отношению к ним. (Нарушения прав военнослужащих, 2008).

Дело не ограничивалось только вымогательством. Поскольку многие контрактники поверили обещаниям уволить их по окончании срока службы по призыву, их и отпускали домой, не оформляя официально увольнение, бывало, что и не бесплатно. Это давало возможность получать за них их денежное довольствие. То есть, вместо «оброка» с гражданина брали «выкуп», а дальше черпали из государственного бюджета.

Более того, известны случаи, когда «контрактников поневоле» заставляли платить за положенное по закону увольнение по окончании срока службы.

Военнослужащий К. служил в Костроме, в воинской части, где практиковалось вымогательство денег, в том числе за увольнение. Из этой части правозащитникам поступила коллективная жалоба со ста с лишним подписями о грубых нарушениях прав в связи с заключением контрактов (о невыдаче копий, о неисполнении предусмотренного законом обещания командования, что срок службы по призыву войдёт в срок службы по контракту, о незаконных отказах в увольнении, о вымогательстве). Солдаты пишут: «Есть офицеры, которые занимают деньги у солдат и не отдают их. Солдат ничего не может сделать».

К., отслуживший срок по контракту, так и не дал взятку в размере 60000 рублей одному из офицеров этой части. (Собрав взятки с сотни других военнослужащих, этот офицер был уволен со значительным повышением в должности).

Следователя Костромской прокуратуры, подавшего начальнику рапорт, где говорилось о «наличии оснований для проведения прокурорской проверки законности действий отдельных должностных лиц воинской части» немедленно отстранили от данного дела. Заменивший его следователь сфабриковал уголовное дело на непокорного военнослужащего, не гнушаясь ничем, в том числе неоднократной подменой в судебном деле подлинных документов на сфабрикованные. Мотивированные протесты защиты обвиняемого по этому поводу и наличие доказывающей его правдивость аудиозаписи проигнорированы как первой судебной инстанцией, так и кассационной.

Досудебный процесс тянулся более 3-х лет, сопровождался перепиской с прокуратурами всех уровней, включая Главную военную прокуратуру.

Уголовное дело рассматривалось в Нижегородском военном суде. Практически весь приговор построен на показаниях свидетелей, главные из которых были друзьями, соучастниками или подчинёнными тех самым коррупционерам, чьи показания положены в основу обвинения. Показания свидетелей защиты судом были проигнорированы или искажены, несмотря на то, что они имеются в судебном деле. Письма во все инстанции с целью добиться от прокуратуры, чтобы она работала в правовом поле, были безуспешны.

Не раз при попытках прекратить в воинских частях вымогательство взяток выяснялось, что некоторые сотрудники военной прокуратуры по месту дислокации воинских частей на виду у солдат пьянствовали вместе с офицерами частей. Естественно, любые жалобы на нарушения прав человека, на коррупцию, поступающие в такие прокуратуры от солдат, обрабатывались санкциями против них. В ответ на многократные жалобы в гарнизонные, окружные прокуратуры и в ГВП приходили отписки. Как позже выяснилось, эти отписки готовились теми, на кого жаловались. Такова система.

22-го января 2010 года, после затянувшегося на два с половиной года следствия и судебного процесса, К. был осуждён на год лишения свободы в колонии-поселении. Кассационная инстанция оставила приговор в силе. Многочисленные попытки добиться условно-досрочного освобождения К. и улучшения условий его содержания в связи с болезнью - остались безрезультатными. Решением Президента РФ ему отказано в помиловании. (Фельдштейн)

Это наводит на мысль, что наказание жалобщиков – приоритетная задача не только военной юстиции, но и солидарных с ней других государственных ведомств.

Ещё одно проявление рентоориентированного поведения – сомнительные коммерческие структуры, «пасущиеся» вокруг воинских частей, очевидно, с ведома командиров. Пример – фотографы, навязывающие родителям фотографии сыновей в военной форме по многократно завышенным ценам. Самый яркий пример процветания этого бизнеса был обнаружен в Хабаровском крае. После этого Совет солдатских матерей города Орла провёл опрос новобранцев, призванных на военную службу из Казани, Тамбова, Ярославля, Москвы,

Орла и их матерей. Выяснилось, что предприимчивые люди орудуют на сборных пунктах по единой схеме чуть ли не по всей России.

Известны и многочисленные факты невыплат или насильственного отъёма денег, полагающихся «срочникам» за опасные работы при уничтожении боеприпасов. (Лишний солдат, 2012).

Было бы упрощением рассматривать армейскую коррупционную систему как строго «вертикальную» структуру. В ней каждая ступень иерархии имеет свой способ получения ренты, не обязательно контролируемый вышестоящими.

На нижнем уровне – классический вариант «дедовщины».

Это – функции «денщика». В его обязанности входит: подавать «дедам» в постель днём и ночью специальные кушанья. Также – стирать им бельё и подшивать ночами белые подворотнички; приносить водку и сигареты. Это входило в обязанности повара первого года службы А.. В части, где служил А., «салага» был обязан добывать деньги любым путём (в том числе воровским). Принуждали его к этим действиям специальные «сборщики дани» насильственными способами, за это часть того, что вымогали, они брали себе. Наказанием за неисполнение были избиения и прижигания тела сигаретами. Видимые травмы и ожоги от сигареты впоследствии были отражены в акте судмедэкспертизы. (Фельдштейн)

Вариант денщика может осуществляться и без ведома командиров. Но как только «неуставщина» начинает использоваться в целях вымогательства, становится крайне неправдоподобным, что офицеры без выгоды для себя закрывают глаза на то, как «нижние чины» выбивают из младших сослуживцев тысячи рублей, присылаемых из небогатых семей. Более того, за этим вымогательством часто стоят именно офицеры.

Старослужащий Д. одной из воинских частей занимается поборами (вымогательством денег) с новобранцев. Командир роты, капитан К. знает об этом, но делает вид, что ничего не происходит, потому что старослужащий Д. делится с ним частью полученных средств от новобранцев. (Кизилова).

Доказать это очень трудно, но, поскольку аналогичные сведения неофициально поступают из разных источников, а в редких случаях всё же получают доказательства, игнорировать их нельзя.

Наряду с дедовскими «откатами», в состав «ренты» младших командиров может входить использование в личных целях (например, для ремонта квартиры) солдатского труда, мелкие взятки за увольнительные, поборы якобы на нужды части и т.п.

Что касается командования части, то здесь рента тоже получается не в последнюю очередь за счёт солдатского труда, но более широкомасштабного его использования. В последнее время явно сократились масштабы сдачи солдат «в аренду» предприятиям и фермерам. Однако умножились случаи организации работ (например, ремонта частных автомобилей) на территории воинских частей, что вряд ли возможно без ведома их командования. Невыплаты денежного довольствия контрактникам, «боевых» за участие в вооружённых конфликтах, зарплаты за официально оформленные работы (например, за участие в уничтожении боеприпасов методом подрыва), по-видимому, тоже составляют «ренту» командования части, но, скорее всего, не без участия вышестоящих инстанций. Упомянем и такую «ренту» проверяющих из этих инстанций, как выпивка-закуска-банька.

И, наконец, масштабы коррупционной «ренты» на высшем уровне военного командования недавно стали достоянием гласности. Это и создание ОАО, не выполняющих свои функции, и продажа собственности Минобороны с выгодой для себя, и «распил» бюджета. Однако же, не упущена и возможность использовать в личных целях солдатский труд. (Котова, 2013).

Рентоориентированное поведение в российской армии связано с представлением о «приоритетности» военной сферы по отношению к другим потребностям государства и общества и, как следствие, с особыми привилегиями военных по сравнению с гражданскими лицами и подчинёнными. Эти представления включают убеждённость в нормальности, естественности получения военными «ренты», и они же приводят к грубейшим нарушениям прав солдат – «срочников», которые не воспринимаются как полноценные представители системы. Это - право на свободный труд, а также на защиту от пыток и даже право на жизнь. Получение «ренты» в армии и есть коррупция, потому что ренту получают должностные лица в личных интересах.

6. Следование культурным традициям, обычаям и укоренившимся стереотипам

В соответствии с представлениями о том, что культурные ценности являются чаще всего правилами выбора и оценки целей действий индивидов, (Коррупция и права, 2012) можно утверждать, что в России политика и формирование уклада жизни и правил действий индивидов издавна в огромной мере подчинены целям мобилизационной готовности. Признавая, что это имеет реальные, исторически обусловленные основания, необходимо отметить, что в СССР приоритетность этой цели приобрела гипертрофированный характер, сформировав укоренившийся стереотип «жизнь в кольце врагов».

Влияние этого стереотипа на жизнь общества и армии подробно рассматривается в статье Льва Гудкова. (Гудков, 2003, стр. 35 – 51)

По его мнению, «представления о "кольце врагов", в котором находится страна, соответствовали представления о "порядке в стране", жестком, репрессивном режиме организации жизни, бытовом корреляте "оборонного сознания"». При этом «армия была не просто институтом, формирующим массовое общество, но средством массовизации специфической — тоталитарной. Перенос армейских форм организации жизни на "гражданские" отношения и институты <...> подразумевал возможность и даже необходимость подобных соответствий».

При этом наращивание чисто военного потенциала шло в ущерб другим отраслям экономики страны, что позволяет говорить о милитаристском характере государства.

«Воинские идеалы и добродетели: героизм, верность, готовность к самопожертвованию, повинение, стойкость, мужество — составляют важнейший фон семантики советской власти». Гудков считает власть, в том числе и более раннего периода, источником соответствующих определений. «Именно власть, располагающая монополией на распределение их в обществе, официально квалифицирует тех или иных подданных как достойных этих ценностных характеристик. Антизападничество (анти-модернизм) и идеология "особого пути" образовывали единый комплекс, включавший несколько компонентов: милитаристско-полицейский режим, особое значение властной вертикали в конституции общества; горизонталь массовой солидарности, социальной однородности, управляемости с точки зрения власти или в категориях русских славянофилов — органического, "соборного" национального единства власти и народа, проникнутого чувствами всеобщей "православной" любви и избранности. В советское время этот комплекс был дополнен идеологемами особых, чрезвычайных состояний, в которых отменяются обычные повседневные механизмы регуляции и "частные", "нормальные" интересы (в т. ч. права человека — Л.В.) с точки зрения слабых и культурно не обеспеченных структур гражданского общества.

Артур Вагтс в своей работе «История милитаризма» определяет милитаризм как «концентрацию обычаев, представлений и интересов, которые хоть и связаны с войнами и армиями, но в любом случае требуют гораздо большего, чем просто удовлетворение военных потребностей. Отказываясь от научного подхода, милитаризм опирается на подход кастовый, и культовый, на власть и веру». (Vagts A. A history of militarism)

Уместно вспомнить и Энгельса: «Милитаризм погибает в силу диалектики собственного развития». (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 175.)

Справедливость этой формулы подтверждается поражением СССР в «холодной войне». Однако, после периода «разрядки» милитаризм снова поднял голову.

«Для внешнего наблюдателя здесь таится парадокс: слабость и разложение, низкая боевая эффективность современной российской армии, ставшие очевидными в ходе обеих чеченских кампаний и подтвержденные сообщениями прессы о регулярных катастрофах и отказах военной техники, никак не влияют на ее политическую роль и значение в обществе, доверие к ней населения. Обычные объяснения (имперское прошлое и авторитарные традиции России, претензии ее руководства на статус великой державы) вполне справедливы, но чересчур общи и не позволяют понять конкретные механизмы консервации». (Гудков, 2003).

Свое объяснение этого парадокса, возможно несколько гротескное, предлагает А. Левинсон.

«Советский милитаризм - особая система, в которой потребности тяжелого машиностроения в заказах провоцировали внешнюю политику конфронтации и холодной войны, и в которой армия была опорной точкой этой конструкции. Все время готовясь к войне, она оставалась к ней неготовой - эта ситуация представляется абсурдной со всех точек зрения, кроме одной. А именно - с точки зрения интересов массовой бюрократии. Система <...> предполагала огромное количество командных постов, руководящих должностей, предметов управления и ведения и содержала возможность порождения новых объектов, которые можно возглавлять». (Левинсон, 1999)

И если это так, то мы имеем дело со «сверхсистемной» коррупцией, когда использование властных рычагов для собственной выгоды в ущерб интересам государства осуществляет не отдельное лицо и не ограниченная группа лиц, но целый социальный слой.

Однако *«было бы неправильным думать, что только генералитет, офицерский корпус или предприятия, входящие в систему ВПК, заинтересованы в поддержании нынешней модели отношений армии и общества. Об этом свидетельствует готовность большинства россиян одобрить увеличение военных расходов, несмотря на довольно плачевное состояние государственного бюджета. Как полагают опрошенные, плоха не сама модель армии, а нынешние условия ее реализации».* (Гудков, 2003).

Поразительно устойчивый уровень доверия к армии сохраняется много лет, и по состоянию на октябрь 2012 г. сумма мнений «вполне заслуживает доверия – 39%» и «не вполне заслуживает – 38%» составляет 77%. (Левада-Центр, 2012)

Парадокс, ставший уже привычным: при этом 83% россиян следят за расследованием финансовых махинаций в Министерстве обороны, столько же граждан – 83% – уверены: коррупционные схемы с участием крупных чиновников отражают всеобщее разложение власти. (Самарина, 2012)

Вообще, отношение россиян к армии полно парадоксов. В ноябре 2012 по данным ВЦИОМ она входила в число институтов, по мнению граждан – наименее коррумпированных. Коррупцию в ней признавали 7% респондентов, ещё столько же считали коррумпированными военкоматы. (ВЦИОМ, 2012)

Гудкову вторит А. Гольц: *«Граждане России, в том числе и относящие себя к интеллектуальной элите, готовы прослезиться при виде парадных «коробок», вышагивающих прусским «гусиным шагом». Граждане ... убеждены, что государство вправе требовать от них огромных жертв во имя укрепления пресловутой обороноспособности. Именно поэтому общественное мнение страны по сути безучастно к тому, что ежегодно в Вооружённых силах гибнет больше тысячи человек. Моя гипотеза состоит в том, что не только на военную сферу, но и на всю политическую жизнь страны, на социальные условия в целом оказывает серьёзнейшее влияние явление, которое следовало бы назвать российским милитаризмом».* (Гольц, 2005, стр. 6)

Тем не менее, по данным ВЦИОМ (затем – Левада-центра) с 1996 по 2007 год число сторонников перехода на контракт колебалось в пределах от 52 до 64 %, за сохранение призыва выступали от 23 до 41%. В период с 2008 по 2012 год цифры сблизилась: 43 – 54 % за контракт, 39 – 47% - за призыв. (Левада-Центр, 2012) Очевидно, повлияло сокращение срока службы. В этом плане ещё показательнее, что при иной постановке вопроса, включающей смешанный принцип, именно он «вырывается» на первое место. По данным ФОМ: в 2005 и 2011 годах за контракт 23%, за смешанный принцип 61 и 52%, только за призыв – всего 5%. (ФОМ, 2011)

Эти цифры свидетельствуют о том, что значительная часть выступавших за контрактную службу на самом деле придерживалась представлений о самооценности обязательной военной службы.

По мнению Гудкова, *«планы демократов, пытавшихся радикально изменить характер и положение силовых структур в обществе, снять табу со всего, что относится к армии и службам госбезопасности, реализовать не удалось».*

Постперестроечному возрождению милитаризма в огромной мере способствовало сохранение советских стереотипов в обособленной, закрытой структуре военной организации РФ. В этой структуре сохранялись описанные выше деформации моральных норм и культурных ценностей. Через неё с конца 90-х по конец «нулевых» проходила значительная часть (около 1/3) мужского населения, привнося выработанные там стереотипы в гражданскую сферу, обеспечивая поддержку политики нынешней власти, как и в советское время эксплуатирующей стереотип «вражеского окружения».

Интересная иллюстрация этого получена в опросах ФОМ. К сокращению срока службы по призыву положительно относились 66 % женщин и всего 41% мужчин. Поддержка этого нововведения сильнее и у молодёжи. ¹¹ (ФОМ, 2011).

Гудков подчёркивает, что *«принципиальны здесь социальная принудительность, психологическая дрессура; присутствие интересов армии в любой сфере жизни, причем армии как института».*

Эффекта подчинения, демонстративной, хотя и вялой, принудительной поддержки в принципе можно достичь, совершенно не обязательно сохраняя постоянным режим

¹¹ Интересен «побочный» результат этого опроса. 68% мужчин, участвовавших в нём, проходили срочную службу в армии. Если вспомнить лукавую цифру 10%, относившуюся, по сведениям Генштаба, к последнему времени, (реально – около 30%), придется предположить, что мужчины старших возрастов служили поголовно?

чрезвычайщины, тотальной мобилизации, широких репрессий, истерической взвинченности и готовности к разоблачению внутренних врагов или к отпору внешних, как это было в 1930—1950-х годах. Для этого вполне достаточным оказывается сохранение режима заложничества, отложенного наказания "для всех", всеобщего призыва, избирательного правоприменения, угрозы терактов или убедительного впечатления безальтернативности, безвыходности, невозможности действовать как-то иначе, чем до сих пор. Этого сравнительно "спокойного", редуцированного эквивалента прежнего массового террора вполне достаточно, чтобы парализовать потенциал автономности каких-либо групп и, соответственно, возможности появления иных оснований для солидарности и реструктуризации всего социального целого. Собственно к этому сводится сущность нынешней политики "управляемой демократии", демонстративного устранения, по возможности, любых "субъектов", независимых от номенклатуры разного уровня, производимого под любым предлогом, чаще даже как бы не имеющих вида прямого административного давления и произвола». (Гудков, 2003).

В этой обстановке подавления независимой активности граждан выпестована чудовищная по масштабам и бесстыдству коррупция.

Коррупцию во взаимоотношениях граждан с органами власти, а также систематические нарушения их прав и свобод поддерживает в современном российском обществе бюрократическая субкультура. Веками она оценивала жителей, подданных, а потом и граждан государств, как низкостатусных индивидов, обязанных обеспечивать приемлемый, а иногда и довольно высокий уровень жизни тем, кто находился на государственной службе. Иначе говоря, нормы бюрократической субкультуры с древности никогда не наделяли жителей, подданных и впоследствии граждан государств равными с чиновниками правами, чему с древности и до XIX-XX веков существенно мешала также и сословная организация обществ в них, её социальная иерархия прав и обязанностей. (Коррупция и права, 2012)

Наряду с этим, можно констатировать существование армейской субкультуры. Как и бюрократической, ей свойственна оценка не принадлежащих к ней индивидуумов как низкостатусных. (Это относится не только к низшим в служебной иерархии, но и вообще к гражданским лицам). К этому добавляется ощущение сверхценности армейской системы - мировоззрение основано на убеждённости в приоритетности военной сферы по отношению ко всем иным потребностям государства и общества. (См. также раздел 4).

Ощущение превосходства над другим, подталкивает к следующему шагу – закрепить в собственном сознании и в сознании общества какие угодно свои привилегии, включая материальные. Собственно говоря, это является основой проявления рентного сознания, закреплённого традицией, которая тоже имеет давнюю историю.

Исторически сложившаяся традиция рентоориентированного поведения в полной мере относится и к армии, являясь основой коммерциализации нерыночных армейских отношений (см. разд. 7). Там показана связь этого явления с традицией подчинения неограниченной власти, восходящей к крепостному праву.

Кроме того, есть неформальное ранжирование «статусности» на нижней ступени формальной иерархии. В разделах 3 и 4 показана степень варварства этой морали. По мнению Банникова, в армейской практике подчинения жёсткому подавлению личности проявляются наиболее древние культурные традиции и даже поведенческие «ритуалы» животных. Согласно весьма оригинальной его концепции, описанные выше «законы дедовщины» возникают как защитный механизм в условиях культурного вакуума.

«Люди в казармах представляют собой концентрированную в пространстве на продолжительное время человеческую массу, собранную и локализованную механически, т.е. насильственно и без учета их личностных особенностей и культурных принадлежностей.

В современной российской армии насилие представлено в двух уровнях одной системы социального контроля: 1) "механический" фактор консолидации (насильственный призыв); 2) "генетически" сформировавшаяся в условиях "механической" консолидации система статусных отношений ("дедовщина"). Обе направлены на подавление свободы личности, поэтому бытовое насилие и агрессия актуализируются как способ конкуренции <...>. В результате в группах "механической" консолидации естественным образом складывается упорядоченная система доминантных отношений. В ходе этого процесса происходит идеологическое переосмысление бытового насилия». (Банников, 2002).

Более того, «в периоды общественно-политических кризисов и дезинтеграций, а также идеологических деградаций реактуализируются наиболее архаические формы проявления властных отношений. Этот феномен возрождения комплекса архаических представлений, стереотипов и норм поведения уже получил название архаического синдрома». (Попов, 1996).

Банников утверждает: «Дедовщина — ярчайший пример этого "архаического синдрома". Неуставные доминантные отношения выражены в знаках и символах, прямые аналогии которых мы находим в глубокой первобытности.

Не внешнее сходство с первобытными реалиями, но именно парадигмы ментальности, открывающиеся за кажущимся абсурдом доминантных отношений в армии, позволяют нам видеть архетипическую основу в армейских нормах, обычаях, байках в не меньшей степени, чем в архаическом мифе и ритуале.

Когда мы сталкиваемся с историческими свидетельствами иррационального насилия и особенно насилия, вызванного коллективным аффектом, то можем рассмотреть на этих примерах механизм функционирования исходных социоинтегрирующих структур общественного сознания, ранимирующих жертвоприношение как архиметод социальной консолидации». (См. выше - расправа над «чмо»).

Автор считает не случайным укоренившееся среди военных сквернословие. «В терминах полового акта и дефекации, принятых в качестве аллегорий служебных и неформальных отношений, на мой взгляд, в этом проявляют себя архетипы доминирования и территориального поведения, восходящие к дочеловеческому состоянию культуры», пишет он.

«На базовом, исходном и первичном уровне семантических проявлений архетипа жизненных сил знаком их экспансии и, следовательно, символом власти становится активное и доминантное физиологическое состояние. Наиболее естественный пример из этнографии и этологии - фаллос как символ власти». (Банников, 2002).

Для целей настоящего доклада всё это может служить иллюстрацией того, что культура нередко становится консервативным фактором общественного развития, препятствующим формированию в обществе новых социальных норм и правил, отказу от устаревших образцов и стереотипов поведения. (Коррупция и права, 2012).

И более того: вакуум культуры может вызывать к жизни весьма архаичные её черты.

Совокупность примеров из различных областей армейской жизни складывается в картину характерного для неё «этоса» – свода неформальных правил поведения, закрепляемых «правильным» для этой системы образом мысли. (См. Коррупционные сети и этос коррупции в настоящем докладе). Многие черты этого «этоса» описаны в разделах 3 и 4. Материалы раздела 5 подводят к выводу о существовании в армии системной коррупции, а вырисовывающаяся характеристика армейского «этоса» позволяет утверждать, что эта системность более вертикальна, чем в других отраслях деятельности. Это и естественно для системы, где и формальные, узаконенные нормы поведения выстроены жёстко вертикально.

Этому соответствует и жёсткость самого «этоса», основанного на апологии насилия. Чрезвычайно важной его чертой является отношение к «жалобщику», особенно находящемуся на низкой ступени иерархии. (Возможно, это – проявление отмечаемого рядом экспертов влияния «этоса» уголовного мира). Жалобщик («стукач») имеет все шансы попасть в категорию «чмо» (см. раздел 4).

Многочисленные истории изнурительной борьбы правозащитников за спасение «вынесших сор из избы» создают впечатление, что система стоит насмерть за то, чтобы покарать жалобщика, чтобы другим было неповадно. Включаются и вертикальные и горизонтальные связи. К последним следует отнести взаимоотношения военного командования с военным следствием и военным судом. Пример – дело контрактника К. из воинской части в Костроме (см. раздел 5). Там, похоже, в обеспечение максимально сурового наказания подключились и гражданские инстанции.

Ещё один пример – наказание офицера войск МВД Игоря Матвеева, вскрывшего несколько коррупционных историй. (Федотова, 2011). В настоящее время он отбывает четырёхлетний срок якобы за нанесение удара подчинённому. (Такие сроки военные суды дают за тяжкие телесные повреждения, за доведение до самоубийства). Судебный процесс сопровождался давлением на свидетелей и другими грубыми нарушениями. Сейчас в отношении Матвеева возбуждено второе уголовное дело (Союз солидарности с политзаключенными, 2012).

Мы видим, что культурные традиции и укоренившиеся стереотипы (от глубокой первобытности и до советской и постсоветской эпохи) в огромной мере способствуют поддержанию в армии субкультуры, являющейся основой рентоориентированного поведения, включающей как норму использование командным составом своих полномочий в личных целях с грубейшими нарушениями прав человека.

7. Коммерциализация нерыночных взаимоотношений и ценностей

Это явление основано на рассмотренном выше рентоориентированном поведении, характерном для военной субкультуры и связанном с исторической традицией.

С 1696 по 1796 год в России 18 раз принимались законы, запрещавшие командирам эксплуатировать солдат в личных целях. Однако принуждение нижних чинов к подневольному труду не прекращалось.

Еще в 1696 году в наказе Петра I говорилось: "ратным людям во дворах у них <...> не быть, и на них хлеба пахать и сено косить и рыбы ловить и дров сечь отнюдь не велеть, чтоб от того ратным людям обиды и тягости не было".

Однако со времен поместного войска, когда каждый призываемый под царские знамена помещик должен был приводить с собой на войну назначенное ему число холопов, осталось отношение к рядовым ратникам как к собственности командира, с которой он может делать все, что заблагорассудится.

Еще один (такой знакомый) аспект проблемы. Деньги на содержание армии приходилось добывать с огромным трудом, и с выплатой офицерского жалованья случались перебои. Труд солдат во благо командиров, их чад и домочадцев, выглядел как вынужденная компенсация задержки жалованья. Без нее многие офицеры разбежались бы по домам быстрее солдат. Нижние чины, чтобы заработать себе на пропитание, поодиночке и небольшими командами нанимались к окрестным помещикам, отдавая часть прибыли командирам, отпустившим их на заработки.

Позже Петр I издал указ, назначив всем без исключения офицерам казенную прислугу — денщиков и ужесточив запрет на иное использование труда солдат в личных целях.

"Никто как вышний, так и нижний офицер да не дерзает своих солдат к своей партикулярной службе и пользе, хотя с платежом или без платежа, на трудную и тяжкую работу принуждать. А кто против сего артикула учинит, лишится чести, чина и имения своего". Но, видимо, чтобы не лишиться всего офицерского корпуса, Петр I сам создал в законе некоторые лазейки.

Императрицы Екатерина I, Анна Иоанновна и Елизавета Петровна подтверждали запрет на использование солдат. Сделала это и Екатерина II. Два года спустя, в 1744 году, она убедилась, что этот запрет игнорируют даже ее придворные.

В 1797 году Павел I утвердил Устав Военного флота, в котором установил количество денщиков, полагающихся каждому генералу, адмиралу или офицеру. Мысль оказалась верной. Кроме того: "чтобы приохотить офицеров употреблять своих слуг вместо денщиков, определятся не только на своих собственных слуг получать следующий провиант, мундир и прочие казенные вещи, или по цене за оные деньги, но еще каждый год по 50 рублей за то, что употреблен был собственный вместо казенного человека». После такого изменения закона исполнять его стало не только правильным, но и выгодным делом.

А в 1846 году Николай I повелел оставить денщиков офицерам и генералам, увольняемым в длительный отпуск. Получалось почти неограниченное пользование казенной прислугой в случае честной и беспорочной службы и лишение ее, как и всего остального, в случае каких-либо нарушений. Так что незаконное использование солдат становилось не просто невыгодным, а крайне вредным.

Политику отца продолжил и Александр II. Однако после освобождения крестьян от крепостной зависимости и с началом подготовки военной реформы, предусматривавшей отказ от рекрутского набора, процесс сокращения численности казенной прислуги пошел значительно быстрее. Ее лишились не служащие в строю генералы и офицеры, а затем и многие другие категории военных чиновников и офицеров. Однако никакого ропота обиженных не наблюдалось, как не наблюдалось и случаев незаконной эксплуатации солдат. Ведь за десятилетия правления Николая I и Александра II в армии сложилось иное отношение к казенной прислуге, которая давалась в соответствии с законом и в соответствии с ним же забиралась.

Автор (Жирнов, 2012) делает вывод: «История долгой борьбы с незаконным использованием солдат показала, что закон должен быть не столько суров, сколько выгоден тем, кто будет его исполнять». Однако представляется, что не меньшее значение для победы (как оказалось, временной) над практикой использования солдатского труда в личных интересах командиров, имела отмена крепостного рабства. И кажется закономерным, что эта практика возродилась в новую эпоху рабства лагерного, колхозного, армейского.

Внутри военной организации — жесткая иерархия. И, в отличие от гражданской сферы, у офицеров есть такое средство, как узаконенность беспрекословного подчинения приказу.

Разрушительность для личности даже «игровой» формы неограниченной власти была показана в знаменитом Стэнфордском эксперименте. Испытуемые — студенты — были поделены на группы «заключённых» и «тюремщиков». Последние настолько «вжились в образ», что эксперимент очень скоро пришлось прекратить. (Батурин, 2011). Осмысливая эти результаты и сопоставляя их с рассмотренными выше фактами, мы должны будем признать, что, получив неограниченную власть и определив низшего по статусу как существо, в отношении которого оправданы унижения и жестокость, человек закономерно совершает следующий шаг —

использование этого положения во благо себе. Известно множество примеров того, как это делают офицеры в воинских частях. (Литовкин, 2007)

Представление о том, что использование практически неограниченной власти над подчинёнными в целях личной выгоды нормально, глубоко укоренено в сознании значительной части офицерства, а также прививается традицией (негласным поощрением) «нижним чинам», занимающим доминирующее положение в неформальной иерархии («дедовщина», «землячество»). И при возникновении противоестественного сочетания рабства и коммерциализованного окружения эта практика расцвела пышным цветом.

Самое широко распространённое проявление коммерциализации взаимоотношений и ценностей, сопровождающееся грубейшими нарушениями прав военнослужащих, - это извлечение личной выгоды вышестоящими в формальной или неформальной иерархии из бесправия подчинённых, обязанных подчиняться любому приказу начальства или вынужденных подчиняться старшим сослуживцам по неписанным законам «дедовщины».

Нередко армейские командиры всех уровней подменяют выполнение своих служебных обязанностей действиями, связанными с извлечением прибылей.

Коммерциализация вооружённых сил во всех проявлениях имеет признаки коррупции. Пример: командир одной из рот Пермского гарнизона превратил большую часть помещения гаража в авторемонтную мастерскую, где военнослужащие ремонтировали частные автомобили, разумеется, за оплату, которую присваивал себе командир роты. Коммерциализация в этом случае вполне может пониматься как подчинение командиром своей деятельности целям извлечения прибыли, т.е. использование мотива получения прибыли в качестве приоритетного. И она явно связана с нарушением прав военнослужащих, которые в соответствии с пунктом 43 Устава внутренней службы Вооружённых Сил РФ не имеют права отказаться от выполнения любого приказа начальника. Обжаловать приказ военнослужащий может только после его выполнения. Впрочем, не всегда может, так как зачастую приказ отдаётся в устной форме, а то, что не зафиксировано в письменной форме, трудно или невозможно обжаловать.

Мало того, в большинстве случаев бессмысленно жаловаться на командира воинской части, который сам, согласно п. 3) ч. 1 ст. 40 УПК РФ, относится к органам дознания и выполняет следственные действия (ч.2 ст.40 УПК РФ). Ведь от командира зависит - возбудить уголовное дело или нет в связи с нарушением им же самим прав военнослужащего (ст.155 УПК РФ).

Поэтому не удивительно, с какой легкостью в армии игнорируется Федеральный закон «О статусе военнослужащих», который гласит: «Военнослужащие не вправе: <...> заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц, <...> а также оказывать содействие физическим и юридическим лицам в осуществлении предпринимательской деятельности, используя свое служебное положение» (часть 7 ст. 10). Так же игнорируется и Устав внутренней службы Вооружённых Сил РФ, в пункте 41 которого содержится запрет для командиров отдавать приказы, не имеющие отношения к военной службе. Эта лёгкость и частота игнорирования армейских законов и воинского долга, говорит о том, что наказание за это, если даже и будет, то весьма несущественное по сравнению с приобретаемой с помощью коммерциализации личной прибылью. Она достаточно велика, чтобы ее достижение сделать приоритетной целью. (Кизилова).

Однако речь идёт не только о явно противозаконной практике, подпадающей под действие ряда статей УК РФ. Можно назвать ряд примеров того, как «коммерциализацию» «узаконивают» нормативно-правовыми актами.

Как было справедливо замечено выше, само существование строительных и железнодорожных частей, где бесплатный труд солдат использовался для производства материальных ценностей, создавало предпосылки для его использования не только на оборонных объектах. И такое использование регламентировалось нормативно-правовыми актами.

Существовали нормативные правовые акты, якобы узаконивавшие работу солдат на гражданских объектах, применявшиеся ещё в 2005 году. Имела место практика заключения договоров между воинскими частями и предприятиями, в том числе коммерческими.

Август 2003. Житель Новосибирска, пожелавший остаться неизвестным, сообщил организации «Правовое общество», что на строительстве кафе-кондитерской «Кузина» используется труд солдат. Правозащитники обратились в прокуратуру, в газете «Вечерний Новосибирск» были опубликованы фотографии работающих солдат, а также указан номер автомобиля, на котором их привозят и увозят ежедневно.

От прораба стройки удалось получить копию договора от 28 августа 2003 года, заключённого между войсковой частью № (...) и ООО «Строительные ресурсы», по которому войсковая часть, выступающая в качестве исполнителя, обязуется выполнять работы и услуги

на предприятии заказчика путем выделения ему личного состава, проходящего службу в данной части, а также приложенную к нему квитанцию об оплате за выполненные работы. Договор подписан ВРИО командира части. Этот договор содержал ссылку на нормативные акты. Он побудил правозащитников к поиску нормативных документов, определяющих статус так называемых «хозрасчетных частей».

В ответе из военной прокуратуры утверждалось, что «нарушений законодательства РФ в действиях командования воинской части не имеется». Это обосновывалось тем, что «воинская часть, согласно действующего законодательства, является хозрасчетной», и работы велись на основании договора. Сообщалось, что деньги были внесены строительной фирмой в кассу воинской части «*в размере, соответствующим проделанной работе*» (сохранена орфография подлинника) и потрачены «*на нужды военнослужащих, проходящих военную службу по призыву*». В возбуждении уголовного дела в отношении должностных лиц войсковой части № (...) отказано. (Лишний солдат, 2006).

Существовало Постановление Совета Министров СССР от 31 августа 1982 г. N 806-216, регулирующее деятельность военно-строительных частей. На него-то и содержал ссылку (с ошибочной датой) новосибирский договор. Постановление не опубликовано, и ознакомиться с его текстом не удалось. Однако само существование ЗАКРЫТОГО нормативного документа, узаконивающего принудительный труд, есть вопиющее нарушение Конституции (ст. 15, ч.3). Возможно, что в связи с расформированием строительных войск этот документ утратил силу.

Однако существует и не отменён открытый документ, регулирующий труд военных строителей. Подозрения вызывает уже тот факт, что его официальная публикация появилась лишь через два года после его принятия. Это Постановление Совета Министров Правительства Российской Федерации от 19 апреля 1993 г. № 355 «Об изменении порядка материального обеспечения Военных строителей» (в редакции Постановления Правительства РФ от 15.11.1997 № 1418). Там, правда, ничего не сказано о договорах, но говорится о предприятиях и организациях, «в распоряжение которых направляются военные строители». А еще в этом постановлении вводятся понижающие коэффициенты для военных строителей. Определение их размера поручается трем министерствам. «*Средства, образующиеся от применения понижающего коэффициента к заработной плате военных строителей, перечисляются военно-строительными организациями в республиканский¹² бюджет Российской Федерации*», - гласит постановление. Мало того, что военнослужащие по призыву несут службу, которую многие рассматривают как самый тяжелый налог на российских граждан – так они еще и перечисляли в бюджет деньги, заработанные тяжким трудом.

Открытыми документами регулировалась еще сравнительно недавно работа Железнодорожных войск. Их командующий каждый год издавал приказы, публиковавшиеся в «Российской газете». Последний вышел 27 января 2004 г. под номером 33 «О порядке расходования средств, полученных воинскими частями от выполнения работ (оказания услуг) на договорной основе в 2004 году». В указе черным по белому было написано, что заключать эти договоры можно «*с организациями всех форм собственности*».

Приказ прекратил действие 1 января 2005 года, после того как Федеральным законом № 58-ФЗ от 29 июня 2004 г. ЖДВ были введены в состав Вооруженных сил РФ.

Ещё один открытый документ: Указ президента Российской Федерации от 16 августа 2004 года №1084 "Вопросы Федерального Агентства специального строительства" (в ред. Указов Президента РФ от 31.08.2005 N 1019, от 11.05.2006 N 474, от 23.10.2008 N 1517). Им утверждено «Положение об инженерно-технических воинских формированиях и дорожно-строительных воинских формированиях при Федеральном агентстве специального строительства».

Оно содержит пункты 18 и 19, регулирующие комплектование этих формирований военнослужащими по призыву, и их труд долгое время продолжал применяться на гражданских объектах.

На основании упомянутых нормативных документов составлялись договоры между воинскими частями и предприятиями различных форм собственности. Это делалось не только в строительных и Жел-дор войсках, но и в самых различных воинских формированиях, вплоть до ракетно-космических войск.

Предполагалось, что за солдатский труд воинская часть получает «натурой» - стройматериалами или продуктами питания. Часто приходится слышать, что на это приходилось идти из-за недофинансирования армии. Однако, исходя из правового подхода к регулированию деятельности армии, а также её приоритета – обеспечения обороноспособности страны, никакой «узаконенной» коммерциализации в армии не должно быть. Разумнее было бы сократить численность армии до тех размеров, которые государство могло бы прокормить, чем использовать такую практику, которая ожидаемо распространилась и на интересы частных

лиц. На это указывается и в Отчёте Счётной Палаты РФ, где отмечено доныне не устранённое противоречие в Указе № 1084.

«В составе инженерно-технических воинских формирований и дорожно-строительных воинских формирований при Федеральном агентстве специального строительства разрешается иметь федеральные государственные унитарные предприятия, основанные на праве хозяйственного ведения, и федеральные государственные учреждения».

А согласно Положению о Федеральном Агентстве специального строительства (в ред. Указа Президента РФ от 23.10.2008 N 1517) *«Федеральное агентство специального строительства (Спецстрой России) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим в интересах обороны и безопасности государства организацию работ в области специального строительства, дорожного строительства и связи силами инженерно-технических воинских формирований и дорожно-строительных воинских формирований при Федеральном агентстве специального строительства».*

При проверке, проведенной Счётной Палатой РФ в 2001 году, было отмечено несоответствие основных целей федерального органа власти и статуса подведомственных ему ГУПов. *«Цели воинских формирований Спецстроя России по обеспечению интересов обороноспособности и безопасности государства, закрепленные соответствующими указами Президента Российской Федерации, не соответствуют целям государственных унитарных предприятий как коммерческих организаций по получению максимальной прибыли от результатов своей многоплановой уставной деятельности».* (Счетная палата РФ, 2001).

Недавно автором были получены заверения от представителей Минобороны и ГВП, что в Спецстрое больше не служат по призыву. Это подтверждается и сообщениями из регионов. Однако пункты 18 и 19 Указа не отменены. Это, равно как и не отменённое постановление № 355, заставляет сохранить некоторые сомнения. Приходилось слышать и утверждения, что заключение вышеупомянутых договоров признано незаконным. Однако упоминания о таких договорах нет-нет да и всплывали где-то до 2008 года.

В связи с этим возникает вопрос: если МО и ГВП заверяют, что имевшие место негативные явления преодолены, то почему не отменены нормативно-правовые положения, им способствующие? Видимо, военные привыкли подчиняться внутренним закрытым распоряжениям или устным указаниям, официально утверждённые нормы для них – пустая формальность, есть они или нет – не важно. Но это и есть коррупционная ситуация: применение или неприменение существующих норм зависит от некоего облечённого властью лица.

В последнее время были предприняты попытки коммерциализации обслуживания армии.

При переходе Вооруженных Сил на аутсорсинг в организации питания военнослужащих, очевидно, имелись в виду его преимущества, одним из которых является гарантированное качество. Однако в конце 2012 года в организацию «Материнское право» стали поступать жалобы от родителей военнослужащих разных воинских частей на однообразное, невкусное и неполноценное питание солдат. Это подтвердил и заместитель командира бригады железнодорожных войск, дислоцирующейся в Волгограде. Питание в войсковых частях Волгоградской области осуществляет ЗАО «Авангард». Отсутствие положенного масла на столах объясняют тем, что его кладут во второе блюдо – проконтролировать сколько кладут и кладут ли вообще, невозможно. Вместо сосиски-сардельки в тарелках мелкое крошево из этих продуктов, соответствие норме которых определить также невозможно. От граждан поступают сведения о том, что на рынках города торгуют продуктами из воинских частей. (Пономарёва).

Опыт по коммерциализации обслуживания армии был связан с представлениями о том, что в некоторых случаях предоставление в нерыночных сферах деятельности платных услуг является вполне законным, и можно считать коммерциализацию не только допустимой, но и необходимой. (Коррупция и права, 2012). Однако этот подход вызывает сомнения. Приоритетная задача армии – поддержание и рост обороноспособности. Коммерческие интересы ответственных лиц могут вступать в противоречие с этой задачей, что недопустимо. На практике шаги по передаче ряда функций по обслуживанию Вооруженных сил коммерческим организациям обернулись масштабной коррупцией. Сообщения региональных организаций об этом поступали уже давно, но, как это часто случается, им не придавали должного значения.

Так, для выполнения в воинских частях и военных городках хозяйственных работ было создано ОАО «Славянка» – дочернее предприятие государственного ОАО «Оборонсервис», широко прославившегося в последнее время из-за коррупционных скандалов. Не иссякает поток жалоб на его работу, ими переполнены Интернет-форумы военнослужащих, они поступают в правозащитные НКО.

Серьёзные претензии к деятельности ООО «Славянка» были в Ленинградской области, в Сертолово, в поселке Черная речка, в одной из частей 138-й бригады в Луге. Зимой 2011 года оттуда в организацию «Солдатские матери Санкт-Петербурга» поступили жалобы на невыносимый холод и отсутствие элементарных удобств не только от солдат, но и от офицеров. Произошел настоящий бытовой коллапс военного городка. Он был обусловлен деятельностью ООО «Славянка», которая взялась провести туда газ, но из-за нарушений технологии оказались повреждены канализационные колодцы, и городок остался и без газа, и без канализации. (Николаева, 2011)

Крайне критически отзывались о работе «Славянки» и правозащитники из Хабаровска. Во всех воинских частях, в которых они побывали, солдаты по-прежнему убирали территорию. По их сведениям, передача полномочий по обеспечению жизнедеятельности городков и гарнизонов в ОАО «Рособоронсервис» и ОАО «Славянка» привело к полной неуправляемости процессов по обеспечению жизнедеятельности городков.

Акционерное общество «Славянка» взяло на себя такие функции, как уборка территории военных городков, гарнизонов, казарменных и жилых помещений то есть, функции квартирно эксплуатационных частей и домоуправлений. Но вместо уборщиц и дворников, которые должны работать в «Славянке», по-прежнему убирают солдаты. Командиры, несмотря на запрет, направляют срочников на территорию и дают на свой страх и риск машину для вывоза мусора.

Гарнизоны и военные городки завалены мусором, канализационные стоки затапливают территории городков. При возникновении аварийных ситуаций местные представители для устранения течи в канализации либо в отоплении согласовывают свои действия с Москвой, как это было в гарнизоне Волочаевский городок (в центре города Хабаровска) при прорыве трубы отопления. С жалобами на обслуживание в Комитет солдатских матерей обратилось более сорока жителей военного гарнизона Гаровка -2. Им помогли составить заявление в военную прокуратуру. Жалобы также поступили из городка Князе-Волконский и ряда других городков.

Министр обороны до августа 2012 возглавлял «Оборонсервис», куда вошли «Славянка», «Ресторан сервис плюс» и еще ряд организаций, по которым сейчас возбуждены уголовные дела. Очевидно, это стало частью масштабной коррупционной схемы в Вооруженных силах РФ. (Решёткина)

А в московскую организацию «Межрегиональное Движение Солдатские матери» обратились офицеры, проживающие в Зюзино, намеренные судиться с ОАО «Славянка» в связи с частыми отключениями воды и отопления, систематическим отказом в вывозе мусора. (Бурмицкий, 2012).

В октябре 2011 г. Главная военная прокуратура выступила с резкой критикой в адрес структур, подведомственных «Оборонсервису», связанной со значительным увеличением количества преступлений работников гражданских предприятий Минобороны в хозяйственной и финансовой сферах. (Коновалов, 2011)

В январе 2012 на межведомственном совещании Восточного военного округа было отмечено, что в отопительный сезон сложилась неблагоприятная ситуация на отдельных объектах Минобороны России, обслуживаемых филиалами ОАО «Славянка» и ОАО «Ремонтно-эксплуатационное управление» (РЭУ).

Это связано с несвоевременным заключением договоров и обеспечением военных городков тепловой энергией, неправильной эксплуатацией котельного оборудования, некачественным текущим ремонтом и обслуживанием казарменного и жилищного фонда, неверным применением тарифов на коммунальные услуги.

Только в прошлом году по требованию военных прокуроров устранено свыше 900 нарушений закона, к ответственности привлечено свыше 150 нерадивых работников ЖКХ. Лишь после вмешательства военных прокуроров осуществлена поставка нового оборудования и начаты ремонтные работы в котельных воинских частей и военных городков в г. Петровск-Забайкальский Забайкальского края, поселках Макаров и Мордвиново Сахалинской области и г. Белогорске Амурской области, произведен перерасчет тарифов на коммунальные услуги. (ГВП, 2012)

А в конце 2012 года разразился большой коррупционный скандал в Минобороны, в том числе в связи с деятельностью «Оборонсервиса». (Newsru.com, 2013). Например, в октябре 2012 выяснилось, что в Ужурском ракетном соединении, дислоцированном в Красноярском крае, на подготовке к зиме – утеплению казарм и обслуживанию систем отопления, то есть на солдатских жизнях, сэкономили, кроме командиров, территориальные филиалы открытых акционерных обществ «Славянка» и РЭУ. (Тарасов, 2012)

И в очередной раз общественные организации оказались правы, что подтвердилось впоследствии: по злоупотреблениям ОАО «Славянка» были возбуждены уголовные дела.

Таким образом, для принципиально нерыночного института – армии коммерциализация имеет давние исторические корни. В новейшие времена она

глубоко проникла в армейскую повседневность и даже была «легитимизирована» нормативно-правовыми актами. С этим связаны грубые и массовые нарушения прав военнослужащих. К упомянутому выше праву на свободный труд следует добавить и право на защиту от пыток, нарушаемое с целью вымогательства, и даже право на жизнь. Передача функций обслуживания армии коммерческим структурам привела к нарушениям прав на охрану здоровья и благоприятную окружающую среду.

Допустимость коммерческой деятельности в армии сомнительна. Если же она с некоторыми ограничениями может вводиться, то только при условии строгого независимого гражданского контроля. Поскольку коммерциализация, допускавшаяся якобы в интересах воинских частей, в том числе якобы в связи со сложным финансовым положением страны, сплошь и рядом использовалась в частных интересах командиров, её можно вполне оправдано отнести к коррупциогенным факторам.

8. Иные или специфические для этой сферы связи коррупции с нарушениями прав и свобод граждан

Армия представляет собой закрытую общность людей, в которой законодательно закреплена фактически неограниченная власть командира. Это уже само по себе является питательной средой для коррупции и нарушений прав военнослужащих. Противоречивость законодательных актов, регулирующих отношения в воинской среде, обязанность военнослужащего беспрекословно выполнять любой приказ командира, незаконный в том числе, создают предпосылки для злоупотреблений служебным положением с целью извлечения прибыли.

Командиры воинских частей нередко не только потворствуют проявлению дедовщины (неуставных мер воздействия на молодых солдат), таких как многочасовая муштра, отсутствие сна, предоставление времени для принятия пищи, за которое поесть невозможно, принуждение приносить ежедневно определенные денежные суммы или деликатесные продукты, многочасовые физические нагрузки и т.п. и побои за невыполнение перечисленного, но и навязывают такое поведение старослужащим, считая, что иначе из гражданских лиц солдата не воспитать, а часто и получая от этого личные материальные выгоды. (В отличие от армейской среды, при всех недостатках нашего общества, им обычно осуждается безжалостное поведение по отношению к кому-либо, особенно, если оно относится к человеку, не имеющему возможности защититься).

Сложность раскрытия как корыстных злоупотреблений, так и нарушений прав, обусловлена тем, что с одной стороны сам командир является органом дознания, а с другой - оценка его деятельности вышестоящим командованием зависит от отсутствия (наличия) зарегистрированных нарушений. В случае их выявления командир рискует не получить в срок следующее звание, пострадать материально и т.д., вплоть до увольнения со службы.

Ложное понимание чести мундира, отсутствие у органов военной юстиции стремления выявить корыстные преступления и нарушения прав военнослужащих, влечет за собой недоверие военнослужащих к этому институту и нежелание обращаться к нему в случае нарушений их прав, в том числе в связи с корыстными преступлениями. (Пономарёва).

Сфера деятельности полиции

Введение

С 1 марта 2011 года милиция была переименована в полицию. Перед этим прошла переаттестация её сотрудников, не все они были взяты на службу в полицию, лишились своих должностей и некоторые провинившиеся начальники. Общественное мнение о милиции, а теперь – о полиции формируется под влиянием как результатов этой реформы, так и различных факторов, описанных в предыдущих разделах.

По результатам всероссийского опроса граждан, проведённого Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) 11-12 августа 2012 года¹³, опыт личного общения с

¹³ Работа полиции: общественная оценка. ВЦИОМ, Пресс-выпуск №2147, 24.10.2012. Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведён 11-12 августа 2012 г. Опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. Са Чаще всего сталкиваются с сотрудниками ГИБДД (20%), участковыми (15%), сотрудниками патрульно-постовой службы и дежурной части (по 8%), За последний год респонденты

полицией имеют 45% граждан. Поскольку год назад в аналогичном исследовании только 40% граждан указали на личное общение с полицией, получается, что с ней стало общаться больше граждан. Из этих 45% чаще всего гражданам приходилось общаться с сотрудниками ГИБДД (20%), участковыми (15%, в 2011 году – 9%), сотрудниками патрульно-постовой службы (8%, в 2011 году – 12%) и дежурной части (по 8%). Чаще всего с полицейскими общаются жители столиц (Москвы и региональных центров) и крупных городов (50-52%), мужчины (54%) и граждане средних лет (55%).

Большинство респондентов по данным ВЦИОМ не усматривает в действиях сотрудников полиции ни особой пользы, ни вреда для граждан (59%). О положительном влиянии полицейских на жизнь граждан заявили 20% респондентов, а об отрицательном – 16%. При этом доля утверждающих, что гражданам от полиции больше вреда, чем пользы, среди тех, кто общался с полицией в течение года, составила 20%, а среди тех, кто не общался – 13%. Следовательно, имеющие опыт общения с сотрудниками полиции более критично к ним относятся, чем не имеющие такого опыта.

В два раза больше респондентов ВЦИОМ отмечали, что, по их мнению, полиция в наибольшей степени защищает сегодня интересы отдельных групп населения (41%), чем всех граждан в равной степени (19%). Ещё 16% респондентов указывали, что полицейские защищают интересы представителей власти, что ниже аналогичной доли 2011 года (21%). И 20% респондентов считают, что сотрудники полиции защищают только свои собственные интересы, что тоже ниже аналогичной доли 2011 года (27%).

Социологи ВЦИОМ интересовались у граждан их оценками качеств типичного российского полицейского. По 5-балльной шкале средние оценки респондентов практически всех качеств типичного полицейского были несколько выше или несколько ниже 3. Наиболее высоко оценили граждане опрятный внешний вид полицейских (3,69), их физическую силу и крепость (3,36), грамотность и компетентность (3,25), вежливость и воспитанность (3,21), а также храбрость (3,20). Ниже были оценки гражданами спортивного и подтянутого вида полицейского (3,13), его работоспособности (3,11), дружелюбия (3,11), открытости (3,08), готовности помочь (3,07), порядочности (3,05), справедливости (3,0) и неподкупности, честности (2,73). Следовательно, российские граждане в большинстве своём при относительно терпимом отношении к внешнему виду типичного полицейского невысоко оценивают его моральные качества.

4 сентября 2011 года Фонд «Общественное мнение» (ФОМ) задал своим респондентам вопрос: «Как вы лично относитесь к полиции, положительно или отрицательно?» По ответам респондентов получилось, что 40% из них относятся к полиции хорошо, 26% – плохо, 34% пока своё мнение по этому вопросу не сформировали. Аналогичные вопросы задавались ФОМ ранее о милиции¹⁴.

По данным опросов ФОМ отношение к полиции ухудшилось после проведения реформы: к милиции положительно относились 45-46% респондентов, а к полиции – только 40%. При этом выросла доля затруднившихся с ответом на такой вопрос, что означает сомнения почти трети респондентов (34%) в том, как им следует относиться к полиции. В отношении милиции у российских граждан было больше определённости, потому что затруднялись с ответом на такой вопрос 8 ноября 2009 года 16%, а 6 марта 2011 года – 28% респондентов.

В этом же исследовании социологами ФОМ задавался вопрос: «Как вы считаете, сегодня там, где вы живёте, полиция работает хорошо или плохо?». Аналогичные вопросы о милиции задавались в опросах этой организации до её реформы¹⁵.

По данным опросов ФОМ хорошие оценки работе полиции, а ранее милиции ставят очень немногие российские граждане (12-20%). Изменения процентов ответов на этот вопрос со временем, скорее всего, определяются теми или иными случайными факторами, не нарушающими общую закономерность. Негативным для полиции является и то, что уровень хороших оценок её работы в течение 2010-2011 годов снижался и стал существенно ниже уровня, который был у милиции до её реформы.

1. Непонимание и нежелание применять универсальные нормы права

В современной российской ситуации нормы законов, если и применяются полицией, как и другими органами власти, то избирательно, в соответствии с теми или иными личными или частными интересами. Поэтому российские законы оказываются неспособными защитить граждан от правоприменителей. Без разрушения этих неправовых норм регулирования

стали чаще контактировать с участковыми (с 9 до 15%) и реже - с сотрудниками ППС (с 12 до 8%). ИТ ВЦИОМ (<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113269>)

¹⁴ Полиция и порицатели. Опрос ФОМ: отношение к полиции. Редакция ФОМ, 06 сентября 2011 года (<http://fom.ru/obshchestvo/10158>)

¹⁵ Там же.

деятельности и замены их правовыми, без обеспечения соответствия закону неформальных норм регулирования деятельности полиция не будет в состоянии стать современной гражданской службой, осуществляющую защиту граждан, социальной помощи им, поддержания нормального социального порядка.

Современное российское государство является скорее совокупностью организаций, связанных общим подчинением на уровне президента или правительства страны, т.е. на слишком высоком уровне, чтобы с этого уровня можно было обеспечивать постоянную координацию действий чиновников-исполнителей. Так у российского оперативника полиции и рядового прокурора ближайший общий начальник – президент страны. Это означает, что конфликты между ними, не имеющие общенационального значения, в редких случаях могут быть разрешены внутри формально-бюрократической структуры государственного управления. При отсутствии формальных институтов горизонтальных взаимодействий между ведомствами, типа участия региональных администраций в формировании политики региональных отделений органов власти (федеральной) низовыми агентами создаются неформальные институты, реализующие их собственные интересы, а не общественные или государственные. «Возникшие таким образом институты согласования интересов сотрудников различных ведомств делают транзакционные издержки исполнения этими ведомствами своих титульных функций запретительными. В результате правоприменители не столько борются с преступлениями, сколько производят удовлетворительную отчетность путем «конструирования преступников»» (Панеях, 2011, с. 176).

В современной России избыточное регулирование в системе правоохранительных органов и судов привело «к полному расхождению повседневных практик с законом», а результатов деятельности в этой системе – к расхождению с декларируемыми и формально описанными в нормах законов «их титульными функциями» (Панеях, 2011, с. 156). Подтверждение этого вывода можно, в частности, обнаружить по результатам анализа траектории уголовного дела от его возбуждения до судебного решения по нему.

Большая часть стимулов, определяющих деятельность сотрудника криминальной милиции¹⁶, задана системой отчетности соответствующих подразделений. Эта отчетность основана на показателях числа зарегистрированных и раскрытых преступлений, а также деятельности подразделений милиции в сравнении показателей текущего периода с аналогичными показателями периода предыдущего¹⁷. В соответствии с нормами этой отчетности для отделов и подразделений внутренних дел показатели предыдущего периода определяют планы аналогичных показателей текущего периода, а те, в свою очередь, определяют показатели следующего периода. Динамика изменений этих показателей должна быть «позитивной»: преступность – снижаться, а раскрываемость повышаться, например. Но как будет меняться реальная ситуация с преступностью в будущих периодах ни начальствующий состав, ни сотрудники криминальной милиции не знают. Поэтому они не стремятся к формированию объективных показателей своей деятельности, а насколько это возможно обеспечивают их «позитивную» динамику. Средством такого формирования значений показателей стало их вписывание в очень узкий диапазон: результат предыдущего периода плюс минимально возможное увеличение или соответственно уменьшение в текущем периоде (Панеях, 2011, с. 157). Это делается для того, чтобы и в последующих периодах оставались возможности столь же «позитивного» увеличения или соответственно уменьшения этих показателей.

Значимым в оценке деятельности подразделений криминальной милиции является показатель «раскрываемости», определяемый по соотношению зарегистрированных и раскрытых преступлений. К категории раскрытых преступлений относятся те, уголовные дела по которым оперативники передали следователям, а те – их приняли. Необходимость демонстрации «позитивной» динамики изменения «раскрываемости» стимулирует сотрудников криминальной милиции не регистрировать случаи преступлений, которые имеют низкую вероятность их раскрытия, а также максимально быстро раскрывать зарегистрированные преступления (Панеях, 2011, с. 157-158). С теми же целями выяснить, насколько перспективно расследование преступления, оперативники стараются в максимальной степени попытаться его расследовать ещё до регистрации. Именно по этой

¹⁶ Исследование проводилось до вступления в силу Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции».

¹⁷ Приказ МВД России от 5 августа 2005 г. № 650 «Вопросы оценки деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, отдельных подразделений криминальной милиции, милиции общественной безопасности, органов предварительного расследования и органов внутренних дел на транспорте». Приказ МВД России от 19 января 2010 г. № 25 «Вопросы оценки деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, отдельных подразделений криминальной милиции, милиции общественной безопасности и органов предварительного расследования».

причине в оперативной работе милиции так часто используются незаконные методы сбора доказательств совершения преступлений: прослушивание телефонов, незаконные обыски, подкидывание фальшивых улик, давление на подозреваемых, чтобы получить необходимые доказательства их вины и т.п. Незаконные методы позволяют определить «перспективность» преступления до его регистрации и открытия уголовного дела. При этом до этого момента оперативник может без административных последствий для себя отпустить подозреваемого, если обнаружит его невиновность. Но после регистрации преступления, «с момента оформления протокола о задержании у оперативника появляется личная заинтересованность в том, чтобы задержанный оказался хоть в чем-нибудь виновен, особенно если силовые методы давления уже были применены» (Панеях, 2011, с. 159).

«Предположительно нередкие случаи «пытков в милиции», запугивания, фальсификации вещественных доказательств (подкинутые наркотики, патроны) объясняются не садизмом милиционеров и даже не желанием сэкономить время и силы, а этой спешкой и ситуацией давления. Важно не просто «расколоть» фигуранта, но сделать это максимально быстро, так как промедление означает все большую и большую ответственность оперативника за неблагоприятный (для него) исход дела» (Панеях, 2011, с. 160).

Вот какими способами обеспечиваются приемлемые значения показателя «раскрываемости»: «Отказы в регистрации заявлений, равно как и разнообразные практики, призванные побудить человека забрать заявление, – от попытки «примирить» потерпевшего с нарушителем на месте до насилия в отношении самих потерпевших, – обусловлены именно стремлением сотрудников милиции вписаться в заданные показатели и не допустить регистрации дел, которые могут остаться нераскрытыми или потребовать неоправданно больших затрат сил и времени. Идеальным для регистрации является дело, где (а) виновник очевиден; (б) доказательства налицо до начала предварительного следствия; (в) реальная динамика по данному виду преступлений на подведомственной территории отрицательная, т.е. нет опасности «перевыполнить план», что автоматически увеличит количество работы на следующие отчетные периоды» (Панеях, 2011, с. 158).

Эти особенности регистрации и расследований преступлений приводят к тому, что бывает сравнительно мало случаев, когда оперативник за взятку открывает то или иное уголовное дело. Ведь даже за взятки он не может открывать слишком много уголовных дел – просто не справится с их расследованиями в силу необходимости больших затрат времени и сил. Но в таких условиях оперативники с существенно большей готовностью возбуждают уголовные дела за взятки по заказам, когда все доказательства им уже предоставляют заинтересованные в обвинении стороны. И, кроме того, пользуясь правовой неграмотностью российских граждан оперативники нередко вымогают взятки и берут их с подозреваемых до регистрации преступлений, а также вообще с невиновных, но опасющихся уголовного преследования. Ведь «главный дефицит для милиционера – это время (с одной стороны, он перегружен отчетностью, с другой стороны, система планирования «от достигнутого» заставляет его наращивать темпы работы), и, потратив его на человека, которого нельзя превратить в «палку», он хочет хотя бы получить «компенсацию» и ставит выплату таковой условием освобождения» (Панеях, 2011, с. 161).

Запугивание уголовным преследованием осуществляется в криминальной милиции, а теперь полиции, почти исключительно в отношении граждан с низким социальным статусом. К подозреваемым и свидетелям с высоким социальным статусом у оперативников отношение особое, у них взятки практически не вымогают, чтобы не рисковать перспективами службы. Но от представителей низкостатусных социальных групп таких рисков для оперативников не бывает, поэтому с таких граждан вымогают взятки и для них фальсифицируют доказательства вины, даже когда их невиновность является совершенно очевидной. Для таких низкостатусных граждан, как делают вывод исследователи, «вопреки распространенному стереотипу пытки, вымогательство денег и фальсификация дел являются не разовыми эксцессами, а просто самым эффективным – и потому разделяемым членами профессионального сообщества – способом выполнения сотрудниками криминальной милиции своих «обязанностей» в том виде, в каком их формирует система отчетности, рабочей рутинной» (Панеях, 2011, с. 162).

Регуляторами поведения милиционеров в такого рода расследованиях преступлений до их регистрации являются неформальные моральные нормы, своеобразные представления о справедливости. «Согласно представлениям самих милиционеров, «хороший мент» отличается от «плохого» тем, что прибегает к выбиванию признаний и фальсификации доказательств только в ситуации, когда уверен в виновности фигуранта, т.е. использует данные методы как технику ускорения работы, а не как способ «спихнуть виsiaк на кого попало». Относительная «незаметность» подобных практик для публики обусловлена тем, что их жертвами становятся представители низкостатусных групп, не имеющие ресурсов для того, чтобы предать произошедшее с ними огласке. «Эксцессами же (и сенсациями) оказываются случаи, когда обращению, «зарезервированному» для социальных низов, подвергается член высокоресурсной группы (как правило, из-за того, что милиционер неправильно определил его

статус), а также проявления «конвенциональной» коррупции, когда «продажный мент» «отпускает гулять» настоящего преступника» (Панеях, 2011, с. 162).

Следовательно, в криминальной полиции, а ранее, криминальной милиции действуют неформальные нормы и правила, подменяющие собой универсальные нормы закона и нарушающие эти формальные нормы для целей реализации неформальных интересов оперативников, определяемых условиями их службы. Реализация таких неформальных интересов нередко приводит одновременно и к проявлениям коррупции, чаще всего, к взяточничеству, и к нарушениям прав граждан.

Следователи, чтобы обеспечить хорошие показатели своей профессиональной деятельности, применяют отличные от описанных для оперативников неформальные практики. Для следователя главное – получить перспективное для раскрытия преступления уголовное дело от оперативников и передать его прокурору после завершения расследования. Но следователи постоянно работают с одними и теми же оперативниками, что способствует формированию и поддержанию между ними определённой взаимной лояльности. Оперативники выполняют определённые действия в интересах следствия, например, обыски, а следователи нередко принимают от них уголовные дела с сомнительной перспективой, чтобы не портить отчётность оперативникам. Даже более того, следователи заинтересованы принимать от оперативников больше уголовных дел, чтобы отбирать из них наиболее перспективные для раскрытия преступлений (Панеях, 2011, с. 163).

С одной стороны, следователь заинтересован передать прокурору уголовное дело с достаточными обоснованиями вынесения судебного решения против обвиняемого. Но, с другой стороны, следователю «все равно, по какой статье дело уйдёт в суд, поэтому при наличии признания у него нет стимулов вникать в суть дела» (Панеях, 2011, с. 164). Поэтому следователи нередко бывают заинтересованы в признательных показаниях обвиняемых, а получать их легче на этапе работы оперативников с подозреваемым. Ведь у следователя очень ограничены возможности оказания давления на обвиняемых, кроме угроз помещения их в СИЗО (Панеях, 2011, с. 164).

Поскольку прокуроры обладают неформальным правом прийти в суд с недостаточно хорошо оформленным уголовным делом, в котором недостаточно доказательств вины обвиняемого, следователи могут сдавать им дела такого качества. И в современном российском следствии весьма распространена практика так называемого «набивания дела бумажками», т.е. включения в его состав результатов разнообразных экспертиз, показаний многочисленных свидетелей, копий материалов из архивов уголовных дел и т.п. Выгода следователя в том, что «чем объемнее и запутаннее пакет документов, тем больше шансов на то, что в нем не станут подробно разбираться ни сам прокурор, ни судья» (Панеях, 2011, с. 164).

Следователю, кроме того, приходится балансировать между необходимостью исполнять свои должностные обязанности и интересами, как оперативников, так и прокуроров, с которыми он постоянно взаимодействует. Для следователя поэтому «стимулы к ненадлежащему исполнению им своих обязанностей порождаются не правилами, регулирующими его собственную деятельность. Они возникают на стыке разных бюрократических систем – там, где следователю приходится балансировать между своими обязанностями и интересами оперативника (определяемыми внутренними милицмейскими регуляциями, не затрагивающими следователя напрямую), и там, где он сталкивается с прокурором и соответствующей системой ограничений» (Панеях, 2011, с. 165). Тем не менее, следует признать, что наличие стимулов к ненадлежащему исполнению обязанностей следователями ещё не определяют полностью их поведение. Во многом описанные закономерности в деятельности следователей определяются тем, что мотивации на ненадлежащее исполнение своих обязанностей у них доминируют над иными.

Социологический анализ реальных мотиваций и неформальных взаимодействий представителей правоохранительных органов и судов приводит к выводу о том, что в уголовном процессе именно эти, а не формальные юридические нормы законов и должностных инструкций определяют профессиональную деятельность этих органов власти. Негативные эффекты профессиональной деятельности в милиции проявляются по причинам сильной её зарегулированности, практической невозможности соответствовать всем многочисленным правилам и позитивным оценкам показателей одновременно. Для следователей, прокуроров и судей нет такой существенной внутренней зарегулированности в их органах власти, но они вынуждены подчиняться логике тех в системе правоохранительных органов и судов, с кем необходимо осуществлять профессиональное взаимодействие. И логики деятельности следствия, прокуратуры и судов настолько не соответствуют друг другу, что их представителями постоянно приходится вступать в компромиссы с целями осуществления собственной профессиональной деятельности в соответствии с интересами других органов власти. Эти компромиссы не решают проблем профессиональных взаимодействий в системе правоохранительных органов и судов, но определяют жёсткие неформальные ограничения исполнения ими своих государственных функций (Панеях, 2011, с. 170-171). В частности, в

уголовном процессе в современной российской ситуации именно по этой причине доминирует обвинительный уклон, что нарушает права и свободы граждан, но одновременно становится и проявлением коррупции в правоохранительных органах и судах, в частности, в полиции.

Проблемы водителей в этих взаимодействиях нередко связываются водителями с нарушениями своих гражданских прав. Нередко водители никаких правил дорожного движения не нарушают, но инспекторы ГИБДД останавливают их на дорогах и обвиняют в тех или иных нарушениях. В интервью и на фокус-группах граждане объясняли такое поведение инспекторов ГИБДД наличием в этой службе неформальных планов по оформлению протоколов о нарушениях правил дорожного движения. Число оформленных таких протоколов оказывается более важным для инспекторов, чем наказание водителя за серьёзное нарушение лишением водительских прав. От выполнения этих неформальных планов зависит повышение инспекторов ГИБДД в званиях и должностях, поэтому такая практика на наших дорогах очень распространена. При этом граждане с трудом могут доказать свою правоту при разборе таких ситуаций в судах, потому что при рассмотрении в судах дел о совершении нарушений дорожного движения судьи существенно больше доверяют показаниям инспекторов ГИБДД, чем показаниям свидетелей того или иного события на дороге.

Нередко инспекторы ГИБДД совершают незаконные действия во взаимодействиях с водителями, т.е. нарушают нормы законов. Основанием для этих нарушений инспекторами ГИБДД нередко являются решения тех или иных органов исполнительной власти, например, о том, чтобы в случае совершения водителями правонарушения, влекущего лишение прав управления транспортным средством, либо административного штрафа при обеспечении мер производства по делу административного правонарушения, составление административных материалов, извещать водителей повестками в суд прямо на дороге. В настоящий период инспекторы ГИБДД уже не выдают водителям таких повесток в суды, но нередко в протоколах о дорожно-транспортных нарушениях ставят отметки о том, что водители должны являться в те или иные судебные органы. Правда, довольно многие судьи, напротив, такие повестки не считают надлежащими извещениями, не рассматривают по этой причине судебные дела о нарушениях правил дорожного движения в отсутствие водителей, дают им время на подготовку к рассмотрению их дел в судах.

2. Защита прав гражданами с помощью коррупционных действий

Исследователи выявили распространённость в практике деятельности милиции фальсификаций в определении вины подозреваемых, в применении своеобразной «презумпции виновности» к гражданам. Милиционеры задерживают тех, кто им представляется подозрительным или даже просто «перспективным» для признания им вины за то или иное преступление. А затем с ними осуществляется так называемая «работа». Вот как это описано в одном из интервью с капитаном милиции: «Работаем как бы по объёму. Схема простая. Допустим кража. Задерживаем подходящих персонажей. Начинаем с ними работать. В течение суток работаем... этого обычно достаточно. На выходе что имеем? Либо кто-то колется, либо на кого-то вешают [дело]. Помните такого деятеля советского, Вышинского? Еще он сформулировал: “Признание — царица доказательств!”». Это и другие свидетельства, полученные в проведённом исследовании, подтверждают, что «в милицейской среде по-прежнему устойчива советская практика, когда основанием для задержания какого-либо «физического лица» является не подозрение в совершении им преступления, а собственно само «лицо», которому постфактум приписывают какое-либо преступление» (Милиция, 2011, с. 111-112).

При запугиваниях подозреваемых и фальсификациях совершения преступлений полицейскими для граждан нередко остаётся одна возможность избежать незаслуженных наказаний — дать взятки, чтобы не открывалось уголовное дело, либо чтобы вина за совершение преступления была переложена на другое лицо. В результате — подозреваемые защищают свои права в полиции, но за счёт других лиц, которые имеют более низкие социальные статусы или не имеют денег для дачи взяток. Такое поведение и подозреваемых, и сотрудников полиции, берущих взятки, является, безусловно, коррупционным.

Другим примером защиты прав гражданами во взаимодействиях с полицией с помощью коррупции являются нередкие случаи, когда инспекторы ГИБДД останавливают автомобили на дорогах не с целями регулирования дорожного движения, а с целями вымогательства денег у водителей. Например, распространена практика, когда за взятку инспектор ГИБДД отказывается от необоснованных обвинений водителя в пьяном вождении, а также в вынужденных нарушениях правил дорожного движения, например, когда, например, было необходимо объехать препятствие, но только с выездом на встречную полосу. В некоторых случаях инспекторы ГИБДД такие ситуации сами организуют с целями вымогательства взяток и ждут, когда тот или иной водитель вынужденно нарушит правила дорожного движения. Безусловно, в таких ситуациях взятки со стороны водителей являются преступлениями, но эти

преступления позволяют им избегать необоснованных обвинений в нарушениях правил дорожного движения, что можно оценивать как защиту ими своих прав таким неформальным способом.

3. Нарушение общепринятых норм морали

Социологи утверждают, что «коррупция в правоохранительных органах стала настолько обыденной и общепринятой, что уже не проблематизируется», а реальные нормы корпоративной этики поддерживают мелкие злоупотребления служебным положением. В качестве оправдания таких злоупотреблений обычно используются ссылки на «тяжелые условия жизни современного милиционера и общий упадок общественных нравов» (Милиция, 2011, с. 122).

Рост уровня коррупции и ее укоренённость в милиции признаётся руководством МВД России, но реального противодействия коррупции пока не осуществляется. Социологи указывают, что «охота на «оборотней в погонах», преследование сотрудников ГИБДД за поборы на дорогах, борьба с «укрывательством преступлений» и другие «громкие инициативы» не носят системного характера. Подобные кампании не подразумевают серьезного анализа и работы по устранению причин совершения нарушений» в милиции, а теперь – полиции. В результате «коррупция в милиции мутировала от отдельных случаев злоупотребления служебным положением в целях личной наживы в устойчивую и самовоспроизводящуюся систему работы», а «самообеспечение постепенно становится основной формой заработка российских милиционеров» (Милиция, 2011, с. 122-123).

Важнейшим фактором, способствующим коррупции в ГИБДД и других правоохранительных органах является низкий уровень морали и нравственности в действиях других органов власти, особенно, в действиях их руководителей. Постоянные сообщения СМИ об их высоких неформальных доходах, полученных за счёт злоупотреблений своим служебным положением, подрывают «авторитет власти в глазах населения», но «факты, указанные в средствах массовой информации, не рассматриваются и не расследуются; многие лица, обвиненные в коррупции, продолжают работать в органах государственной власти и управления» (Сухов, 2009, с. 15). Такая ситуация мотивирует исполнителей в органах власти, включая и правоохранительные, тоже использовать свои служебные полномочия в личных целях, для совершения коррупционных действий (Сухов, 2009, с. 15).

По уровню мотивации совершения коррупционных преступлений можно несколько условно выделить два типа: «корыстный» и «самоутверждающийся». Сотрудники ГИБДД «корыстного» типа совершают коррупционные действия в основном с целью получения материальных благ: денег, имущества или других материальных ценностей. Свои преступления они совершают, в основном, с помощью получения взяток, которые могут планироваться, а могут совершаться спонтанно. Сотрудники ГИБДД «самоутверждающегося» типа совершают коррупционные действия «в основном с целью самоутверждения или поддержания своего авторитета в глазах других взяткодателей», они не хотят быть «белыми воронами» среди них (Сухов, 2009, с. 15).

Этот вывод показывает, что сотрудники ГИБДД в коррупционные действия вовлекаются нередко не по корыстным мотивам, а чтобы не выделяться из социальной среды, в которой проходят службу. Следовательно, в ГИБДД сложилась такая социальная среда, которая провоцирует сотрудников на включение в совершение коррупционных действий, нередко с нарушениями прав граждан, и противостоять которой большинство сотрудников практически не в состоянии. Выше было показано, что аналогичная социальная среда в соответствующих подразделениях полиции определяет совершение коррупционных действий и нарушений прав граждан оперативниками и следователями.

Таким образом, нарушения норм морали в российской полиции являются не эпизодическими, а постоянными, определяются нередко социальной средой, в которой служат полицейские, и приводят как к коррупции, так и к нарушениям прав граждан.

4. Проявление развитого в российском социуме социального эгоизма

В исследованиях Фонда ИНДЕМ 2001, 2005 и 2010 годов было установлено, что взятки в милиции а теперь – в полиции, даются гражданами, в первую очередь, для обеспечения собственной безопасности и безопасности своих семей, родственников и друзей. При этом, с одной стороны, ни таких граждан, ни сотрудников полиции не заботит, что следствиями таких их коррупционных взаимодействий может стать снижение уровня безопасности других граждан.

Например, дачи взятки инспекторам ГИБДД существенно облегчают сдачу экзаменов по вождению в автошколах. Те учащиеся автошкол, которые согласились дать взятки, сдавали эти экзамены даже при явной демонстрации своих неумений управлять автомобилями. В таких случаях инспекторы ГИБДД могли просто попросить, например, завести двигатели

автомобилей и тронуться с места. И этого бывало достаточно для сдачи экзаменов по вождению автомобилей. Инструкторы автошкол нередко являются посредниками в сборе взяток за сдачу экзамена по вождению, потому что сами инспекторы ГИБДД денег в руки, как правило, не берут. А инструкторы автошкол иногда собирают деньги на взятки инспекторам ГИБДД прямо на занятиях в автошколах. В результате на российских дорогах появляются водители, не обученные выполнению правил дорожного движения, не обладающие нередко необходимыми умениями безаварийной езды на транспортных средствах. И такие необученные водители создают опасности для других водителей. Так коррупция при получении водительских удостоверений способствует нарушениям прав других водителей на обеспечение их безопасной езды по российским дорогам.

Исследованиями Фонда ИНДЕМ было установлено, что с 2001 к 2005 году в среднем объём всех проанализированных рынков бытовой коррупции вырос незначительно, примерно на 6,6%, что вполне сравнимо с уровнем инфляции за тот же период. За следующие 5 лет с 2005 к 2010 году общий объём тех же рынков вырос чуть больше, на 7,9%, но и этот показатель близок к уровню инфляции за тот же период. Объёмы рынков коррупции в ГИБДД и в милиции за те же периоды менялись иначе. Объём рынка бытовой коррупции в милиции постоянно рос: с 2001 к 2005 году примерно на 41%, а с 2005 к 2010 году – примерно в 12,8 раз, т.е. существенно более высоким темпом. Объём рынка бытовой коррупции в ГИБДД с 2001 к 2005 году снизился примерно на 29,1%, а с 2005 к 2010 году – вырос примерно в 3,1 раз. При этом в течение всего периода с 2001 по 2010 годы объём рынка бытовой коррупции в ГИБДД существенно превышал объём аналогичного рынка в милиции.

Существенный рост объёма даваемых в милиции взяток означает существенное снижение безопасности граждан, которую они пытаются восстановить с помощью неформальных отношений с представителями милиции. ГИБДД только формально занята обеспечением безопасности на дорогах, для граждан эта служба ассоциируется скорее с постоянными поборами на дорогах. С 2001 к 2005 году по разным причинам, в том числе, и потому, что граждане получили возможность защиты своих прав во взаимоотношениях с ГИБДД в мировых судах, рынок взяток в этой службе стал снижаться. В этой ситуации руководство ГИБДД предприняло немало усилий для восстановления рынка взяток на дорогах. При декларациях о необходимости повышения уровня безопасности на дорогах с 2005 по 2010 годы постоянно менялись правила дорожного движения, нормы в них оставались весьма неопределёнными, но при этом повышались размеры штрафов за нарушения их норм, а легально заплатить эти штрафы было довольно сложно. В результате гражданам на дорогах становилось всё выгоднее платить взятки ГИБДД, что подтверждается высоким риском коррупции, высокой готовностью платить взятки и троекратным ростом объёма рынка бытовой коррупции в ГИБДД с 2005 к 2010 году. Следовательно, коррупционное давление ГИБДД на граждан является в настоящий период очень сильным, и большинство граждан неспособны ему сопротивляться. Избавлены от коррупционного давления ГИБДД только те граждане, которые не водят автомобили и редко ездят на них по российским дорогам в качестве пассажиров.

5. Проявление развитого рентоориентированного поведения у должностных лиц органов власти

Социальная позиция полицейского в современной России не является престижной и не вызывает уважения со стороны граждан. Профессиональная группа сотрудников полиции стремительно маргинализируется: в ней остаются и в неё приходят те, кто лишён возможности найти себе применение в других областях деятельности. Поэтому российская полиция практически не оказывает гражданам услуг по безопасности и поддержанию правового поведения. Российская полиция стала скорее социальной группой, работающей на свои интересы, использующей имеющуюся у них власть и оружие для достижения личных или корпоративных целей (Милиция, 2011, с. 129). Такая работа российской полиции является, безусловно, коррупционной деятельностью. А те материальные и нематериальные блага, которые полицейские таким образом получают, являются их рентой от занимаемых должностей.

Таковыми рентами являются взятки, получаемые инспекторами ГИБДД на дорогах и при регистрации автотранспортных средств, взятки сотрудников соответствующих подразделений полиции за выдачу лицензий на приобретение гражданского и служебного оружия, лицензий на осуществление частной детективной (сыскной) деятельности и на осуществление охранной деятельности, взяток за открытие или отказ от возбуждения уголовных дел и т.п.

В современных российских условиях ГИБДД воспринимается гражданами как служба, «работающая прежде всего на себя: «Они как-то забыли, что вообще-то государство служит для человека. Что такое сотрудник тот же ГИБДД – а это человек, который помогает людям на дороге и так далее. И он для всех них, а не они, чтобы он на карман имел. Но сейчас уже психология изменилась, основы как-то ушли, принципы службы. Нет понимания, что мы же

людям должны служить! А теперь так: я стою, вы мне все должны, я вот сейчас выберу, кто из вас мне должен» (муж., 45 лет, журналист, СПб)» (Милиция, 2011, с. 110).

Используя своё служебное положение, российские полицейские получают также дополнительные неформальные доходы от предпринимательской деятельности, им запрещённой, платным оформлением различных документов, которые должны выполнять в качестве бесплатной государственной услуги для граждан, от сопровождения и охраны грузов, обеспечения безопасности коммерческих организаций, осуществления частного сыска и проверок по заказам легальности коммерческих структур (Дубова, Косалс, 2012, с. 177). Такое рентоориентированное поведение российских полицейских почти всегда является коррупционным, оно одновременно нарушает права граждан, потому что не обеспечивает большинство из них, не ставших источниками неформальных доходов полицейских, услугами по обеспечению безопасности и поддержанию правового поведения.

6. Следование культурным традициям, обычаям и укоренившимся стереотипам

В 2006-2008 годах силами двух независимых исследовательских центров – Институтом социальных исследований и гражданских инициатив (Казань) и Центром независимых социологических исследований (Санкт-Петербург) было проведено социологическое исследование на тему: «Милиционеры и этнические меньшинства: практики взаимодействия в Казани и Санкт-Петербурге» (Милиция, 2011, с. 39).

В этом исследовании были «проанализированы основные социальные, организационные и политико-правовые условия, определяющие работу современного российского милиционера» (Милиция, 2011, с. 97), реальную логику его поведения и реальных её социальных регуляторов. Исследование подтвердило вывод о том, что «милицейскую службу выбирают, принимая правила игры или внутриведомственную логику, которой руководствуются в МВД России» (Милиция, 2011, с. 42-43). И это не является исключением из правил функционирования самых разных социальных организаций, потому что, как писал П. Бергер «всякая социальная структура подбирает себе людей, в которых нуждается для своего функционирования, исключая, тем или иным способом, тех, кто ей не подходит» (Бергер, 1995, с. 172). При этом правила поведения членов различных организаций, включая и милицию, а теперь – полицию, вовсе не всегда определяются нормами законов и официально утверждёнными ведомственными инструкциями. Существенное, даже доминирующее значение для мотивации и способов осуществления деятельности в милиции, а теперь – полиции, имеют неформальные нормы и правила, нигде не записанные и передаваемые в социальных коммуникациях.

В качестве основных принципов социальной организации милиции социологи указывают, что «милиция относится к числу социальных институтов, которые, вопреки многочисленным реформированиям и нововведениям, во многом сохранили до настоящего времени советскую организационную структуру, советские традиции и советские формы работы». Все попытки реформирования милиции социологи оценивают как действия случайные, бессистемные и даже конъюнктурные для руководства МВД России и страны, направленные «больше на демонстрацию активности, чем призванных на деле реформировать российскую милицию». Характерна в этой связи оценка одного из проинтервьюированных, полковника милиции, отметившего, что «реформы МВД, о которых вы читаете в газетах, – просто рябь на воде. В глубине, как у нас говорят «на земле», в районных отделах все делается, как при Брежневе». Неудачи реформ социологи объясняют тем, что «верхние эшелоны милицейской бюрократии обладают значительными лоббистскими ресурсами, поэтому сильная и устойчивая корпоративная группа «защитников правопорядка» успешно противостоит робким попыткам государства и общества реформировать милицию» (Милиция, 2011, с. 101-102).

К наследию советского опыта социологи относят, в первую очередь, следующие социальные особенности деятельности российской милиции: а) политическую и экономическую её зависимость от воли исполнительной власти нередко в ущерб следованию нормам законодательства; б) преобладание карательно-репрессивных функций в деятельности сотрудников милиции; в) правовой нигилизм российских милиционеров; г) «палочную» систему оценки эффективности работы милиции (Милиция, 2011, с. 103).

В плане зависимости от исполнительной власти социологи отмечают как негативное явление финансирование милиции общественной безопасности одновременно из федерального и региональных бюджетов, позволяющие органам региональной власти нагружать милиционеров дополнительной работой. В результате в современной милиции нормой стал ненормированный рабочий день, а вследствие этого – совершенно недостаточное время для отдыха и восстановления сил. Кроме того, премии от региональных властей распределяются милицейскими начальниками, исходя из полученных дополнительных финансов. Это

определяет необходимость для подчинённых им сотрудников беспрекословно подчиняться их распоряжениям и приказам, несмотря на то, что их законность может вызывать сомнения (Милиция, 2011, с. 104-106).

В деятельности современной милиции социологи отмечают доминирование осуществления карательно-репрессивных функций над функциями социальной помощи, что противоречит современным приоритетам деятельности полиции в развитых странах мира. Социологи пришли к выводу о том, что «так же как 20, 30, 40, 50 лет назад, современный «страж порядка» не воспринимает свою службу как вид социального сервиса, который заключается в помощи пострадавшим или «лицам, находящимся в беспомощном состоянии», как того требует «Закон о милиции»». И при этом «репрессии осуществляются в основном в отношении наименее защищенных слоев населения: молодежи, мигрантов и «новых бедных», то есть социальных групп, лишенных экономических, статусных или каких-либо других конвертируемых ресурсов». В проведенных интервью было установлено, что граждане ощущают эту направленность деятельности милиции на репрессии в отношении социально слабых групп граждан. Они понимают, что милиция крайне редко осуществляет социальную помощь гражданам не только потому, что у её сотрудников низкие зарплаты, но и потому, что выполняет другие задачи, а осуществление социальной помощи почти всегда оценивает как дополнительные проблемы и неприятности для себя (Милиция, 2011, с. 106-110).

На основе проведённого исследования социологи отмечают, что нежелание милиционеров выполнять функцию социальной помощи, невежливость и невнимательность милиционеров к гражданам во многом определяется пониманием права, характерным для российской милиции. Исследователи связали явление так называемого «правого нигилизма» российской полиции с советской традицией, в которой «поведение определялось в своей основе не столько нормами формального права, сколько идеологическими требованиями и круговой порукой». Проведённое исследование подтвердило низкую значимость норм права и закона в регулировании поведения сотрудников и начальствующего состава милиции. «В ходе практической деятельности милиционер чаще ориентируется на предписание внутриведомственных инструкций или даже личных приказов начальства, чем на действующее законодательство регионального или федерального уровня. Порочная практика, согласно которой закон не действует до тех пор, пока не обростет ведомственными и инструктивными документами, зачастую извращающими его изначальный смысл, приводит к неверию в закон, создает атмосферу произвола, злоупотреблений, роста правонарушений со стороны самих сотрудников ОВД и в конечном итоге – к нарушению прав человека и гражданина» (Милиция, 2011, с. 110-111).

Исследователи выявили распространённость в практике деятельности милиции фальсификаций в определении вины подозреваемых, в применении своеобразной «презумпции виновности» к гражданам. Милиционеры задерживают тех, кто им представляется подозрительным или даже просто «перспективным» для признания им вины за то или иное преступление. А затем с ними осуществляется так называемая «работа». Вот как это описано в одном из интервью с капитаном милиции: «Работаем как бы по объему. Схема простая. Допустим кража. Задерживаем подходящих персонажей. Начинаем с ними работать. В течение суток работаем... этого обычно достаточно. На выходе что имеем? Либо кто-то колетса, либо на кого-то вешают [дело]. Помните такого деятеля советского, Вышинского? Еще он сформулировал: “Признание — царица доказательств!”». Это и другие свидетельства, полученные в проведённом исследовании, подтверждают, что «в милицейской среде по-прежнему устойчива советская практика, когда основанием для задержания какого-либо «физического лица» является не подозрение в совершении им преступления, а собственно само «лицо», которому постфактум приписывают какое-либо преступление» (Милиция, 2011, с. 111-112).

Российская милиция, а сейчас – полиция, продолжает использовать систему оценивания эффективности деятельности органов МВД России по динамике соотношения раскрытых и зарегистрированных преступлений с обязательным выполнением требования обеспечения положительных результатов, т.е. соответствующей положительной динамики изменений этих показателей. Система такого оценивания деятельности милиции в ней самой получила название «палочной», потому что основывалась на числе «палок», т.е. случаев раскрытых или пресечённых преступлений, как отдельными сотрудниками, так и подразделений милиции в целом. Но «палочная» система не имеет качественного смысла, не учитывает сложность, тяжесть и латентность разных категорий преступлений (Милиция, 2011, с. 114). Это одна из важнейших причин того, что «современная российская милиция отчитывается показателями, которые бы в наилучшем свете представили ее перед руководством, часто игнорируя реальную ситуацию с охраной правопорядка в пользу иллюзорной бумажной отчетности» (Милиция, 2011, с. 115-116).

Во многих случаях «палочная» система оценки деятельности милиционеров и подразделений милиции прямо препятствует осуществлению реального противодействия

преступности. Так во многих интервью в Санкт-Петербурге «участковые указывали на парадоксальность существующей в их ведомстве оценки эффективности: с одной стороны с них требуют профилактики правонарушений, а с другой – каждый месяц должны быть пресеченные преступления: «Это же маразм! Подумайте, с одной стороны, у меня профилактика и все тихо: не было у меня на участке ни одного грабежа, ни одного мордобоя. Это ж хорошо! Уголовных дел нет. Нет! Тоже плохо, потому что ты должен раскрывать! Это же значит – преступления на бумаге придумывать» (муж., 27 лет, младший лейтенант)» (Милиция, 2011, с. 116). И такое «придумывание» преступлений нередко приводит к необоснованному и неоправданному насилию по отношению к гражданам, которых, как было описано выше, вынуждают признаться в их совершении. Поэтому «палочная» система отчетности провоцирует неправовые методы работы, вынуждает сотрудников милиции либо использовать их, либо увольняться из органов МВД России (Милиция, 2011, с. 117).

Проведённое исследование подтвердило в отношении милиции вывод о том, что «нечеткость контуров и правовых оснований нового социального порядка и девальвация старых норм ведет к дальнейшему ослаблению социального контроля, нарастанию форм отклоняющегося, преступного поведения, основанного на представлении о силе как единственно действенном механизме достижения целей. Сохранение этих тенденций в течение продолжительного времени формирует устойчивую культуру, в которой следование неправовым практикам становится нормой» (Милиция, 2011, с. 111-112). И эти неправовые практики, с одной стороны, постоянно воспроизводят коррупцию в полиции, а с другой – постоянно приводят к нарушениям прав и свобод граждан.

7. Коммерциализация нерыночных взаимоотношений и ценностей

В современной России специальными исследованиями обнаружено масштабное вовлечение полиции в теневую экономическую деятельность, в нелегальный рынок услуг по обеспечению не только безопасности, но и получения незаконных доходов. Несмотря на прямой запрет, российские полицейские активно участвуют в самой разной легальной и нелегальной, даже криминальной коммерческой деятельности. Они оказывают частному бизнесу охранные услуги, юридическую поддержку, участвуют в рейдерских захватах, заводят или закрывают уголовные дела, продают служебную информацию и конфискованные товары, включая наркотики, занимаются рэкетом и прямым вымогательством. Нередко, но не всегда, такая деятельность полиции является коррупционной. При этом сложность анализа этого явления в том, что размывта граница между легальными и нелегальными рынками, особенно в транзитных странах, к которым относится Россия, характеризующихся неразвитыми социальными институтами и низкой правовой культурой (Дубова, Косалс, 2012, с. 175-176). Следует признать, что «в связи с высоким уровнем включенности полиции в теневую экономическую деятельность этот институт из инструмента поддержания образцов в известной мере превратился в структуру, дестабилизирующую общество. Иначе говоря, полиция показывает «плохой пример» гражданам, сама зачастую нарушая закон» (Там же, с. 176).

Социологические исследования обнаруживают слабое государственное финансирование службы в милиции, а теперь и полиции, постоянное снижение уровня социальной защищенности рядовых сотрудников, что создаёт предпосылки для системной коррупции в милиции. (Милиция, 2011, с. 118-120). Социологи получили разнообразные свидетельства того, что в современной полиции, а ранее – милиции существуют разнообразные легальные, полуполициальные и откровенно нелегальные, даже криминальные практики пополнения бюджетов отделов милиции, «начиная от законодательно запрещенных, но фактически легализованных подработок по охране разнообразных объектов и кончая участием в организованных преступных группах и системной коррупции». Нередко исполнение своих обязанностей полицейские, а ранее – милиционеры ставят в зависимость от личных меркантильных соображений (Милиция, 2011, с. 121).

Исследователи пришли к выводу, что «бизнес-активность в полиции объясняется не аморальностью отдельных ее представителей – причины её лежат в системе управления, в тех отношениях, которые сложились в ее рамках», в существовании неформального консенсуса между полицией, другими органами власти и частным бизнесом. Этот консенсус заключается в том, что правительство экономит деньги государственного бюджета на финансировании полиции, но использует её для решений некоторых политических проблем: перераспределения собственности, поддержания контроля граждан, обеспечения необходимых результатов на выборах и т.п. При этом правительство разрешает в определённых рамках на практике экономическую активность полиции, компенсирующую недостаток её государственного финансирования. «Полицейские получают возможность основные усилия направлять на зарабатывание денег, а свои прямые обязанности выполнять спустя рукава: не регистрировать «неудобные» для них преступления, уделяя особое внимание тем делам, в которых заинтересованы власти или которые гарантируют «палки»». Одновременно, различные

экономические группы получают возможности фактической приватизации полиции в той или иной степени, использования её возможностей, включая и применение насилия, в своих частных интересах (Там же, с. 183).

Исследователи указывают, что «такой консенсус – не результат специальных договоренностей полиции с властью или чей-то заговор. Он сложился «естественным» образом в процессе перехода России к рынку» (Там же, с. 183). А для того, чтобы этот консенсус перестал действовать и «приоритетом полицейской системы стало обеспечение безопасности граждан» (Там же, с. 183), необходимо способствовать формированию нового социального консенсуса с включением в него граждан и их объединений, организаций гражданского общества, заинтересованных в исполнении доверенных полиции государственных функций в соответствии с Конституцией РФ и международными нормами. В этом новом социальном консенсусе будет больше надежд на то, что правительство будет адекватно финансировать полицию, которая, руководствуясь поддерживаемым гражданским обществом моральным долгом и приоритетами общественного мнения, будет точно исполнять свои государственные функции, и не допустит использования своих полномочий в интересах частного бизнеса. Проблема только в том, что такой новый социальный консенсус, как и старый, может сформироваться только спонтанно, под воздействием различных факторов, на которые только и могут влиять те или иные социальные субъекты – органы власти, частный бизнес и объединения граждан.

8. Иные или специфические для этой сферы связи коррупции с нарушениями прав и свобод граждан

В традиционном понимании, использовавшемся в XIX-XX веках, исключительным предназначением полиции являлась правоохранительная деятельность, предполагавшая борьбу с преступностью и оперативное реагирование на складывающуюся в обществе ситуацию в этой сфере и на действия отдельных преступников и преступных сообществ. С развитием и усложнением взаимоотношений в обществах развитых стран мира, с глобализацией, урбанизацией, изменением качественных характеристик преступности в современном мире, такое понимание предназначения полиции стало признаваться несоответствующим запросам обеспечения безопасности. В частности, стало признаваться необходимым в деятельности полиции больше внимания уделять вопросам предотвращения преступлений и разрешению проблем в обществе до того, как «они попадают в традиционную сферу деятельности уголовной юстиции» (Сучкова, 2011, с. 1).

В профессиональных полицейских службах развитых стран мира принято понимание сущности современной полиции как гражданской службы, действующей в системе органов власти с целью создания и поддержания безопасной и комфортной социальной среды. Это понимание сущности современной полиции представлено в документах международных организаций, в которых состоит и Российская Федерация (Управление в полиции, 2011, с. 29).

Соответственно, в развитых странах мира признаётся необходимым переходить в деятельности полиции от контроля действий граждан к обслуживанию их запросов, а «основой деятельности полиции становится предупреждение преступлений» (Сучкова, 2011, с. 1). Полиция при таком подходе должна «при разработке и осуществлении своей деятельности ориентироваться на потребности и общества, и государства», а кроме того, должна исходить «из принципа минимальной и пропорциональной репрессии. Так повышается доверие граждан к полиции и легитимность власти в целом» (Там же, с. 1). В результате «фокус деятельности полиции перемещается на работу с причинами, влияющими на преступность». Но эти причины во многом являются социальными, а «полиция сама по себе не обладает для этого достаточными ресурсами. Поэтому полиция нуждается в поддержке граждан и общественных структур» (Там же, с. 1) для успешного осуществления своих функций, реализации прав и полномочий в современном государстве.

Изменение фокуса деятельности полиции во многом определяется изменением понимания преступности. В современных развитых странах мира преступность стала пониматься как определённый тип социального поведения, возникает в тех или иных условиях и под воздействием тех или иных факторов. Преступность понимается скорее как социальное явление в тех или иных сообществах человеческих индивидов, чем как безусловное зло, которое необходимо искоренить. Именно поэтому преступность, её показатели, рост и спад, направленность и интенсивность, являются сферой ответственности не только полиции, но и других органов власти, а также социума (Управление в полиции, 2011, с. 29).

При современном понимании преступности и деятельности полиции её важнейшей целью является постоянное взаимодействие с социумом, с местными сообществами, с другими органами власти и разными гражданскими службами, направленное на управление условиями, порождающими и поддерживающими преступность. При этом, «если преступление все же

совершается, то полиция, конечно же, обязана пресечь его негативные последствия, задержать преступника, обеспечить безопасность потерпевших и проч.» (Там же, с. 30).

Российская полиция и руководство МВД России в своей деятельности такое понимание преступности и сущности современной полиции не используют. Анализ Фонда «Общественный вердикт» показывает, что «в нормативных документах российских правоохранительных органов фигурирует не «общество людей», а подведомственная территория. В нашей стране, и в ходе реформы в том числе, у полиции другая роль – бороться с преступностью, выявляя, желательно заблаговременно, все преступления и искореняя это явление. Намеренно доводя до предела эту логику, можно сказать, что преступность в идеологическом оформлении российской полиции – это личное сознательное поведение человека, и, исключив этого человека (осудив за преступление), ты решаешь саму проблему преступности» (Там же, с. 30).

В социологическом исследовании, проведенном Фондом «Общественный вердикт» в 2010–2011 годах, было установлено, что оперативные и другие сотрудники полиции, постоянно взаимодействующие с гражданами, и занятые борьбой с преступностью, как правило, разделяют представленную в документах и практике управления МВД России «логику и идейную основу своей работы». Подавляющее большинство сотрудников российской полиции рассматривают задачу «побороть преступность» как вполне выполнимую. Для них, как и для руководства МВД России, задачами практической деятельности полиции являются поиск и наказание всех преступников, выявление как можно большего числа совершённых преступлений, изоляция всех преступников от общества. «Преступность – это не объект управления усилиями разных участников – власти, общества, полиции, – а враг, которого нужно уничтожить», а «задача полностью побороть преступность признается разрешимой» (Там же, с. 30).

В соответствии с такой идеологией борьбы с преступностью в современной России выстроена, как система управления работой полиции, так и её оценивания. Система управления полицией является иерархической и высоко централизованной, с армейской дисциплиной и требованиями максимальной исполнительности ко всем служащим в ней при минимальных обсуждениях вариантов принятия решений. «Сотрудник должен быть физически и психологически подготовлен, должен уметь противостоять вооруженному преступнику, работать круглосуточно в режиме повышенной тревоги и проч. Система оценки должна фиксировать результат – показатели борьбы с преступностью. И чем выше эти показатели, тем, получается, лучше. Чем больше регистрируется сообщений о преступлениях, тем бдительнее полиция и тем меньше преступлений выпадает из ее поля зрения» (Там же, с. 31).

По этим причинам районные отделы полиции, а ранее – милиции, постоянно контактирующие с гражданами, постоянно вовлекаемые в их конфликты между собой, с различными организациями и с органами власти, «в своей работе реализуют задачи, поставленные наверху (или спущенные сверху), а не задачи, вырастающие из потребностей территории, которую они обслуживают. И отчитываться им нужно перед теми, кто их оценивает – федеральными властями и вышестоящим руководством. Граждане, общество находятся в конце списка приоритетов» районных и других отделов российской полиции, слабо учитывающих по этой причине особенности, приоритеты и потребности местных сообществ (Там же, с. 31).

Реализация таких приоритетов российской полицией приводит, в частности, к тому, что профилактика преступности превращается в систематическое опережающее осуществление репрессий к потенциальным преступникам. По принципу – «если вовремя выявить и посадить наркомана, он не совершит кражи и разбоя. Если выявлять и раскрывать кражи, то воры в дальнейшем не украдут еще чего-нибудь» (Там же, с. 33).

В результате ни последняя, ни предыдущие реформы МВД России не приводят к тому, что полиция становится гражданской службой, обеспечивающей безопасную и комфортную социальную среду, поддерживающую правовое поведение граждан. Более того, полиция сама постоянно нарушает права и свободы граждан с целями реализации описанных выше приоритетов своей деятельности. Следовательно, реализация этих приоритетов с одной стороны приводит к постоянным нарушениям прав и свобод граждан, а с другой – является коррупционной, потому что разрушает исполнение полиции правоохранительной функции, которую она должна исполнять в соответствии с нормами Конституции РФ.

Рекомендации

На основе результатов проведенного анализа для разрыва связи коррупции с нарушениями прав и свобод граждан в силовых сферах предлагается следующее.

Правозащитники в своей деятельности по защите прав и свобод граждан в армии и в полиции должны по возможности выявлять и противодействовать связанной с ними коррупции.

Реформирование армии и полиции должно проводиться так, чтобы неформальные институты и социальная среда службы в них заменялись на содействующие обеспечению прав и свобод граждан, помощи им в обеспечении безопасности для полиции и поддержки в исполнении гражданского долга службы в армии. При этом обе эти реформы должны включать как важнейшие составляющие противодействие коррупции соответственно в армии и полиции.

Российская полиция в ходе проведения реформирования должна переходить от контроля действий граждан, что нередко провоцирует и коррупцию, и нарушение их прав, к обслуживанию запросов граждан. При этом основной направленностью деятельности полиции должно становиться предупреждение преступлений, что признаётся в развитых странах мира наилучшим способом снижения уровня преступности и обеспечения безопасности граждан.

При современном понимании преступности и деятельности полиции её важнейшей целью является постоянное взаимодействие с социумом, с местными сообществами, с другими органами власти и разными гражданскими службами, направленное на управление условиями, порождающими и поддерживающими преступность. Но, если преступление все же совершается, полиция обязана пресечь его негативные последствия, задержать преступника, обеспечить безопасность потерпевших и исполнить другие свои государственные функции по обеспечению безопасности.

Полиция при таком подходе должна при разработке и осуществлении своей деятельности ориентироваться на потребности и общества, и государства, а, кроме того, должна исходить из принципа минимальной и пропорциональной репрессии. Так повышается доверие граждан к полиции и легитимность власти в целом. В результате фокус деятельности полиции перемещается на работу с причинами, влияющими на преступность. Но эти причины во многом являются социальными, а полиция сама по себе не обладает для этого достаточными ресурсами. Поэтому полиция нуждается в поддержке граждан и общественных структур для успешного осуществления своих функций, реализации прав и полномочий в современном государстве. А для обеспечения такой поддержки реформирования полиции в интересах общества необходимо проведение публичных дискуссий о принципах её деятельности, о системах оценивания её эффективности, о взаимодействиях с гражданами и о других проблемах, имеющих общественную значимость.

Армия также должна находиться в постоянной коммуникации с гражданами, ориентироваться на потребности общества и государства, обеспечивать решения оборонных задач без коррупции и нарушений прав граждан. Это станет возможным только при условии эффективного гражданского контроля деятельности армии, который, естественно, не должен снижать её боеспособность. Но без развитого гражданского контроля, только усилиями начальствующего состава и военнослужащих избавиться в армейской среде от коррупции и нарушений прав граждан не представляется возможным. Способствовать такому избавлению, как и в случае с полицией, могли бы публичные дискуссии о принципах реформирования российской армии и её взаимодействиях с гражданами.

Заключение

Проведённое на втором этапе проекта исследование подтвердило связь коррупции с нарушениями прав и свобод человека в проанализированных сферах деятельности. В частности, были выявлены некоторые общие закономерности такой связи в Вооружённых силах РФ и в полиции.

Вооружённые силы РФ

Настоящее исследование посвящено выявлению факторов, влияющих на нарушения прав военнослужащих и коррупцию в армии. Приведенные факты и мнения экспертов свидетельствуют о том, что вывод, сделанный в первой части доклада, справедлив: оба эти негативные явления обусловлены одними и теми же социальными закономерностями.

Однако, подводя итоги, необходимо коснуться и того, как сложившаяся в результате ситуация в армии влияет на осуществление ею её предназначения.

26 марта 2011 года на собрании Академии военных наук начальник Генерального штаба ВС РФ генерал армии Николай Макаров оговорил сенсациями: «За последние два десятилетия, - сказал он, - мы не сумели вывести военное искусство на современный уровень и продолжали жить устаревшими мерками. В то время как весь мир развивал космические технологии, информационно-управляющие системы, массово закупал оружие, у нас ставка делалась на массовую армию и закупку у промышленности морально устаревшего вооружения». (Срок отставания он оценил в 20 лет). Фактически, это признание банкротства призывной системы. Он озвучил решение увеличить количество контрактников в Российской армии до 425 тыс. человек. «Это только первый этап. ... Мы и дальше будем двигаться к контрактной армии», - сказал Макаров. (Литовкин, 2011)

Эта картина того, что происходит с российскими Вооруженными силами в настоящее время, самым наглядным образом подтверждает приведенные в разделе 6 мнения экспертов о том, *«до какой степени могут различаться и даже противостоять друг другу цели милитаристов и задачи укрепления обороноспособности страны»*. (Гольц, 2005, с. 32).

Однако не прошло и двух недель после генштабовской сенсации, как президент Медведев внёс ясность. 4 апреля на встрече с военнослужащими 45-го отдельного гвардейского полка специального назначения Воздушно-десантных войск он сказал: *«В ближайшие 10–15 лет придётся использовать совмещённую схему комплектования Вооружённых Сил: и контрактную, и призывную. Более того, это соответствует нашему закону, нашей Конституции, и даже, если хотите, моральным вопросам, нравственным основам создания Вооружённых Сил»*. (Медведев, 2011)

Почему же высокие начальники так цепляются за насквозь прогнившую систему насильственного призыва, по своей сути не поддающуюся никакой модернизации, гуманизации и даже элементарному здравому смыслу?

Видятся две причины:

Во-первых, рабство подчинённых – раздолье для начальников – коррупционеров. Коррупция же приводит к подмене целей жёстких армейских формальных и неформальных правил. Если при её отсутствии их можно оправдывать (справедливо или нет) обеспечением боеготовности, поддержанием патриотического духа и т.п., то при её наличии все эти ценности становятся лишь приманкой для легковерных, а силовое ведомство превращается в криминальную структуру.

Разумеется, это зависит от степени коррумпированности. О том, что она высока, а также о её прямой связи с нарушениями прав солдат, свидетельствует, например, заявление военного прокурора Новосибирского гарнизона Владимира Старцева: *«Практически все преступления, которые квалифицируются как неуставные взаимоотношения, проходят у нас с дополнительной квалификацией «вымогательство» или «грабеж»*». (НГС Новости, 2010).

Не раз в сообщениях из регионов описывались способы общения командования воинских частей с московскими проверочными комиссиями (выпивка, закуска, банька). Вопрос, насколько высоко простирается система таких и более существенных «откатов», остаётся без строго доказанного ответа. Однако степень коррумпированности высшего руководства Вооружённых сил недавно стала предметом повышенного внимания общественности.

Во-вторых, призыв, являющийся основой для грубейшего нарушения прав граждан, – хорошее средство нейтрализовать самую перспективную часть протестного потенциала – молодых мужчин. Одни из них получают урок беспрекословного подчинения любой дурости и гадости. По мнению Алексея Левинсона, *«Можно говорить о том, что перед нами «неклассический», но мощный, развернутый по фазам механизм формирования особого варианта авторитарной личности, имеющей опыт рабства и порабощения, испытавшей пытки и умеющей пытать»*. (Левинсон, 1999) У других юношей вся жизнь от 18 до 27 лет проходит в «подвешенном состоянии». 200 тыс. молодых людей, скрываясь от повесток, пребывают на нелегальном положении.

То есть, ситуация в армии существенно влияет на общество в целом, являясь мощным препятствием для его модернизации. Система работает в интересах верхушки (военной и не только). Это и ложно понимаемый «государственный интерес», заключающийся якобы в укреплении «вертикали» и подавлении всякого протеста, и, неизбежно, – личные (карьерные и чисто материальные) интересы отдельных лиц, что и соответствует представлению о системной коррупции. При этом отдельные коррупционные проявления можно проследить на всех уровнях: от «деда», вымогающего у «духа» его 2000 р., до включения в бюджет и распределения многомиллиардных средств.

Факты подводят к выводу, что сопротивление отмене призыва не в последнюю очередь связано с тем, что слишком многие научились извлекать из бесправия солдата материальную выгоду и не хотят этот источник терять.

Приходится констатировать наличие «положительной обратной связи» - бесправие солдата создаёт почву для коррупционных злоупотреблений, а коррупционные интересы высокопоставленных лиц становятся стимулом для сохранения этого бесправия, то есть, препятствием для отмены призывного рабства.

Однако, всё очевиднее, что без его отмены победить тяжёлые болезни армии и общества, обеспечить обороноспособность страны – невозможно. Реальным рычагом такой реформы должно стать общественное мнение. Однако и оно, как показано выше, несёт на себе печать вышеперечисленных негативных факторов. Это указывает на насущную необходимость информационной и просветительской работы.

Полиция

В современных российских условиях полиция, призванная работать на снижение уровня преступности, по объективным причинам «преступность производит – чаще всего посредством бумажного оформления, но нередко и в реальности, а также в минимальной степени ориентирована на общество и его потребности. Полиции в последнюю очередь нужно участие общества и граждан, она работает в структуре федерального ведомства и решает задачи, спущенные сверху. Режим социальной изоляции полиции логичен в такой централизованной системе. Сами по себе эти выводы не являются совершенно новыми. Но их значимость от этого не снижается, особенно если учитывать, что в рамках реформы темы управления и системы оценки остались периферийными» (Управление в полиции, 2011, с. 5).

Рост уровня коррупции и ее укорененность в полиции признаётся руководством МВД России, но реального противодействия коррупции пока не осуществляется. Социологи указывают, что «охота на «оборотней в погонах», преследование сотрудников ГИБДД за поборы на дорогах, борьба с «укрывательством преступлений» и другие «громкие инициативы» не носят системного характера. Подобные кампании не подразумевают серьезного анализа и работы по устранению причин совершения нарушений» в милиции, а теперь – полиции. В результате «коррупция в милиции мутировала от отдельных случаев злоупотребления служебным положением в целях личной наживы в устойчивую и самовоспроизводящую систему работы», а «самообеспечение постепенно становится основной формой заработка российских милиционеров» (Милиция, 2011, с. 122-123).

Сводя в единый образ разные выявленные в проведенном исследовании характеристики российской милиции, социологи описывают его следующим образом: «это перегруженная работой, плохо оснащенная, заорганизованная структура, целиком зависящая от политической власти и не контролируемая обществом. Она сильно коррумпирована и принимает меры только тогда, когда что-то произошло, не проводя никакой профилактики в области охраны правопорядка. Естественно, такая милиция не вызывает любви и доверия населения. Неэффективность работы милиции является основной причиной кризиса доверия к этому государственному институту» (Милиция, 2011, с. 125). А в самой современной российской полиции такая неэффективность стала уже фактически синонимом коррупции и нарушений прав граждан.

С социологической позиции проблема управлением полицией заключается в том, что сконструированной статистике зарегистрированных преступлений придаётся существенно большее, даже доминирующее значение, в сравнении с результатами социологических исследований и мнениями граждан. А это означает, в частности, что «проводимая политика по поддержанию общественной безопасности соответствует создаваемой правоохранителями картине, а не действительным угрозам безопасности и потребностям граждан в защите от преступлений» (Управление в полиции, 2011, с. 16). Такой подход к управлению в полиции искажает выполняемые ею функции, но проводимая с конца 2009 года реформа МВД России не затронула ни неформальные институты, ни социальную среду, определяющие поведение полицейских. Поэтому в ближайший период эти факторы будут определять постоянные нарушения прав граждан и совершение коррупционных действий в российской полиции.

Литература

Банников К.Л. Доминантные отношения военнослужащих срочной службы Российской Армии. - Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. <http://lit.lib.ru/d/dedovshchina/bannikov-01-antropolog.shtml>.

Баранец В., Коц А. Национальные особенности казарменной жизни. Комсомольская правда 04.10.2005.

Батурин Ю. Эффект Люцифера. «Новая газета», 10.08.2011 <http://www.novayagazeta.ru/society/47994.html>.

Бурмицкий М. Из экспертной переписки с автором. 2012.

В военной прокуратуре Восточного военного округа подготовлены меры по совершенствованию деятельности жилищно-коммунального хозяйства военных городков. Главная военная прокуратура РФ. 13.01.2012 <http://gvp.gov.ru/news/view/331/?print=1>.

Вахнина Л.В. Полигон лагерного режима. Сайт «Полит.ру» 02.07.2012 <http://polit.ru/article/2012/07/02/tsugol>.

Вахнина Л.В. Соль земли и пыль под ногами. Полит.ру, 21.12.2010 <http://www.polit.ru/analytics/2010/12/21/sol.html>.

Вахнина Л.В. Узаконенное рабство. Сайт «Полит.ру», 08.05.2012 <http://polit.ru/article/2012/05/08/army>.

Военный прокурор: дедовщина в частях закончилась. «НГС Новости». 06.04.2010. <http://news.ngs.ru/more/62534>).

Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. Официальный сайт ООН http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml).

ВЦИОМ. «Коррупция: где она живет и процветает?». Пресс-выпуск № 2177, 29.11.2012. <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113417>).

Гаврилов Ю. Откат дает не только пушка. «Российская газета», 03.09.2012. <http://www.rg.ru/2012/09/03/prokuratura.html>).

Гольц А. Российский милитаризм – препятствие модернизации страны. Сайт Фонда «Либеральная миссия», М., 2005. <http://www.liberal.ru/articles/1955>).

Гражданские инициативы и предотвращение коррупции / Под ред. А.Ю. Сунгурова. – СПб.: Норма, 2000.

Гудков Л., Дубин Б. Приватизация полиции // Вестник общественного мнения, 1 (81). 2006. С. 58-71.

Гудков Л.Д. Массовая идентичность и институциональное насилие. Статья вторая: Армия в постсоветской России // Вестник общественного мнения: 2003. № 2 (68). С. 35-51. <http://ecsocman.hse.ru/data/982/948/1219/05-gudkov-35-51.pdf>).

Дубова Анастасия, Косалс Леонид. Включенность российских полицейских в теневую экономику. «Отечественные записки», № 2 (47), 2012, с. 175-183. (<http://www.strana-oz.ru/2012/2/vklyuchennost-rossiyskih-policeyskih-v-tenevuyu-ekonomiku>)

Жирнов Е. «Об употреблении солдат к своим услугам и корысти». «Коммерсантъ-Власть», №34 (988), 27.08.2012. <http://www.kommersant.ru/doc/1997004>).

Калинина. «Комсомольская правда» 1999. Цит. по Банников 2002.

Кириченко Т. Обирал. Раскаялся. Офицер. «Хакасия». 16.04.2011. <http://www.gazeta19.ru/node/7106>).

Кирпичников, А. Взятка и коррупция в России. СПб.: Изд-во «Альфа», 1997. -352 с.

Коленникова О.А., Косалс Л.Я., Рывкина Р.В. Коммерциализация служебной деятельности милиции: мнение сотрудников // Социологические исследования, 2004, №3.

Колесников С.Г. Проблема современного рабства. Отражение в современном уголовном законодательстве РФ. Материалы студенческой научно-практической конференции «Основные тенденции развития государства и общества». 18-19 апреля 2004, Вологда.

Коновалов С. Армейский бизнес закрепили за разведкой. «Независимое военное обозрение». 10.10.2011. http://www.ng.ru/nvo/2011-10-10/1_army.html).

Коррупция и права человека в современной России. Доклад о результатах анализа связи коррупции с нарушениями прав и свобод граждан. М.: Центр развития демократии и прав человека, 2012. 78 с. Редакторы-составители: Владимир Римский (Фонд ИНДЕМ) и Андрей Калих (Центр развития демократии и прав человека). Рабочая группа исследований (редакционная коллегия): Валентин Гефтер (Институт прав человека), Юрий Джигладзе (Центр развития демократии и прав человека), Андрей Калих (Центр развития демократии и прав человека), Елена Панфилова (Transparency International – Россия), Владимир Римский (Фонд ИНДЕМ). Сайт Центра развития демократии и прав человека <http://www.demokratia.ru/docs/?content=doc&id=19>.

Косалс Л.Я. Экономическая активность работников правоохранительных органов постсоветской России: виды, масштабы и влияние на общество (на примере милиции). Авторы: О.А. Коленникова, Л.Я. Косалс (руководитель), Р.В. Рывкина, Ю.А. Симагин. Научный доклад. – М, 2002.

Косалс Леонид. Бизнес-активность работников правоохранительных органов в современной России. Лекция на сайте «Полит.Ру». Приложение к лекции. 07 июня 2005, 20:31, сайт «Полит.Ру» <http://www.polit.ru/article/2005/06/07/suppl>.

Котова Ю.СКР оценил ущерб от строительства дороги к турбазе зятя Сердюкова в 15,5 млн руб. Ведомости, 19.02.2013 http://www.vedomosti.ru/politics/news/9269831/skr_ocenil_uscherb_ot_stroitelstva_dorogi_k_turbaze_zyatya

Левада-Центр. «Доверие институтам власти». Опрос. 02.11.2012. <http://www.levada.ru/print/02-11-2012/doverie-institutam-vlasti>.

Левада-Центр. «Россияне об армии». Опрос. 20.02.2012. <http://www.levada.ru/print/20-02-2012/rossiyane-ob-armii>.

Левада-Центр. «Следует ли сохранить в дальнейшем всеобщую воинскую обязанность и обязательную службу в армии для юношей призывного возраста?». Опрос. <http://www.levada.ru/archive/gosudarstvennye-instituty/armiya/sleduet-li-sokhranit-v-dalneishem-vseobshchuyu-voinskuyu-ob>.

Левинсон А. Об эстетике насилия. "Неприкосновенный запас" 1999, № 2(4).

Лившиц Л.З. Теория права. М. 1994. Глава 4, §3 // «Право и закон» <http://pohodu.com/15.html>.

Литовкин В. Контрактники бегут от обмана и очковтирательства. «Независимое военное обозрение». 29.06.2007. <http://religion.ng.ru/printed/89078>.

Литовкин В. Начальник Генштаба поставил диагноз. «Независимое военное обозрение». 01.04.2011. http://nvo.ng.ru/concepts/2011-04-01/5_diagnoz.html.

Лишний солдат. Незаконное использование труда военнослужащих по призыву в целях, не обусловленных исполнением обязанностей военной службы. Доклад коалиции российских НПО «Лишний солдат». Автор-составитель Л.В. Вахнина. М. 2006. <http://ags.demokratia.ru/library/?content=book&id=99>

Лишний солдат. Принудительный труд в Российской армии. Доклад коалиции российских НПО «Лишний солдат». Автор-составитель Л.В. Вахнина. М., 2012. <http://www.demokratia.ru/docs/?content=doc&id=17>.

Милиция и этнические мигранты: практики взаимодействия / под ред. В. Воронкова, Л. Сагитовой. - СПб: Алетейя. 2011. - 640 с.

Нарушения прав военнослужащих по призыву при зачислении на военную службу по контракту и при ее дальнейшем прохождении». Доклад коалиции российских НПО «Лишний солдат». Автор - составитель Л.В. Вахнина. М., 2008. http://www.army-hr.ru/library/category/perehod_na_kontrakt.

Николаева Л. Армию закаляют «по-сердюковски». «Свободная пресса». 28 февраля 2011. <http://svpressa.ru/society/article/39656>.

«Оборонсервис» утопает в уголовных делах: заведено новое, тянущее, как минимум, на 3 миллиарда. Newsru.com, 22.02.2013. <http://www.newsru.com/russia/22feb2013/reu.html>.

Панеях Э., Титаев К., Волков В., Примаков Д. Обвинительный уклон в уголовном процессе: фактор прокурора. СПб., 2010.

Панеях Э.Л. Траектория уголовного дела и обвинительный уклон в российском суде // Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования / Под ред. В.В.Волкова. – М.: «Статут», 2011. – 317 с. – (Серия «EXTRA JUS»). – С. 150-177. http://www.enforce.spb.ru/images/misc/Extra_Jus_.pdf.

Полетаев В., Фалалеев М. Ударная доза. «Российская газета». 14.08.2006. <http://www.rg.ru/2006/08/14/soldat-ubiistvo.html>.

Прокофьев А.В. Универсальное и партикулярное содержание морали, или как возможны специальные нравственные обязанности? // Этическая мысль. Вып. 3. М.: ПФ РАН. 2002. - С. 75.

Рогозин Дмитрий. Этология коррупционных отношений. 16.04.12, 11:29, «Русский журнал» <http://www.russ.ru/pole/Etologiya-korрупционnyh-otnoshenij>.

Росбалт 29.08.2007. Гибель солдат в мирное время — угроза безопасности страны. <http://www.rosbalt.ru/2007/08/29/409614.html>

Самарина А. Цепочку разоблачений не остановить. «Независимая газета», 04.12.2012. http://www.ng.ru/politics/2012-12-04/3_razoblachenie.html.

Сокирко В. Комсомольская правда, 14.07.2010.

Союз солидарности с политзаключенными, 2012. <http://www.politzeky.ru/politzeki/drugie-dela/85086.html>

Старовойтова В. Совет солдатских матерей г. Орел. Из экспертной переписки с автором. 2012.

Стенографический отчет о встрече с военнослужащими 45-го отдельного гвардейского полка специального назначения Воздушно-десантных войск. Официальный сайт Президента РФ Д.А. Медведева. 04.04.2011. <http://www.kremlin.ru/transcripts/10819>.

Сухов Дмитрий Сергеевич. Криминологическая характеристика и предупреждение коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками ГИБДД (по материалам Восточной Сибири). Специальность: 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Иркутск — 2009. — 24 с.

Сучкова Мария. Обзор международных документов о подходах к организации и работе современной полиции. 16 октября 2011 года, 21:16, Фонд «Общественный вердикт». 26 с. http://publicverdict.ru/articles_images/9746_55889_suchkova.docx.

Счетная Палата РФ. Отчет о проверке штатной численности, категорийности военнослужащих и гражданского персонала, целесообразности и эффективности проводимых организационно-штатных мероприятий в Федеральной службе специального строительства Российской Федерации (Спецстрое России). 2001. http://www.ach.gov.ru/userfiles/bulletins/4-buletен_doc_files-fl-507.pdf.

Тарасов А. Военные прокуроры завели еще одно уголовное дело против ужурских ракетчиков. «Новая газета» 06.10.2012. <http://www.novayagazeta.ru/news/60095.html>.

Управление в полиции: бюрократическое производство преступности. Подготовлено по материалам исследования «Система оценки деятельности подразделений милиции в практике работы правоохранительных органов». Научный руководитель и координатор исследования — Асмик Новикова. Руководитель проекта — Наталья Таубина. М.:, Фонд «Общественный вердикт», 2011. — 105 с. http://publicverdict.ru/articles_images/10237_56866_upravleniep.pdf.

Федотова, Д. Ненужная правда майора Матвеева. «Московский комсомолец». 04.08.2011 <http://www.mk.ru/politics/article/2011/08/04/611819-nenuzhnaya-pravda-mayora-matveeva.html>.

Фонд «Общественное мнение». «Отношение к действующей системе призыва на военную службу». Отчет по результатам опроса 2011 г. <http://fom.ru/uploads/files/army.pdf>.

Энгельс Ф. (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 175.) (цит. по: Гольц А. 2005).

Vagts A. A history of militarism (цит. по: Гольц А. 2005).

Краткие сведения об авторах доклада

Людмила ВАХНИНА – член Совета Правозащитного центра «Мемориал».

Андрей КАЛИХ – директор программ Центра развития демократии и прав человека.

Владимир РИМСКИЙ – заведующий отделом социологии Регионального общественного фонда «Информатика для демократии» (ИНДЕМ).

Эксперты, чьи заключения использовались при подготовке доклада

Ирина КИЗИЛОВА (Центр поддержки демократических молодежных инициатив, Пермь);

Валентина РЕШЕТКИНА (Хабаровский краевой Комитет солдатских матерей);

Нина ПОНОМАРЕВА (Волгоградская областная правозащитная общественная организация родителей военнослужащих «Материнское право»);

Эмма ФЕЛЬДШТЕЙН (Дзержинский правозащитный центр).